

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК В РИМЕ

Маккалоу потрясающе переплетает политику, семейное соперничество и сцены битвы, создавая захватывающую историю, наполненную увлекательными деталями повседневной жизни римлян.

Library Journal

ВЛАДЫКИ
РИМА

КОМИН МАККАЛОУ

Владыки Рима

Колин Маккалоу

Первый человек в Риме

«Азбука-Аттикус»

1990

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Первый человек в Риме / К. Маккалоу — «Азбука-Аттикус»,
1990 — (Владыки Рима)

ISBN 978-5-389-15860-3

Конец второго века до Рождества Христова. Последние десятилетия существования Римской республики. Гай Марий – талантливый полководец, он выигрывает одно сражение за другим, но сталкивается с завистью и враждебностью представителей римских аристократов. Однако Марий упорно идет к поставленной цели, ведь сирийская прорицательница предсказала, что он будет консулом семь раз и станет Первым Человеком в Риме. Луций Корнелий Сулла – истинный патриций, но он нищий, потому ему никогда не войти в сенат, а уж о том, чтобы стать консулом, не может быть и речи. Однако, умный и безжалостный, он готов пройти путем предательства, пролить кровь, чтобы совершить великие деяния на благо отечества, увековечить свое имя в веках...

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-15860-3

© Маккалоу К., 1990
© Азбука-Аттикус, 1990

Содержание

К читателю	6
Главные герои	16
Год первый	19
Год второй	117
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Колин Маккалоу

Первый человек в Риме

Colleen McCullough

THE FIRST MAN IN ROME

Copyright © 1990 by Colleen McCullough

All rights reserved

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

© А. П. Кострова, перевод, 2018

© Е. В. Хаецкая, перевод, 2018

© А. С. Гамалей, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

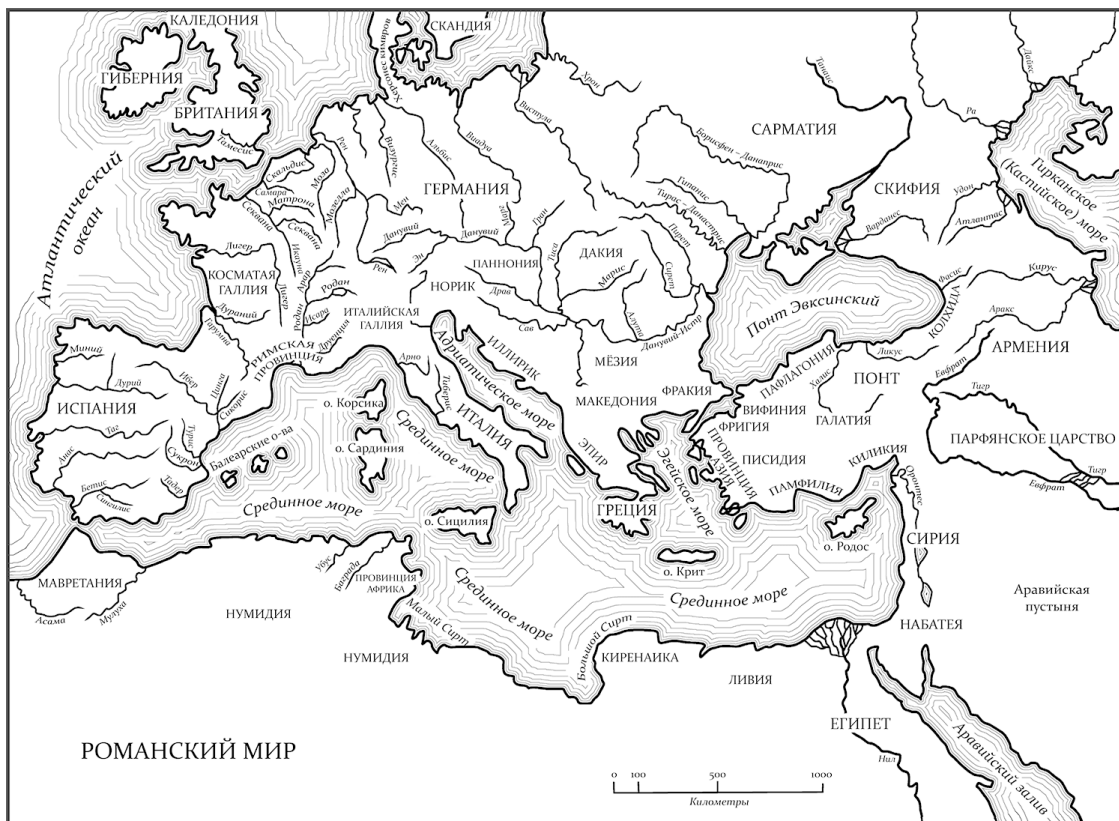
* * *

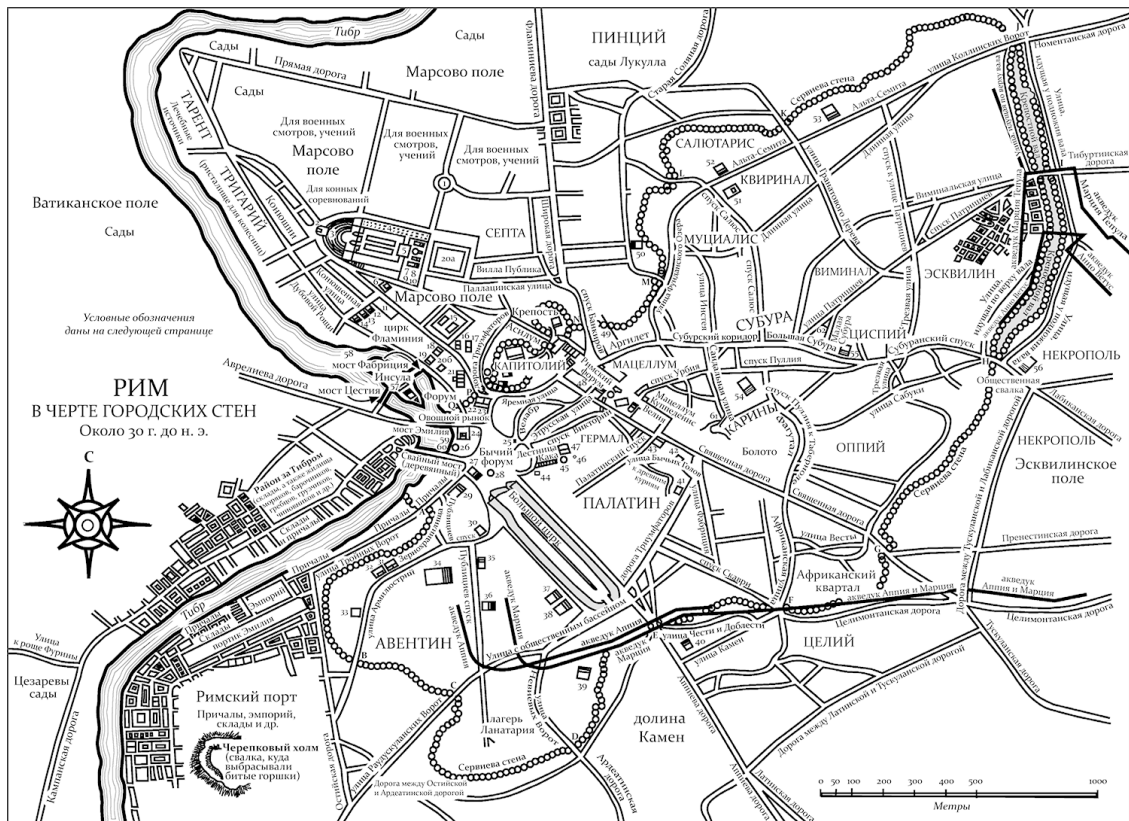
*Посвящается
с любовью и благодарностью дорогому другу, прекрасному коллеге
и честному человеку
Фредерику Т. Мейсону*

К читателю

Для того чтобы мир Древнего Рима стал более понятным, в книгу включены карты и иллюстрации. В конце романа вы найдете глоссарий, в котором дано объяснение незнакомых слов и понятий, приведены современные названия географических объектов, упомянутых в книге, и словарь латинских терминов.

***

Условные обозначения к карте «Рим в черте городских стен»

- 1 мавзолей Юлиев Цезарей (предположительно)
- 2 храм Венеры Победительницы (венчает театр Помпея)
- 3 театр Помпея
- 4 портик Помпея (имел сто колонн)
- 5 курия Помпея в комплексе театра Помпея (место смерти Цезаря)
- 6 храм Геркулеса Водителя Муз

Четыре храма на территории комплекса театра Помпея:

- 7? храм Юноны Куриатной (покровительницы всех курий)
- 8? храм Фортуны Сегодняшнего Дня
- 9? храм Феронии (покровительницы вольноотпущенников)
- 10? храм Лар-Пермарини (божество, охраняющих моряков)
- 11 старый портик Минуция в цирке Фламиния

Три храма цирка Фламиния:

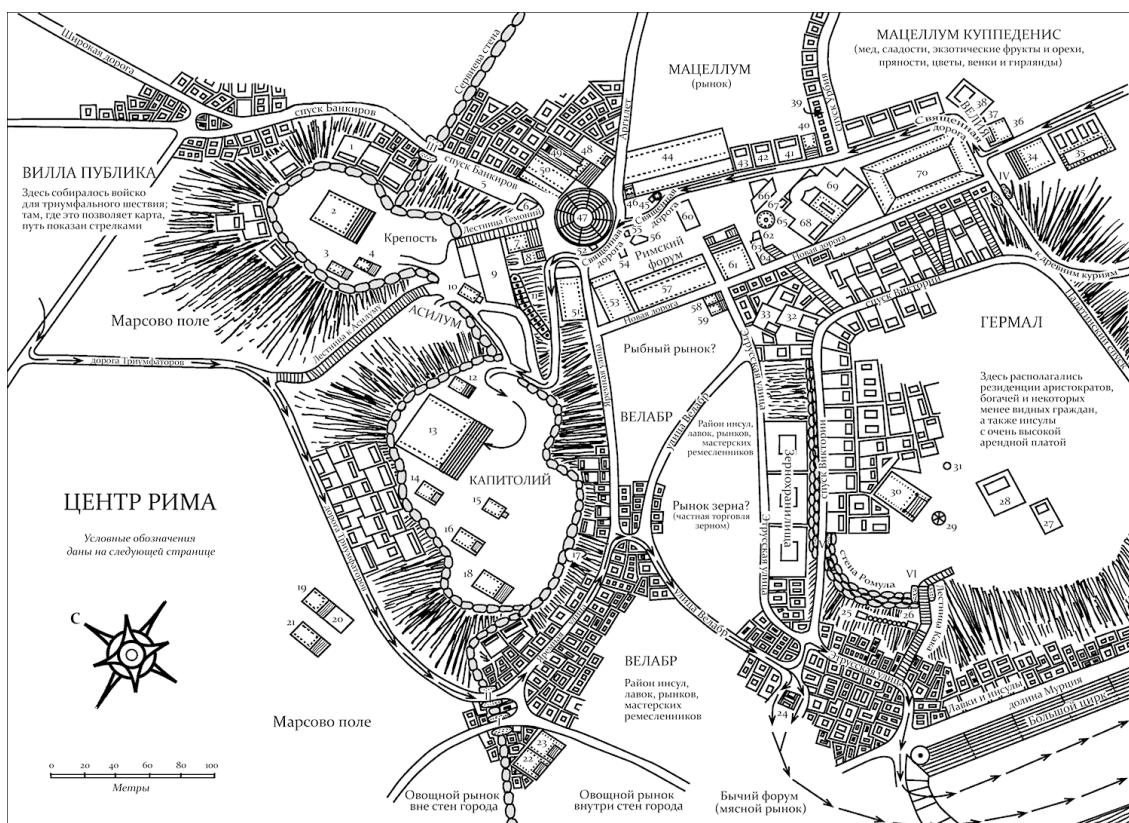
- 12 храм Вулкана
- 13 храм Геркулеса Хранителя (стража цирка)
- 14 храм Марса Непобедимого

- 15 портик Метеллов
- 16 храм Аполлона Целителя
- 17 храм Беллоны и «Вражеская земля»
- 18 храм Юноны Регины (Царицы)
- 19 храм Юпитера Статора (Останавливающего)

- 20a** возможное место нового портика Минуция или виллы Помпея
- 20b** возможное место нового портика Минуция или храма Дианы
- 21** четыре храма: Пиетасы, Януса, Спес (богини надежды) и Юноны Соспиты
- 22** храм Фортуны (покровительницы девственниц)
- 23** храм Матер Матуты
- 24** храм Портуна (бога ключей, дверей, позднее портов и гаваней)
- 25** храм Януса (бога дверей, входов, выходов, а также начала и конца)
- 26, 27, 28** три центра культа Геркулеса соответственно: храм Геркулеса Оливария (покровителя олив, оливкового масла), большой алтарь Геркулеса, храм Геркулеса Непобедимого
- 29** храм Цереры (место встреч плебейских эдилов)
- 30** храм Флоры
- 31, 32** два храма для свободных граждан: Юноны Регины (для женщин) и Юпитера Либертас (для мужчин) соответственно
- 33** священная территория, где происходили армилюстрии (праздник освящения оружия, 19 октября)
- 34** храм Дианы (покровительницы рабов)
- 35** храм Луны
- 36** храм Ювенты (покровительницы мужчин в возрасте от 17 до 43 лет)
- 37** храм Меркурия (место сбора гильдии торговцев)
- 38** храм Венеры Обсеквенции (покровительницы проституции и адюльтера)
- 39** храм Боны Деа (покровительницы женщин) и Священная скала
- 40** храм Чести и Доблести (культ военных командиров)
- 41** старая курия (древнее место собраний)
- 42** место рождения Гая Октавия, впоследствии Августа (предположительно)
- 43** храм Юпитера Статора
- 44** Луперкал (пещера, где, по преданию, волчица вскормила Ромула и Рема)
- 45** круглая хижина Ромула
- 46** Мундус (вход в подземный мир)
- 47** храм Великой Матери (азиатской богини)
- 48** базилика Юлия (на месте базилики Семпрония и Опимия)
- 49** форум Юлия
- 50** храм Семона Санка (святилище Верности)
- 51** дом Тита Помпония Аттика (предположительно)
- 52** храм Салюс (богини здоровья и благополучия)
- 53** храм Квирина
- 54** храм Теллус (древней богини земли)
- 55** храм Юноны Люцины (здесь хранились списки новорожденных граждан Рима)
- 56** храм Венеры Либитины (здесь хранились списки умерших граждан Рима) (предположительно)
- 57** храм Эскулапа (бога врачевания)
- 58** выход сточных вод с Квиринала и Марсова поля
- 59** Большая клоака (выход сточных вод с Субуры и из других районов)
- 60** выход сточных вод с Эсквилина и из римских цирков
- 61** Ярмо сестры (*лат.* Sororium Tigillum – поддержанная двумя опорами балка), храм Юноны Сорории (покровительницы девушек), храм Януса Куриатного (покровителя мальчиков) (предположительно)
- 62** инсула Аврелии

Ворота в Сервиевой стене

- A** Тройные ворота – в порт Рима
- B** Лавернские – к Остийской дороге
- C** Раудускуланские – к Остийской дороге
- D** Невиевы – к Ардеатинской дороге
- E** Капенские – к Аппиевой и Латинской дорогам
- F** Целимонтанские – к Тускуланской дороге
- G** Дубовые – к Пренестинской дороге
- H** Эсквилинские – к Лабиканской и Пренестинской дорогам
- I** Виминальские – к Коллатинской и Тибуртинской дорогам
- J** Коллинские – к Номентанской дороге
- K** Квиринальские – к Старой Соляной дороге
- L** ворота Салюс – к Фламиниевой дороге
- M** Санковы ворота – к Широкой дороге и на Марсово поле
- N** Фонтинальские – на Марсово поле
- O** Триумфальные – только для триумфальных шествий
- P** ворота Карменты – к цирку Фламиния
- Q** Приречные – к цирку Фламиния

Условные обозначения к карте «Центр Рима»

- 1** дом Гая Мария (предположительно)
- 2** храм Юноны Монеты (Советчицы); при храме располагался монетный двор

- 3 храм Венеры Эруцины (покровительницы проституток)
- 4 храм Менс (римской богини Разума)
- 5 Лаутумия, тюрьма
- 6 Туллиан, подземная тюрьма
- 7 храм Согласия
- 8 Сенакулум (приемная комната сената)
- 9 Табуларий (государственный архив)
- 10 храм Вейовиса (юного Юпитера)
- 11 портик Богов Согласия
- 12 храм Юпитера Феретрия (бога войны и побед)
- 13 храм Юпитера Всеблагого Всесильного
- 14 храм Фортуны Примигении (Перворожденной)
- 15 храм Чести и Доблести
- 16 храм Опы (богини плодородия)
- 17 Тарпейская скала
- 18 храм Фидес (богини согласия, верности)
- 19 храм Беллоны
- 20 «Вражеская земля»
- 21 храм Аполлона Сосиана (покровителя медицины и целителей)
- 22 храм Матер Матуты
- 23 храм Фортуны (покровительницы девственниц)
- 24 храм Януса (бога дверей, входов, выходов, а также начала и конца)
- 25 святилище покровителя местности
- 26 Луперкал (пещера, где, по преданию, волчица вскормила Ромула и Рема)
- 27 дом Луция Сергия Катилины (предположительно)
- 28 дом Квинта Гортензия Гортала
- 29 круглая хижина Ромула
- 30 храм Великой Матери
- 31 Мундус (вход в подземный мир)
- 32 дома Марка Ливия Друза, Марка Лициния Красса и Марка Туллия Цицерона (предположительно)
- 33 дома Гнеев, а также Луция Домиция Агенобарба (расположение дома – вымысел автора)
- 34 храм Юпитера Статора (Останавливающего)
- 35 серные бани
- 36 храм Пенатов
- 37 конная статуя Клелии
- 38 резиденция царя священнодействий (это второй по значимости после великого понтифика служитель культа) (предположительно)
- 39 постоялый двор
- 40 храм Ларов-Покровителей
- 41 резиденция фламина Юпитера
- 42 резиденция фламина Марса
- 43 резиденция фламина Квирина
- 44 базилика Эмилия (торгово-деловой центр)
- 45 храм Венеры Клоакины (Очистительницы)
- 46 храм Януса (бога дверей, входов, выходов, а также начала и конца)
- 47 место для комиций (а: черный камень; б: ростра)
- 48 служебные помещения, примыкающие к зданию сената

- 49** курия Гостилия (место заседания сената)
- 50** базилика Порция (здесь размещались торговые помещения, гражданские банки, комитий народных трибунов)
- 51** храм Сатурна (в подиуме храма располагалось хранилище государственной казны Рима)
- 52** алтарь Вулкана
- 53** базилика Опимия (лавки, торговые ряды, суды)
- 54** здание суда различных магистратов
- 55** священная роща и статуя сатира Марсия
- 56** озеро Курция
- 57** базилика Семпрония (лавки, торговые ряды, суды)
- 58** святилище Волупии и статуя Дивы Ангероны
- 59** гробница Ларентии
- 60** суды городских преторов
- 61** храм Кастора и Поллукса (здесь располагалась палата мер и весов, а ступени храма часто служили трибуной для ораторов)
- 62** источник Ютурны
- 63** святилище и статуя Ютурны
- 64** дома для размещения паломников к источнику Ютурны
- 65** храм Весты
- 66** Регия (резиденция верховного понтифика)
- 67** святилище и статуя Весты
- 68** Атриум весталок (дом весталок)
- 69** дом верховного понтифика
- 70** портик Маргаритария (ювелирные лавки)

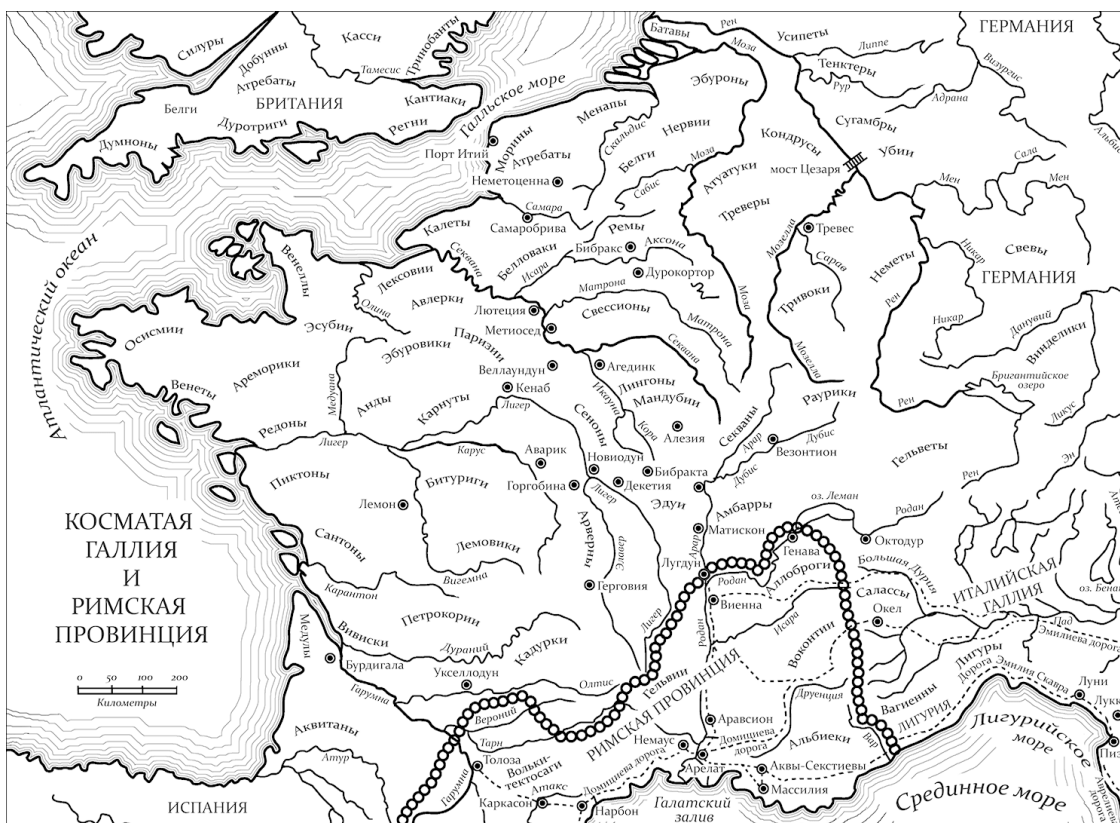
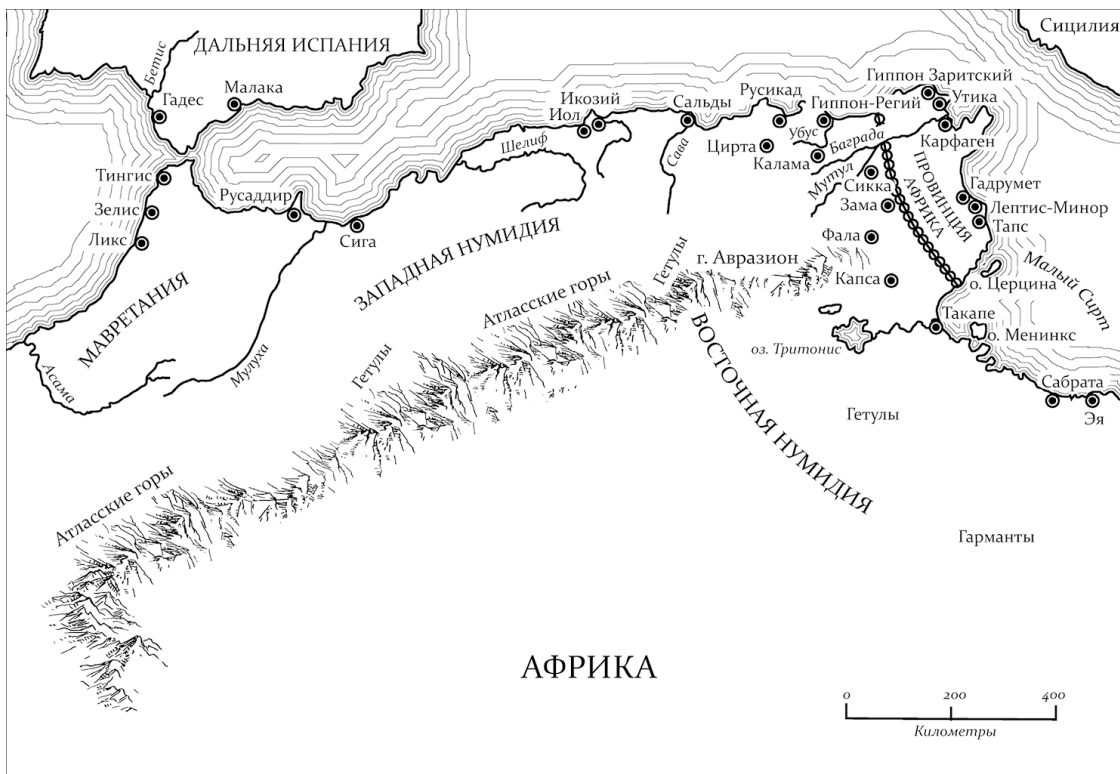
Ворота Рима

Сервиева стена:

- I** ворота Карменты
- II** Триумфальные
- III** Фонтинальские

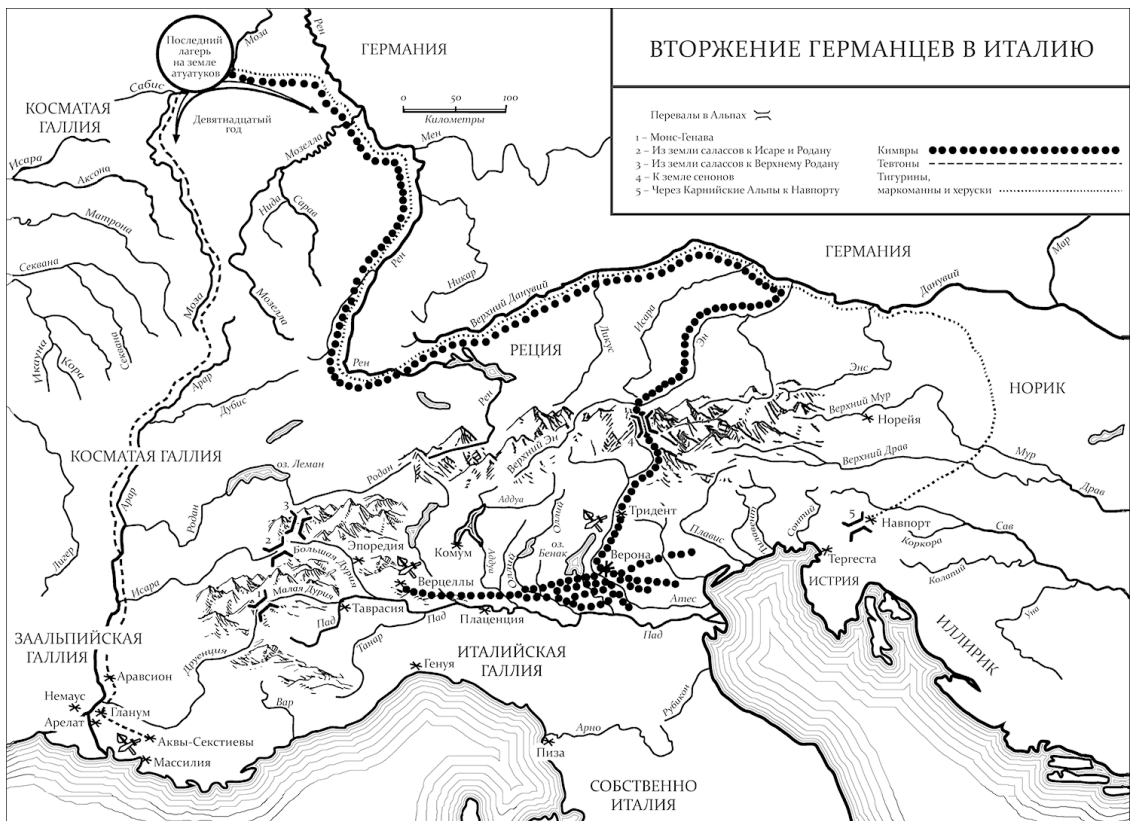
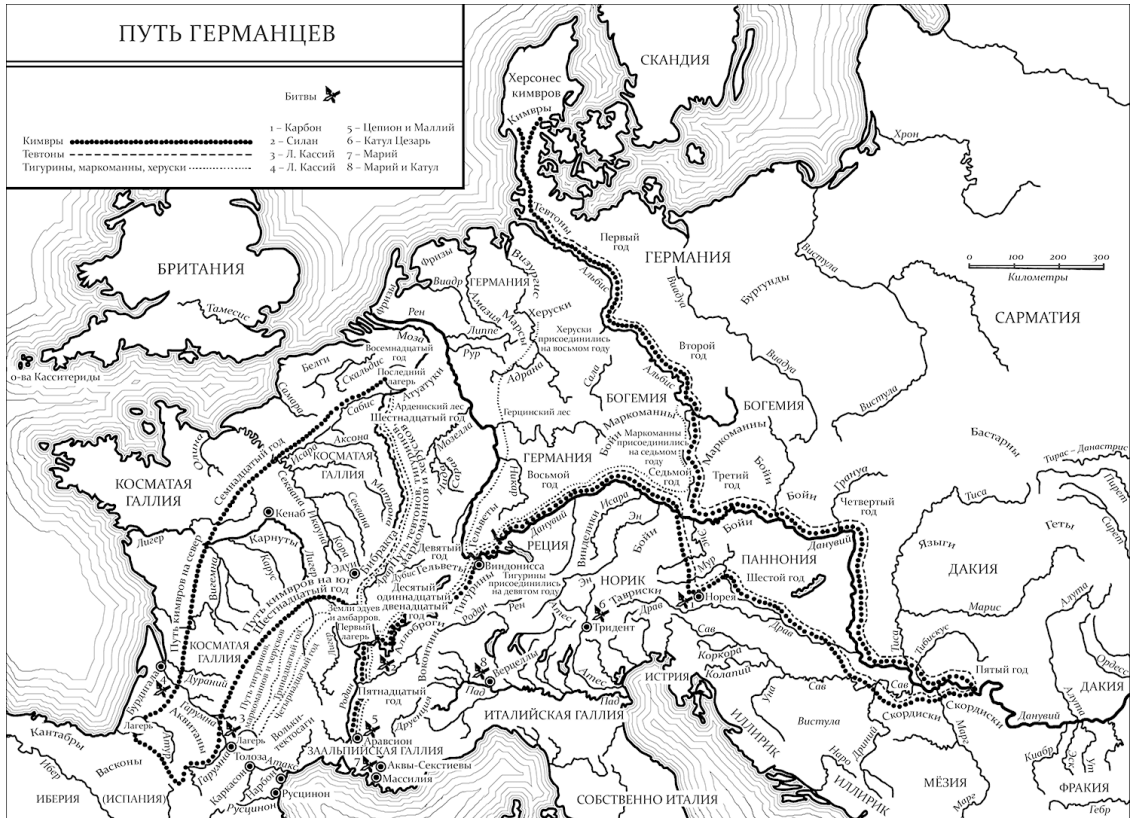
Стена Ромула:

- IV** Порта Мугония
- V** Порта Ромулана
- VI** Порта Какана

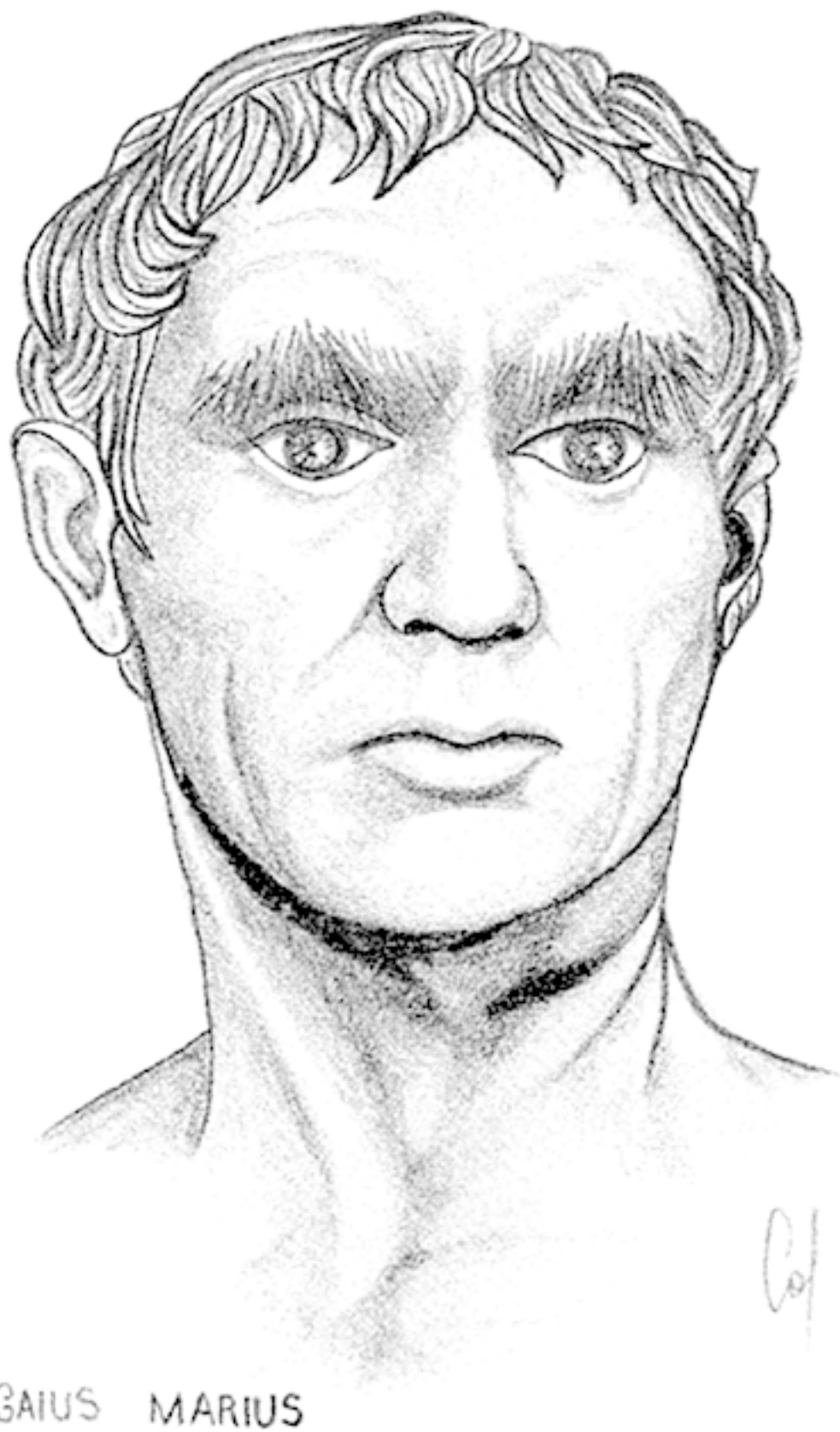

Главные герои

Цепионы:

Квинт Сервилий Цепион, консул 106 г. до н. э.
Квинт Сервилий Цепион Младший, его сын
Сервилия Цепиона, его дочь

Цезари:

Гай Юлий Цезарь, сенатор
Марция, из рода Марция Регия, его жена
Секст Юлий Цезарь, их старший сын
Гай Юлий Цезарь Младший, их младший сын
Юлия Старшая (Юлия), их старшая дочь
Юлия Младшая (Юлилла), их младшая дочь

Котты:

Марк Аврелий Котта, претор
Рутилия, его жена; ее первый супруг – его брат Луций Аврелий Котта, консул 118 г. до н. э. (умер сразу после этого)
Аврелия, его падчерица и племянница
Луций Аврелий Котта, его пасынок и племянник
Гай, Марк и Луций Аврелий Котта, его сыновья от Рутилии

Декумий:

Луций Декумий, председатель религиозного братства

Друзы:

Марк Ливий Друз Цензор, консул 112 г. до н. э., цензор 109 г. до н. э. (умер во время пребывания в должности)
Корнелия Сципиона, его жена
Марк Ливий Друз, их старший сын
Мамерк Эмилий Лепид Ливиан, их младший сын, отданный в усыновление
Ливия Друза, их дочь

Главция:

Гай Сервилий Главция, народный трибун 102 г. до н. э., претор 100 г. до н. э.

Югурта:

Югурта, царь Нумидии, внебрачный сын Мастанабала
Бомилькар, его сводный брат и приближенный

Марии:

Гай Марий
Грания из Путеол, его первая жена
Марфа из Сирии, прорицательница

Метеллы:

Луций Цецилий Метелл Далматик, великий понтифик, консул 119 г. до н. э.
Квинт Цецилий Метелл Нумидийский, консул 109 г. до н. э., цензор 102 г. до н. э., младший брат Луция
Квинт Цецилий Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского

Цецилия Метелла Далматика, дочь Далматика, племянница и подопечная Метелла Нумидийского

Рутилии Руфы:

Публий Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э.

Ливия Друза, его жена, сестра Марка Ливия Друза Цензора

Рутилия Руф, его сестра, вдова Луция Аврелия Котты и жена Марка Аврелия Котты

Сатурнин:

Луций Апулей Сатурнин, народный трибун 103 и 100 гг. до н. э.

Скавры:

Марк Эмилий Скавр, принцепс Сената, консул 115 г. до н. э. и цензор 109 г. до н. э.

Марк Эмилий Скавр Младший, его сын от первой жены

Сертории:

Квинт Серторий, военный трибун

Рия из рода Мариев, его мать, двоюродная сестра Гая Мария

Суллы:

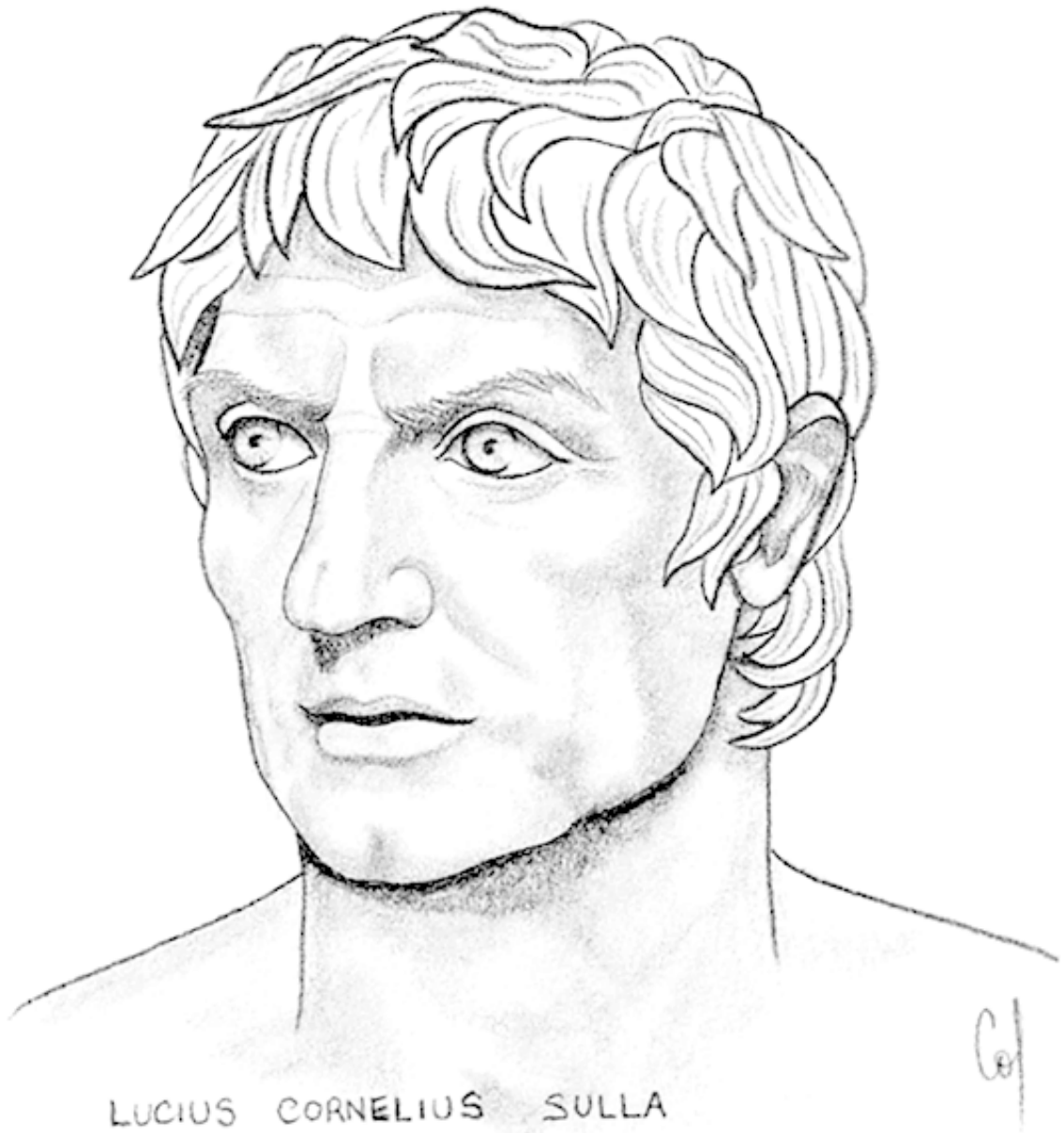
Луций Корнелий Сулла, квестор 107 г. до н. э., легат

Клитумна из Умбрии, его мачеха, тетка Луция Гавия Стиха

Никополис, его любовница

Метробий, юный актер, звезда комедии

**Год первый
(110 г. до н. э.)
Консульство Марка Минуция
Руфа и Спурия Постумия Альбина**

Гай Юлий Цезарь не был приверженцем ни одного из новоизбранных консулов. Он и его сыновья просто присоединились к процессии, сопровождавшей старшего консула Марка Минуция Руфа, когда колонна поравнялась с дверями их дома.

Оба консула жили на Палатине, причем младший – Спурий Постумий Альбин – в более престижном квартале. Из-за этого он и залез в долги. Об этом толковали в Риме – без особого, впрочем, удивления. Место консула – дорогая вещь.

Денежные долги – неизменные спутники человека, поднимающегося по политической лестнице. Но Гая Юлия Цезаря они не беспокоили. Да и его сыновья вряд ли станут об этом тревожиться.

Да, четыреста лет назад их предок Юлий воссел на консульское – из слоновой кости – курульное кресло. Да, всего четыреста лет назад у их семьи достало для этого денег. Могущество и величие Юлия-предка покрывало его потомков, словно тень. И в этой тени Юлии-потомки жили беспечно, не пополняя фамильной казны и беднея из поколения в поколение. Стать консулом? Невозможно... Претором? Нет средств. Теперь для Юлиев – лишь скромные сенаторские скамьи. Для Юлиев, в чьей семье была и ветвь Цезарей – называли их так за пышные густые волосы...

Поэтому тога, уложенная слугой в изящные складки на левом плече и обернутая вокруг туловища Гая Юлия, – обычного белого цвета. Как и подобает человеку, который не добивается высоких должностей, не жаждет сидеть в кресле из слоновой кости. Только обувь из темно-красной кожи, железное кольцо сенатора на пальце да широкая пурпурная кайма на правом плече по краю туники – вот и все, что отличало его наряд от одежды сыновей.

Секст и Гай, сыновья, – в туниках с тонкой пурпурной полоской, что приличествует юношам из сословия всадников. Простые сандалии и перстни с печатками.

Солнце еще не взошло, а день уже начался – с краткой молитвы и подношения на алтаре в атриум соленых хлебцев богам. Позже раб у дверей возвестил, что видит огни, потоком плывущие вниз с вершины холма.

Был шепотком упомянут и Янус Патульций, разрешающий без опаски держать открытыми двери. Отец с сыновьями вышли на узкую мостовую и здесь разошлись. Юноши – в голову процессии, где перед новым старшим консулом ступали шеренги всадников. Гай Юлий Цезарь выждал, когда Марк Минуций Руф прошествует мимо, окруженный ликторами. Следом шли сенаторы, и он примкнул к ним.

Марция затворила дверь, заручившись поддержкой Януса Клузивия, что позволяет замыкаться дверным засовам. Сонных рабов разогнала – есть у них и другие обязанности, кроме как торчать в передней.

Мужчины ушли, теперь она может устроить собственное шествие. Но где ее дочери? Ответом послужил залихватистый смех, донесшийся из маленького зала, который девочки называли своим владением. Там они завтракали хлебом и медом. Какие чудесные у нее дочери!

Девочки в семье Юлиев были, по общему мнению, настоящим сокровищем, ибо обладали особым даром: любого мужчину могли сделать счастливым. Обе Юлии обещали соблюсти семейную традицию.

Юлии Старшей, или просто Юлии, почти исполнилось восемнадцать. Высокая, стройная, гордая. Глаза серые, волосы, как потемневшая бронза, стянуты на затылке узлом. Взирала она на мир с достоинством, но не заносчиво. Спокойна и умна была Юлия Старшая.

Юлия Младшая, или Юлилла, шестнадцати с половиной лет, – последний ребенок в семье. Родилась неожиданной и нежеланной. Но чуть подросла – и все полюбили ее за ласковость, нежную игривость и веселый, беспечный нрав. Вся она излучала янтарный теплый свет. Кожа, волосы, глаза – все, казалось, источало нежный аромат меда. Это она смеялась сейчас.

– Готовы ли вы? – спросила мать.

Дочери сунули в рот остатки липкого хлеба, быстро обмакнули пальцы в чашу с водой и, обтерев их, направились следом за матерью.

– Сегодня холодно, – сказала Марция и протянула дочерям теплые шерстяные плащи. Тяжелые и некрасивые.

Девушки разочарованно – протестовать бесполезно – позволили укутать себя. Сразу стали похожи на бабочек в коконах, только лица открыты. Марция вывела из дому дочерей в сопровождении небольшого эскорта слуг.

Небогатый дом Юлиев, расположенный в нижней части Палатина, на Гермале, достался Гаю в наследство, как младшему сыну, от его отца Секста, а еще пятьсот югеров земли между Бовиллами и Арицией, что позволяло Гаю и его семье занять место в сенате.

У Секста было двое сыновей, и он попытался оказать поддержку обоим. Тут была и сентиментальность племенного производителя – жаль было оставлять младшего ни с чем. Поэтому семейное достояние было разделено между старшим сыном Секстом и младшим – Гаем. Отец надеялся, что оба сына поднимутся по *cursus honorum*: один станет претором, другой – консулом.

Сын Секст не был столь сентиментальным, как Секст-отец. Еще чего! Со своей женой Попиллией он родил трех парней – вот нестерпимая обуза для простой сенаторской семьи! Проявив необходимую твердость, он отдал своего старшего сына в усыновление бездетному Квинту Лутацию Катулу. Старый Катул, фантастически богатый человек, был рад столь удачному приобретению, за большие деньги купил он ребенка – юного патриция, умного и весьма приятного на вид.

На эти деньги Секст-отец приобрел земли в городе и за городом. Теперь его сыновья (те, что остались) обеспечены неплохо и даже имеют возможность – коль скоро Фортуна явит им благосклонность – стать большими людьми в магистрате.

Предприимчивый Секст-сын единственный избежал фамильного несчастья Юлиев Цезарей. А несчастье это заключалось в том, что слишком много наследников рождалось у них. Но не могли Юлии отдавать мальчиков в усыновление и проследить, чтобы оставшиеся дети вступали в выгодные браки. И дробилось семейное достояние, оскудевало из поколения в поколение, а ведь были еще и дочери, нуждающиеся в приданом... Вот так Юлии и расточали богатство – в прошлом весьма внушительное.

Муж Марции был истинным Юлием Цезарем, гордившимся сыновьями и любившим дочерей своих больше, чем подобает римлянину. Однако придется ему старшего сына отдать в усыновление, дочерей просватать за богатых людей, а младшему найти богатую невесту. Только деньги могут помочь сделать политическую карьеру. А кровь патриция давно уже превратилась в помеху...

Неприветлив был первый день нового года. Сеял изморосью холодный ветер, скользил под ногами мокрый булыжник мостовой. Смердели в канавах раскисшие отбросы. Тучи сделали мучительно долгим и без того поздний рассвет. В этот первый в году праздник простой люд предпочел остаться за закрытыми дверями. На своих соломенных матрасах они играли в вечную игру – «потремся друг о друга».

Случись сегодня хорошая погода – и улицы были бы переполнены. Народ, любопытствуя, перетекал бы с места на место. Что делается на Капитолии? Что творится на Форуме? И слугам Марции пришлось бы расталкивать зевак, чтобы расчистить дорогу хозяйкам.

Дом Гая Юлия стоял в переулке, который обрывался у спуска Виктории, в двух шагах от Порта Ромулана – старинных ворот в древних стенах Палатина, сложенных самим Ромулом. Шесть прошедших веков сильно все изменили: столетия покрыли каменные плиты мхом и инициалами путешественников. От спуска направо и вверх – наивысшее место на Гермале, небольшой пустырь, откуда вся панорама Форума открыта для взора. Женщинам понадобилось всего пять минут, чтобы дойти до него. Двенадцать лет назад тут стоял дом, один из прекраснейших в Риме, – дом Флакков. Ныне разве что случайный камень в траве мог напомнить о былом.

Рабы расставили складные стулья, и Марция с дочерьми смогли с удобством обозревать и Форум, и Капитолий, и склоны Субуры, кишашие возбужденными людьми. А вдали, к северу, – подступающие к городу холмы.

– Вы слышали? – спросила Цецилия, жена банкира Тита Помпония, живущая по соседству с Цезарями. Со своею теткой Пилией она уселась рядом, бережно поддерживая живот. Она была беременна.

– Что-то случилось? – откликнулась Марция, чуть наклонившись.

– Консулы, авгуры и жрецы, только чтобы успеть вовремя, начали церемонию сразу после полуночи...

– Они всегда поступают так, – оборвала ее Марция. – Ведь если они допустят ошибку, им придется начинать все сначала.

– Не такая уж я невежда, чтобы не знать этого. – Цецилия была раздражена. Ее поучает дочь какого-то претора! – Дело не в ошибке – вряд ли они допустят ее. Но нынче все складывается как-то... неудачно. Ауспиции предсказывают недоброе. Молния била справа четырежды! Сова авгуров разухалась, словно ее убивают... Да и погода... Год явно будет нехорош. От консулов, верно, также не придется ждать ничего хорошего.

– По-моему, это очевидно и без совиных подсказок, – произнесла Марция сдержанно. Она хорошо помнила, что ее отец не дожил до консульских привилегий, но помнила также, что именно он, в должности praetor urbanus, городского претора, построил большой акведук и привел в Рим свежую, чистую питьевую воду. И это деяние создало ему прочную славу. – Выбирать-то было не из кого, – продолжила она. – Да и выборщики подвели. Может, Марк Минуций Руф еще ничего, но Спурий Постумий Альбин... Ничтожный был выбор.

– Как? – удивилась недалекая Цецилия.

– Постумии Альбины ни на что не годятся, – пояснила Марция, отыскивая взглядом своих дочерей.

Те перенесли свои стулья поближе к подружкам – четырем девушкам из рода Клавдия Пульхра. Ох уж эти Пульхры! Взбалмошная семейка. Однако девушки были знакомы давно – у дома Флакков собирались они в детстве по утрам, перед тем как идти в школу. Не запретишь же им общаться – да и к чему? Клавдии Пульхры – род почти столь же древний, что и Юлии Цезари. Кроме того, постоянно воюет с противниками старых благородных родов. Как и у Юлиев Цезарей, детей у них было много, а деньги и земли иссякали... Однако куда же глядят их матери? Девчонки совершенно без присмотра! Ах! Матери разговаривают с Суллой... Безобразие!

– Девочки, вернитесь немедленно! – строгим голосом велела Марция.

– Неужели нам нельзя оставаться с подружками? – откликнулась жалобно Юлилла.

– Нельзя! – Тон Марции не допускал возражений.

Внизу, на Форуме, две длинные процессии, похожие на огромных извивающихся крокодилов: одна – идущая от дома Марка Минуция Руфа, другая – от дома Спурия Постумия Альбина, – встретились и слились в одну.

Первыми шли всадники – человек семьсот. Их было бы более, если бы не погода: хотя солнце взошло давно, светлее было ненамного и дождь накрапывал все сильнее. Первые шеренги всадников уже поднимались по Капитолийскому холму – там на первом повороте серпантинной дороги их встречали жрецы и забойщики скота с двумя превосходными белыми быками. Веревка, за которую их вели, блестела и переливалась, рога были вызолочены и сверкали, на шеях гроздьями висели цветочные гирлянды – по случаю праздника.

Следом за всадниками – двадцать четыре ликтора, консульский эскорт. Потом – сами консулы и сенаторы. Бордовые полосы на тогах – члены магистрата. Прочие сенаторы – сплошь белые тоги. В хвосте колонны – случайные зеваки, клиенты консулов, приезжие... всякий сброд, не имеющий – если взглянуть строго – права входить в эту процессию.

«Красиво», – подумала Марция. Тысячеглавая толпа неспешно двигалась к храму Юпитера Наилучшего Величайшего, на самую высокую вершину города.

Греки строили свои храмы прямо на земле. Римляне же возводили сначала высокие платформы с длинными рядами ступеней. И ступеней, которые вели к храму Юпитера Всеблагого Всесильного, было действительно много.

«Красиво», – снова подумала Марция, когда жертвенные животные и храмовые служители присоединились к процессии и дальше восходили вместе до небольшой площади около храма. На ней разместиться могли лишь избранные. Среди них находились сейчас ее муж и сыновья – люди, принадлежащие к правящему классу величайшего города на земле.

Где-то в этой толпе находился и Гай Марий. Бывший претор. Это его положение подчеркивалось красными сандалиями и *toga praetexta* – тогой «бывшего». Много ли радости в этих знаках отличия? Они недостаточно хороши. Пять лет назад Марий стал претором и уже два года спустя мог бы стать и консулом... Мог бы? Никогда.

Почему?

Потому что он недостаточно хорош. Резон исчерпывающий. Кто-нибудь когда-нибудь слышал что-нибудь о семье Мариев?

Никто не слышал.

Гай Марий начал свой путь в глуши – путь обычного военного. Про таких говорят «деревенщина». В минуту опасности или душевного возбуждения провинциальный говор изобличал его среди натуральных латинян.

Не важно, что он мог купить и продать часть сената. Не важно, что на войне он стоил поболее всех сенаторов, вместе взятых. Ценилась родословная, предки.

Кровь – вот что важно. А она была недостаточно хороша.

Родился Гай в Арпине. От Рима недалеко, но слишком, слишком близко от границ между Лацием и Самнием. Жители этих мест вызывали сомнения – и не без оснований – по поводу своей лояльности. Самниты среди италийских племен считались всегда серьезными и злейшими врагами Рима. Лишь семьдесят восемь лет назад жители Арпина стали истинными гражданами Рима – совсем недавно. Посему территория эта еще не обрела муниципального статуса.

Но прекрасен этот край. Арпин к самым горам Апеннинским приколот брошью, словно на грудь знатной красавицы. Нарядны сады по берегам Лириса и Мелфы. Гроздья винограда тяжелы, наполненные солнечным соком, – вино здесь лучших сортов. Урожай щедры. Овечья шерсть нежна и тонка. Зима щадит, и лето не жарко. Вода изобилует рыбой. Леса словно специально росли для постройки домов и кораблей – всё звонкие сосны да дубы, под сенью которых пасутся по осени свиньи, которые потом станут колбасой и нежнейшей ветчиной, столь любимыми благородными жителями Рима.

Спокойный, чуть сонный зеленый мир.

Уже не первое столетие жила семья Гая Мария в Арпине. Римским своим происхождением гордились они чрезвычайно. Разве Марий – вольское имя? Разве самнитское? У осков, правда, встречается оно, но нет: эти Марии – латиняне.

И он, Гай Марий, не хуже римских нобилей, что с таким удовольствием унижают его. Он лучше, много лучше, и чувствует это.

Подобные мысли навязчивы и беспокойны. Они, словно незваные гости, презревшие приличия, не уходят. Давно, очень давно нагрязнули они к нему. А время убывало текущей водой, обмелели мечты, и на дне пересохшего ручья обнажилась вся тщетность надежд. Было от чего прийти в отчаяние. Но он был крепок и упрям – как и в молодости.

«Странно устроен мир! – думал Гай Марий, наблюдая застывшие лица окружавших его людей, – лица, размытые слякотью ненастного дня. – Нет среди них ни Тиберия или Гая Сем-

прония Гракха, ни Марка Эмилия Сквава, ни Публия Рутилия Руфа. Кучка ничтожных! Как надменно смотрят они на меня. Воображают, что я ни на что не годный выскочка, лишь потому, что кровь в их жилах чище. Каждый из них уверен: подвернись ему случай – и он сможет занять важнейший в государстве пост и называться Первым Человеком в Риме. Как Сципион Африканский, как Эмилий Павел, как Сципион Эмилиан, как десятки других».

Первый Человек в Риме считался первым среди равных – людей с одинаковыми возможностями. Это больше чем царь, больше чем деспот. Царь опирается на происхождение, деспот – на меч. Первый же Человек, кроме силы и происхождения, должен быть наделен еще и умом. Соперники ждут законного повода убрать его с дороги, значит их нужно укротить, подчинить, купить – словом, сделать союзниками.

Первый – больше чем консул. Два консула сменяются каждый год. Много их было, много их будет. Но за всю историю Республики лишь несколько человек могли называться Первыми.

Теперь в Риме нет такого человека. Давно уже нет – целых девятнадцать лет, с тех пор как умер Сципион Эмилиан. Почти добрался до этой вершины Марк Эмилий Сквав. Но не хватило ему некоего ценного качества. Сплава силы, власти и славы, того, что римляне зовут *auctoritas*. Однако – да будет он здрав!

Толпа колыхнулась, и легкий шепот пробежал по ней. Марк Минуций Руф приступил к обряду. Но вышла досадная заминка: бык, назначенный на заклатие Великому Богу, не стал есть корма со специальными снадобьями. Он пыхтел, мотал головой и рвался прочь.

Все припомнили и другие дурные предзнаменования этого дня. «Не жди теперь хорошего года», – шептали в толпе. Обнаженный по пояс жрец с молотом не стал дожидаться, пока животное поднимет голову к небесам, а потом опустит ее к земле. Позже можно будет сказать, что оно сделало это десяток раз, борясь за свою жизнь. Молниеносный взмах молота, глухой удар – и бык рухнул на вымощенную каменными плитами площадку. Другой жрец опустил обоюдоострый топор на шею животного – камни стали багряными. Жрецы наполняли чаши кровью, а она все текла и текла, стекала с плит... Земля, пропитанная дождем, почти не поглощала ее.

«О человеке многое можно узнать по тому, как сказывается на нем вид крови и запах...» – размышлял Гай Марий. Он видел, как одни быстро отворачивались и отходили в сторону, как другие стояли в крови спокойно, позволяя пропитаться сандалиям. Иные едва сдерживали тошноту.

«А вот к этому человеку стоит приглядеться повнимательней!»

Он стоял среди всадников – молодой, только вступил в возраст зрелости. Однако нет на его тоге узкой красной полоски. Вот он развернулся и начал спускаться по склону к Форуму. Гай Марий успел заметить, как его светло-серые глаза жадно сверкнули при виде кровавой струи. Но кто же он? И кто бы о нем мог знать? Красив и мужской, и женской красотой сразу: молочная кожа и волосы цвета солнца на рассвете. Словно сам Аполлон показался перед Марием. Но нет, этот взгляд – взгляд человека, знающего, что такое страдание. Разве боги страдают?

В корм второму быку подсыпали еще больше сонного снадобья. Но и этот бык сопротивлялся – пожалуй, сильнее, чем первый. Удар по голове, обычно заставлявший животное покорно осесть, был слабым и лишь разъярил его. Какой-то жрец догадался ухватить быка за мошонку и тем выиграть мгновение для ударов. Молотобоец и жрец с топором ударили вместе. Бык упал, и брызги его крови окропили все вокруг, включая обоих консулов. Спурий Постумий Альбин и его младший брат Авл сплошь были в крови. Гай Марий боковым зрением изучил выражения их лиц, обдумывая последствия такого скверного знаменья. Дурного предзнаменования для Рима.

А непрошенные мысли все назойливее, все неотвязнее. Словно вот оно, время, пришло. Настал тот самый миг, что вознесет Гая Мариа, сделает его Первым Человеком в Риме. Здравый смысл – много его набралось у Мариа за прожитые годы – сопротивлялся. Предчувствия – вздор, подразнят и обманут, отдадут на позор и смерть; так решил бы любой здравомыслящий римлянин.

Ему, Гаю Марию, сорок семь. В шестерку преторов пять лет назад он попал случайно, да и будто в насмешку – шестым, последним в списке. Уже и тогда он не был молод, чтобы пробиваться к консульскому креслу. Без громкого имени, без своры клиентов... Теперь и подавно ушло его время. Утекло, иссякло.

Закончилась церемония, консулы были посвящены. Верховный жрец – великий понтифик Луций Цецилий Метелл Далматик, этот самовлюбленный осел, обожающий роскошь и блеск, выдал из себя последнюю молитву. Глашатай старшего консула стал созывать сенат в храм Юпитера Всеблагого Всесильного на собрание. Нужно было определить день Латинского праздника на Альбанской горе, обсудить, какие провинции нуждаются в новых правителях. Распределить по этим провинциям преторов и консулов.

Иные из народных трибунов преступили дозволенные границы, смущая народ. Это тоже надобно обсудить. Скавр обязан остановить этих крикливых глупцов, уподобясь плотине, сдерживающей вешние грязные воды.

Кто-нибудь из Цецилиев Метеллов опять будет гнусаво разглагольствовать об упадке нравов среди римской молодежи. Но, утомленные скукой, сразу десяток-другой человек прервут его. Старо и привычно все. Люди вокруг, сенат, весь Рим, да и сам Гай Марий нисколько не изменились, лишь постарели на год. Будет Гаю Марию пятьдесят семь, а потом – шестьдесят семь... А потом эти нудные, глупые люди сожгут его на погребальном костре, и он растворится в небе стружкой дыма. Прощай, Гай Марий, знатный свинопас из Арпина. Все равно ты не был римлянином.

Глашатай умолк. Гай Марий вздохнул тяжело и пошел прочь, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть поблизости кого-нибудь, кого можно было бы пнуть как следует, чтобы на душе полегчало.

И тут он встретился глазами с Гаем Юлием Цезарем. Тот улыбался, будто прочел его мысли.

Гай Марий остановился, отведя взор.

Гай Юлий – после смерти брата Секста старший из Юлиев Цезарей – был рядовым членом сената. Высокий и подтянутый, истинный военный. Лицо его было симпатично, несмотря на возраст – пятьдесят пять лет. Красивое лицо, обрамленное пышными седыми волосами. Такие люди уходят из жизни постепенно, такие и в девяносто, на трясущихся ногах, ходят в сенат и поражают всех удивительным здравомыслием. Такие не оканчивают жизнь под жертвенным топором. Именно такие и делают Рим Римом, когда приходит к этому время. Да, именно такие, а не стадо Цецилиев Метеллов. Потому что они – лучшие из всех.

– Кто из Метеллов собирается сегодня вещать? – осведомился Цезарь, когда вместе они стали подниматься по широким ступеням храма.

– Тот, кто хочет взобраться повыше, – ответил Гай Марий. Густые его брови поползли вверх, а затем вниз, точно гусеницы по ветке. – Старина Метелл, вероятно. Младший братик нашего верховного жреца.

– Разве?

– Полагаю, он хочет стать консулом на следующий год. Ему пора готовиться к этому.

– Думаю, ты прав, – отозвался Цезарь.

Гай Марий по старшинству пропустил Цезаря вперед и вошел следом в священное жилище Юпитера Всеблагого Всесильного.

Центральный зал плавал в полутьме – солнце не заглядывало в храм. Но лик божества светился багрово, будто раскаленный незримым огнем. Древним было изваяние, много веков назад слепил его из терракоты знаменитый этрусский скульптор Вулка. Позже добавились одежды из слоновой кости, золотые волосы и сандалии, золотая молния, серебряная кожа рук и ног. Выросли ногти из слоновой кости. Лишь лицо, чисто выбритое на этрусский манер, перенятый римлянами, сохранило цвет терракоты. Точеное, правильное лицо, и только сомкнутые губы растянуты чуть не до ушей в бессмысленной улыбке. С такой улыбкой непутевые отцы наблюдают, как их чада играют с огнем.

По сторонам открывались два зала поменьше: слева – Минервы, справа – Юноны. Дочери Юпитера и супруги его. Статуи их были из чистого золота и слоновой кости, но обеих знатных дам принудили к соседству с чужаками. Старые боги не покинули этого места, когда строился храм. Не захотели. Римляне есть римляне. Старых богов оставили здесь вместе с богами новыми.

– Позволь спросить тебя, Гай Марий, не отобедаешь ли ты со мной завтра в моем доме? Это было неожиданно. Гай Марий даже зажмурился, медля с ответом.

С чего бы такая честь? Странно все это. Но и на насмешку не похоже. Юлии Цезари не смеются над теми, кто в пасынках у судьбы. Верно, в дом их непросто попасть. Но это понятно. Если твой род восходит к Юлу, Энею и Анхизу, к самой богине Венере, вряд ли ты будешь водиться с портовыми рабочими или кем-нибудь вроде Цецилия Метелла.

– Благодарю тебя, Гай Юлий. Почту за честь.

Луций Корнелий Сулла проснулся еще до восхода солнца первого дня нового года. Проснулся почти трезвым.

Он лежал точно так же, как упал вчера: между мачехой и любовницей. Обе дамы – по отношению к обоим это лишь эвфемизм – лежали к нему спиной и были полностью укрыты. Это было представлением, разыгранным специально для того, чтобы превратить разбудившую его утреннюю эрекцию в изощренную пытку.

Несколько мгновений он пытался переглядеть свой третий глаз, бесстыдно смотрящий на него поверх живота, но борьба была неравной.

Приняв решение, Сулла правой рукой осторожно приподнял край покрывала мачехи, левая же его рука потянулась к любовнице.

В то же мгновение обе женщины, притворявшиеся спящими, вскочили с постели и с яростным криком принялись избивать его с обеих сторон.

– За что? – вскричал он, сворачиваясь в клубок и силясь уберечь от ударов пах, где эрекция спала, как пустой винный бурдюк.

Не стесняясь в выражениях, они объяснили за что, изложив события вчерашнего вечера, визжа и перекрикивая друг дружку.

Теперь и он вспомнил, что произошло.

Метробий, будь прокляты его глаза! Но какие же глаза у мерзавца... Блестят, как будто черный обкатанный янтарь. А ресницы такой длины, что можно намотать на палец. Сливочная кожа, черные волосы выются, падая на узкие, как у девушки, плечи. А какая задница!

Четырнадцать лет ему было, но порок в нем тысячелетний, в этом ученике Скилакса-актера, в этом гряззуле, в этом злом мальчишке, в этом развратнике, в этом тигренке...

Обычно Сулла предпочитал женщин, но Метробий – что-то особенное. На пиршество он явился одетый Купидоном, а Скилакс в костюме Венеры сопровождал его. Над мальчишескими лопатками трепетали смешные неловкие крылышки из перьев, шафранный шелк обтекал бедра. Так душно было в доме, что вскоре стало понятно: шафранный краситель – дешевка. Смешавшись с горячим потом, он потек оранжево-желтыми струями по ногам Купидона. Шелковая повязка намочила и приклеилась к коже, привлекая внимание к тому, что было скрыто под ней.

С первого быстрого взгляда он Суллу очаровал. Но и Сулла очаровал его. Много ли мужчин с такой, как у Суллы, белой кожей? С таким цветом волос – совсем как восходящее солнце? А его глаза, подернутые туманом, точно белые... Не говоря уже о лице, которое притягивало к себе столько взоров в Афинах, куда некто Эмилий, пусть его имя останется тайной, бесплатно, лишь наслаждаясь ласками юноши, на своем корабле перевез шестнадцатилетнего Суллу. Путем дальним, вокруг всего побережья пелопоннесского. Но в Афинах участие этого благодетеля закончилось. Эмилию не хотелось рисковать репутацией, он был слишком важной персоной. Римляне стыдились гомосексуализма и признавали его недостойным пороком. Греки же, напротив, считали его наивысшей формой любви.

Первые скрывали свои пристрастия как величайшую тайну. Вторые всячески превозносили и хвастались перед друзьями своими любовниками.

Сулла быстро осознал, что первые не лучше вторых. Только первые ценители шире распахивали кошельки: страх и риск обостряли их вожделие. Греки, наоборот, считали обязательным платить за доступное и обычное. Сулле не приходилось рассчитывать на их признательность. Разочаровавшись, Сулла с помощью шантажа вырвал у Эмилия деньги на обратный путь в Италию и Рим и покинул Афины навсегда.

С возрастом он изменился. Бреясь впервые, он ощутил себя настоящим мужчиной и быстро охладил к подобным себе. Даже их щедрые подарки не возбуждали его.

И тогда он открыл для себя... женщин. Он понял, что те еще лучше мужчин. Сами стремятся, чтобы их подчиняли и использовали, сами готовы платить за свои унижения.

В детстве он их почти не знал. Мать его умерла рано, оставив детей спившемуся отцу, которого они мало интересовали. Была у Суллы старшая сестра – Корнелия. Благодаря своей миловидности она отыскала себе жениха – Луция Нония, богатого землевладельца из Пицена. Уехала с ним на север – наслаждаться жизнью в деревенском раю. А Сулла остался присматривать за отцом.

Когда Сулле исполнилось двадцать четыре, отец его совершенно неожиданно женился снова. Сулла вздохнул с облегчением: больше не нужно искать денег для утоления вечной отцовской жажды. Новая супруга папаши, Клитумна из Умбрии, была вдовой и наследницей очень богатого торговца. Его единственную дочь она вовремя спровадила замуж в Калабрию, ошастливив какого-то торговца маслом.

Клитумна вышла за Суллу-старшего, потому что ей нравился Сулла-младший. В ее собственном доме на Палатине она развлекалась с ним, без сожалений забыв о супружеском долге. Но юный Сулла неожиданно обнаружил в себе странную жалость к отцу – непутевому, но безобидному пьянчуге. Тогда он как можно мягче отстранил от себя Клитумну и ушел.

Сбережения его были скромны. Удалось ему найти две комнаты в большой инсуле на Эсквiline, у самого Тарквиниева вала. Он платил три тысячи сестерциев в год: за жилье, за слугу-повара да за стирку белья. Девушка-прачка жила двумя этажами выше. Раз в неделю, с его грязным бельем в узле, она пробиралась запутанным уличным лабиринтом к небольшой площади – светлому пятну неправильной формы среди мрака трущоб. Фонтан был своеобразной святыней, неким клубом для обитателей этих трущоб. Для них старый и мерзкий Силен беспрерывно сблеивал струи воды на каменное дно бассейна.

Таких фонтанов в городе было много. Их подарил Риму Катон Цензор, величайшего ума старец, весьма практичный и весьма низкий родом.

Поспорив с какой-нибудь другой прачкой за более удобное место у бассейна, девушка стирала – отбивала о камни одежду Суллы, полоскала и выкручивала насухо с чьей-либо помощью. Обрато приносила вещи аккуратно свернутыми. Ее цена за услуги была необременительна: по-быстрому всунул-вынул. Никто за девушкой не присматривал, жила она одна. Лишь старая облезлая птица, вечно нахохленная, обитала в ее комнате.

Примерно в это время Сулла повстречал Никополис. Ее имя указывало на греческое происхождение: «Город победы». Она совершенно его устраивала – обеспеченная вдовушка, до безумия желающая любви. С ней была только одна проблема. Она тратила ему на подарки очень большие деньги, но вот годового содержания ему не назначила – оказалась проницательной и практичной. Этим она напоминала его мачеху Клитумну. Что делать, женщины глупы, но глупость их умна.

Через два года отец Суллы умер от цирроза, промотав свою жизнь, пропив и проев... Клитумна всегда относилась к нему как к досадному привеску – ее интересовал только его сын. Но теперь и самого Суллу сыновний долг более не удерживал. И они зажили втроем. Клитумна не возражала против Никополис и охотно делила Суллу и его постель с греческой шлюхой.

Отношения в этой странной семье наладились самые нежные и душевные, и жили бы они прекрасно в богатом доме на Палатине, если бы Суллу не потянуло к мальчикам.

Он уверял своих женщин, что в этой его слабости нет ничего серьезного и опасного. Он же не развращает невинных младенцев, не преследует сенаторских сынков, дерущихся деревянными мечами на площадках Марсова поля. Нет, его прельщают «грязнули» – профессиональные красавчики. Он ведь сам когда-то был таким.

Женщины его склонностей не одобряли и любимцев Суллы ненавидели люто. Ему приходилось – вопреки своим желаниям – оставаться мужчиной. Оберегая домашний покой, он сдерживал свои прихоти, по крайней мере пока был на виду у Клитумны и Никополис. Все было бы гладко и далее, но в этот проклятый день накануне Нового года – последний день консульства Публия Корнелия Сципиона Назики и Луция Кальпурния Бестии – подвернулся Метробий.

Сулла и его женщины любили театр. Не высокие трагедии греков, не Софокла, Эсхила и Еврипида, где из-под масок стонущие голоса вещают утонченными стихами. Они любили комедии. Неприязательные насмешливые пьески латинян – Плавта, Невия и Теренция. И еще площадное искусство мимов: идиотские гримасы, голые уличные девки, грубые реплики в публику и из нее... Чтобы ревели громко рожки, чтобы сюжетцы – нелепые, вздорные – лепились тут же на ходу из так называемого традиционного репертуара. Непристойные колыхания тел, маргаритки, воткнутые в задницы, движения одного пальца красноречивее тысячи слов... Вот старик с завязанными глазами принимает груди девок за спелые дыни, вот сцены откровенного разврата, вот пьянство богов. Ничто не запрещено для мимов.

Они водили дружбу с комедийными актерами Рима и директорами театров. Конечно же, не избегали они и пирушек, даже если те не были украшены знаменитыми именами, поскольку водились только с комиками, а трагических пьес не смотрели. Они были римляне, а римляне превыше всего ценили хороший, громкий смех.

По этим причинам на вчерашнюю их пирушку по случаю Нового года в дом Клитумны пригласили Скилакса, Астеру, Милона, Педокла, Дафну и Марсия. И конечно, пирушка была костюмированной.

Сулла обожал, когда на сцене мужчины, кривляясь, изображали женщин. Он сам облачился в костюм горгоны Медузы. Его парик из настоящих живых змей не на шутку пугал окружающих. Коанский шелк, ниспадающий с плеч, не скрывал его самой большой «змеи». Клитумна изображала обезьяну, подпрыгивая и почесываясь в меховой накидке. Свой голый зад она покрыла синей краской.

Никополис была менее экстравагантна: ей хотелось продемонстрировать свои прелести, а не скрыть недостатки, как мачехе. Поэтому она нарядилась Дианой Охотницей. Обнажив свои длинные ноги и одну прекрасную грудь, она пританцовывала под звуки флейт, колокольчиков и барабанный бой, постукивая в такт тоненькими стрелами в колчане.

Веселье набирало обороты. Парик Суллы имел неоспоримый успех, хотя все нашли, что обезьяна Клитумны куда забавнее. Все наливались вином, смеялись и шумели так, что отго-

лоски их веселья долетали из сада до самых дальних и глухих уголков дома, сводя с ума консервативных соседей задолго до того, как новогодняя ночь превратилась в новый день.

Вот тут-то, пошатываясь, и вошли последние гости: Скилакс – на котурнах с пробковой подошвой, с огромными искусственными грудями, в золоченом парике и измятой тунике, похожий на старую шлюху. Бедная Венера! За ним в образе Купидона появился Метробий.

С первого взгляда, брошенного Суллой на Метробия, наиглавнейшая его змея зашевелилась, а уж со второго – поднялась в стойку. Но это не понравилось ни обезьяне, ни Диане Охотнице и уж тем более Венере Скилакса. Далее случилась сумасшедшая сцена вроде тех, что показывают мимы. Было все: тряслась синяя задница, тряслась голая грудь, тряслись локоны золоченого парика, тряслась большая змея и трясся крылатый мальчик. А кульминация наступила, когда Метробий и Сулла подпрыгивали вместе – о маленькие радости педерастов! – в уголке, в полном, как им казалось, уединении.

Сулла осознавал – ну конечно! – что совершает большую ошибку, но поделаться ничем не мог. Увидев краску, текущую из-под шелковой повязки по гладким ногам, увидев удлиненные ресницы и глаза, темные, словно ночь, Сулла был сражен. А когда, приподняв разукрашенную юбочку, он скользнул взглядом туда, где виднелось смуглое безволосое тело, ничто в мире не смогло помешать Сулле увлечь мальчишку в угол и за мягкой кушеткой овладеть им.

Но фарс превратился в трагедию. Клитумна в гневе разбила об пол драгоценный бокал александрийского стекла и бросилась выцарапывать Сулле глаза. Никополис устремилась ей на помощь, размахивая кувшином вина. Ревнивый Скилакс принялся лупить Метробия котурном. Кругом образовалась толпа любопытных насмешников. Сулла, по счастью, не был пьян и ловко справился с нападавшими: Скилаксу он сразу подбил глаз – синяк мгновенно вспух под толстым слоем грима; Диану уколол в голые ноги ее же стрелами, а Клитумну бросил себе на колено и шлепал по голому задку, пока тот из синего не стал черным. Потом он нежно и благодарно поцеловал мальчишку и отправился спать, мрачный и злой.

Теперь, в первое утро нового года, Сулла осознал происшедшее. Это был не фарс и не комедия даже, а трагедия, какой не написал бы и Софокл, любивший изображать причуды богов и людей. Сегодня ему, Сулле, исполнялось ровно тридцать лет.

Женщины подле него продолжали визжать и браниться. Он вдруг посмотрел на них, как поглядела бы его горгона Медуза, – холодно и горько, больными злыми глазами. Обе тут же притихли, как бы и впрямь окаменели. И пока он надевал свежую белую тунику, пока раб драпировал на нем тогу, которую он носил редко, разве только в театр, женщины сидели статуями. И только когда он вышел, они, вздохнув, оттаяли, переглянулись и заплакали горько. Печалило их и страшило нечто увиденное в глазах Суллы, но ими непонятое.

Эта горькая и неясная истина заключалась в том, что все свои тридцать лет Луций Корнелий Сулла прожил лжецом среди сплошного моря лжи. И этот лживый мир – мир пьяниц и нищих, актеров и шлюх, мошенников и вольноотпущенников – не являлся миром самого Суллы.

В Риме много людей с именем Корнелий. Но в большинстве случаев это имя означало, что отец, дед или кто-то из их рода много поколений назад были рабами или крестьянами Корнелиев. Сами Корнелии – высокорожденные патриции – давали им свободу в честь памятного события, свадьбы, дня рождения, похорон или за деньги. А в придачу к свободе – и родовое имя Корнелиев. Отпущенники в благодарность за вольную и гражданство делались клиентами патрициев.

Кроме Клитумны и Никополис, все кругом думали, что он – Луций Корнелий Сулла – и есть потомственный Корнелиев клиент из бывших рабов или крестьян. Да и внешность у него была необычная, варварская, скорее раба, чем крестьянина. Все знали о нобилях Корнелии

Сципионе, Корнелии Лентуле и Корнелии Меруле. Но знал ли кто о патриции Корнелии Сулле? Что это за прозвище такое – Сулла? Что оно вообще обозначает?

Но как бы то ни было, Луций Корнелий Сулла, по строгому цензу относившийся к разряду *capite censi* – римлян без имущества, являлся патрицием. Сыном патриция, внуком патриция и так далее. Вообще, род его был древнее самого Рима. И происхождение предоставляло ему все права на восхождение по пути чести, *cursus honorum*, к блеску и власти и титулу консула.

Трагедия заключалась в том, что Сулла был беден: отец его оказался не способен обеспечить сыну более или менее сносное будущее, что и низвергло Суллу в самые низы римского общества. Все, что досталось ему в наследство, – это гражданство. Сулла не мог претендовать на пурпурную полосу на правом плече туники – ни на широкую, как у сенаторов, ни на узкую, как у всадников. Знакомым своим он иногда говорил, что принадлежит к роду Корнелиев, но те лишь посмеивались, не веря. И как же верить бахвалу, если сельские Корнелии – один из четырех старейших из тридцати пяти римских родов? Потомок тех Корнелиев не мог оказаться в числе граждан *capite censi*!

Сегодня, в день своего тридцатилетия, Сулла мог бы войти в сенат с одобрения цензоров как избранный квестор или даже просто по праву рождения.

Однако вместо этого быть ему до конца дней жеребцом при двух вздорных бабенках. Лик Фортуны не озарит его пути. Не будет ему случая востребовать родовые привилегии. Наступивший год – год цензоров. Стоит ли ему выйти пред их трибуналом на Форум? Докажет ли он, что его владения приносят ему миллион сестерциев ежегодно? Это сенаторский минимум. А узкая полоса стоит четыреста тысяч – это минимум всадника. Так ведь нет у него собственности. Его доходы не превышают десяти тысяч сестерциев в год! Он абсолютно нищ. В Риме считали нищим того, кто не мог содержать хотя бы одного раба. А он, патриций из рода Корнелиев, сам сейчас живет на содержании у женщин.

Покинув отца и мачеху, он жил в инсуле на Эсквiline и работал. Работал грузчиком в порту, за Деревянным мостом. Таскал пшеницу, кувшины с вином... Сам содержал себя и своего раба, не позволяя себе опуститься до конца. Так он вырос, рос и креп, и уязвленная гордость крепла в нем, ширилась боль унижения. Постоянной работы он позволить себе не мог: когда человек только подрабатывает то здесь, то там, к нему не лезут с расспросами. Но если он работает каждый день на одном месте, начинают любопытствовать.

Сулла не мог выучиться писать, чтобы стать секретарем или библиотекарем. Даже в армию не мог он поступить – не позволяли средства. Ни разу в жизни не держал Сулла в руках копья или меча, не седлал коня, хотя и пристало человеку его крови служить. Даже учения и тренировки на Вилла Публика на Марсовом поле и те были закрыты для него. Для него – патриция из рода Корнелиев!

Может быть, стоило бы восстановить отношения с другими патрициями Корнелиями и просить помощи у них? Хорошие деньги в долг поправили бы его дела. Но гордость, позволявшая Сулле быть трутнем при женщине, мешала просить. Тем более что Суллы отделились от прочих Корнелиев – одна только эта дистанция сделает родственников недоверчивыми. В долг ему не дадут. Лучше оставаться никем, чем стонать под патроном, отработывая щедрую ссуду. Все-таки он – патриций из рода Корнелиев!

Рывком распахивая двери мачехино дома, он не думал ни о чем определенном. Просто хотел подышать свежим воздухом, прогулять свою тоску.

Клитумна избрала своеобразное место для проживания, учитывая свое происхождение: улицу, населенную удачливыми адвокатами, рядовыми сенаторами и всадниками среднего пошиба. С нижней части Гермала – северо-западного склона Палатинского холма – не открывалось красивых видов, но дом удобно близок к политическим и деловым центрам города –

Форуму, окружающим его базиликам, лавочкам и колоннадам. Клитумне нравилась эта укромность, ей хотелось скрыть уклад своей жизни от чужих глаз. Ее дому далеко до публичных домов Субуры, однако шумные вечеринки и подозрительные друзья многократно бывали причиной для делегаций гневных соседей, жаждущих покоя и тишины. С одной стороны жил чрезвычайно преуспевающий банкир Тит Помпоний. С другой – находился дом Гая Юлия Цезаря, сенатора.

Они не знали очень многого. Этому помогала (или препятствовала – как посмотреть) планировка дома Клитумны – он смотрел внутрь. Наружу выходила стена без окон. Перистильный садик внутри полностью скрывал окружавшие его комнаты от соседей. Впрочем, подозрительные вечеринки Клитумны время от времени выплескивались из гостиной в этот самый садик. Крики и громкое пение разносились далеко за пределы участка, что делало Клитумну главным нарушителем спокойствия в квартале.

Сумерки рассеялись. Перед собою Сулла увидел женщин Гая Юлия Цезаря – они бодро шагали в зимней обуви на высокой пробковой подошве. Сладкие маленькие ножки не касались мусора и слякоти.

«Должно быть, идут глазеть на церемонию посвящения», – предположил Сулла, замедляя шаги. Почтительно, с бескорыстным, но острым вниманием он рассматривал задрапированные тела – он осознавал себя мужчиной, чьи сексуальные импульсы могучи и охватывают всех.

Вот Марция, дочь Марция – строителя акведука. Ей чуть больше сорока. Ну ладно, сорок пять. Стройная, ухоженная матрона с каштановыми волосами, она сохранила свою красоту. Но все же не могла бы даже соперничать с дочерьми. Истинные Юлии – хорошенькие, светло-волосые обе. Хотя, будь Сулла богачом, лавры преподнес бы младшенькой. Время от времени он видел, как они ходили за покупками, и заметил, что их кошельки так же тонки, как и их тела. Сенаторский пост позволял этой семье только одеться и поесть. Всадник и торгош Тит Помпоний, другой сосед Клитумны, был гораздо богаче.

Деньги. Миром правят они. Без них человек – ничтожество. Стоит ли удивляться, когда иной счастливцев, вытолкнутый на поверхность, начинает тянуть на себя, стремясь ухватить все больше и больше? Человек может обогатиться, добившись избрания в преторы. При участии Фортуны всякого рода издержки принесут в конце года солидные дивиденды. Еще лучше – стать претором провинции, поскольку там претор – бог. В этой должности достаточно легко себе помочь. Например, можно затеять маленькую пограничную войну с варварами, прибрать их золото и их священные сокровища. Продать пленных в рабство с выгодой для кошелька. Помимо мрачных проспектов войны, имеются и другие дороги, весьма просторные и удобные для всяких комбинаций. Можно, скажем, заняться хлеботорговлей, повышая или понижая цены к своей выгоде; давать деньги в рост (армия используется для сбора долгов). Дыры в бухгалтерской книге легко латаются налогами. Также можно продавать права на римское гражданство. Можно даже (не совсем законно, конечно) освободить от дани Риму отдельный небольшой город – в свою пользу, разумеется.

Деньги. Где бы взять их? Совсем немного, чтобы стать сенатором. Мечты! Луций Корнелий Сулла, все это – мечты.

Женщины Цезаря свернули направо, на спуск Виктории. Сулла знал, куда они идут: на землю Флакка. На пустырь, туда, где раньше стоял Флакков дом.

В то время как он поднимался туда, ступая по жухлой траве, дамы уселись на свои складные стулья. Здоровенный раб, похожий на фракийца, воздвигал над их головами складной тент, дабы укрыть хозяек от участившегося дождя. Две Юлии, как отметил Сулла, пробыли подле своей матери весьма недолгое время – та разговаривала с беременной женой Тита Помпония. Юлии сложили свои стульчики и поспешно перебежали к четверем Клавдиям Пульхра, которые сидели на солидной дистанции от своих матерей. О да, они были здесь – Лициния и Домиция.

Сулла знал обеих довольно хорошо, с тех пор как переспал с обеими. Не глядя больше по сторонам, он подошел к сидящим женщинам.

– Дамы, – приветствовал он их, склоняя голову. – День отвратительный, да?

Каждая из женщин, бывших здесь, знала о том, кто он такой, – положение Суллы вызвало болезненный интерес. Чернь, с которой он водился, считала его ровней, самозванцем, присваивающим себе чужое имя. Но для благородных горожан его происхождение не было тайной. Они знали его генеалогию. Они знали его историю и историю его семьи. Некоторые жалели его, иные, как Лициния и Домиция, видели в нем привлекательного мужчину. Но никто из них не хотел ему помочь.

Северо-восточный ветер принес запах сажи, подкисшей золы и сгоревшей плоти. Прошедшим летом весь Виминал и верхняя часть Эсквилина выгорели дотла. Пожар этот на памяти Рима был самым страшным. Почти пятая часть города была выжжена. Горожане, объединив усилия, снесли значительное количество зданий, отсекая пожар от Субуры с ее тесно стоящими многоквартирными домами и от нижнего Эсквилина. Ветер и ширина Длинной улицы остановили распространение бедствия в редких застройках внешнего Квиринала, на севере же огонь добрался до холмов перед Сервиевой стеной.

И хотя после этого пожара прошло полгода, Сулла видел с пустыря Флакка страшный шрам, тянувшийся от рынка Мацеллум. Хорошая квадратная миля черных фундаментов, полуобвалившихся домов. Запустение. Точное количество погибших никому не было известно. Их, погибших, было достаточно, чтобы выжившие не нуждались в жилье после пожара. Так что застройка шла медленно. Только кое-где возвышались строительные леса – верный знак того, что здесь строится инсула и некий землевладелец набьет теперь кошелек.

Сулла злорадствовал, чувствуя, как смутились Лициния и Домиция, когда он поприветствовал их. Они были мягки, как никто в мире, и старались жить спокойно.

«Страдайте теперь, глупые свиньи! Любопытно, знают ли эти крольчихи, что я спал с ними обеими?» – спросил себя Сулла и решил, что нет. Это придавало их встрече острый, пикантный привкус.

Глазами, в которых плясал озорной огонек, он раздевал женщин, сидящих под укрытием. Скоро он перебрал всех, кроме Марции. Марцию он отделял от прочих. Только не она! Это же не женщина, а оплот достоинства, монумент добродетели.

– Это была страшная неделя, – произнесла Лициния высоким дрожащим голосом. Взгляд ее был прикован к обугленным холмам.

– О да, – сказала Домиция, прочищая горло.

– Я была в ужасе, – лепетала Лициния. – Мы жили тогда в Каринах, Луций Корнелий. Огонь все приближался и приближался... Катился к нам. Конечно, когда все закончилось, я упростила Аппия Клавдия перебраться в другую часть города. Это вряд ли спасет нас от огня, но лучше, без сомнения, жить близ Форума и болота с одной стороны и Субурой – с другой!

– Это было чудесно, – произнес Сулла, вспомнив, как всю неделю он по ночам поднимался по лестнице храма Весты. Он смотрел, представляя себе, что это – объятый чудовищными сполохами вражеский город после разграбления, и видел себя римским полководцем, отдавшим этот приказ. – Чудесно... – повторил он.

Ошарашенная его словами, Лициния быстро, как бы украдкой, взглянула на его лицо и, злясь на себя, тут же перевела взгляд обратно. Она испытала на себе силу этого человека, о чем горько сожалела теперь. Сулла был опасен. С головой у него было не в порядке.

– Впрочем, – она заставила себя говорить спокойно, – этот скверный ветер принес не только плохое. Мои кузены Публий и Луций Лициний купили за бесценок освобожденные участки земли. Говорят, через несколько лет цена на них взлетит до небес.

Она упомянула семью Лициниев Крассов – известных миллионеров. Почему бы ему, Сулле, не подцепить богатую невесту, как это сделал несравненный Аппий Клавдий Пульхр?

Как – почему? Да потому, что ни отец, ни мать, ни брат, ни опекун богатенькой благородной девочки не захотят ей такого счастья!

Все удовольствие от поддразнивания женщин пропало. Сулла развернулся и крадучись пошел к спуску Виктории. Он заметил, что две Юлии были призваны к порядку и вернулись к своей рассерженной матери под защиту тента. Странно блестящие глаза Суллы быстро оставили в покое Юлию Старшую. Однако они внимательно задержались на Юлии Младшей. О боги, да она красотка! Сладкий пирожок, сочащийся нектаром, – блюдо, достойное олимпийца. Сулла почувствовал в груди нарастающую боль и, чтобы избавиться от нее, стал массировать себя, судорожно работая рукой под складками тоги. Но Сулла был уверен, что Юлия Младшая повернулась на своем стульчике и смотрела ему вслед, пока он не исчез из виду.

Позже он спустился по лестнице храма Весты к Римскому форуму и, спустившись с Капитолийского холма, встал в хвосте толпы перед храмом Юпитера Всеблагого Всесильного.

У Суллы был маленький талант: он умел заставить окружавших его людей буквально ежиться от непонятной тревоги. Когда он хотел этого, с ним предпочитали не соседствовать. Этим талантом Сулла пользовался, чтобы занимать лучшие в театре места. Однако сейчас он не применил своего умения, хотя мог бы беспрепятственно добраться до первых рядов среди всадников, чтобы лучше видеть место жертвоприношения. Права присутствовать при этом событии он не имел, но знал, что выгнать его никто не сможет. Не многие всадники знали, кто он такой. Даже среди сенаторов не все были знакомы ему, но и здесь нашлись бы те, кому ведома его родовитость.

Некоторые черты, унаследованные от предков, ты не можешь потерять, даже изолированный от основного течения благородной жизни. Кровь – кровь тысячелетней выдержки давала себя знать. Ее голос звучал тревожными колокольцами. Она словно оплакивала обреченного: «Осторожно, тебе так нельзя, ты можешь посрамить честь рода!» Сулла часто слышал их перезвон. И не пытался вступать в политическую болтовню на Форуме. Лучше быть вовсе отщепенцем, нежели кривляться, изображая, будто имеешь какой-то общественный вес. И еще, стоя среди всадников, он вдруг осознал: начался дурной год. Это его кровь подсказала ему. Еще один дурной год в длинной череде дурных лет. Тянется эта череда с тех пор, как был убит Тиберий Семпроний Гракх. Затем, спустя десять лет, его брата Гая Гракха принудили к самоубийству. Ножи, сверкнув на Форуме, подрезали удачливость Рима.

Рим катился дорогой упадка, подталкиваемый пафосом политиков. Толпа заурядностей и ничтожеств. Мужички, вид у многих был сонный, гордо стояли в толпе, презирая холодную изморось. Вот они, все тут. И кто-то из них насытил свою жадность тридцатью тысячами смертей, погубив за какие-то десять лет столько отличнейших римских и италийских солдат. Деньги, деньги и снова деньги. Их сила понятна всем и везде, хотя некоторые забывают или недооценивают ее. Кто-то стремится к ним, другому они необходимы, так сказать, попутно. Это зависит от индивидуальности. Но никто не хочет упустить своего шанса – пусть лучше Рим падет во прах. Где же те великие мужички, которых интересует не собственная мошна, а величие Рима?

Белый бык почуял недоброе. Удивительного мало – стоило лишь взглянуть на новоизбранных консулов. «Будь я белым быком, – подумал Сулла, – я также не жаждал бы умереть во славу Спурия Постумия Альбина, патриций он там или нет... Где такие, как он, всегда находят деньги? Такие, как Постумий Альбин, всегда женятся на деньгах. Пусть лопнут их глаза!»

Кровь побежала вниз. Очень много крови из очень большого быка. Это было расточительно. Потенция, сила – все выливалось на траву. Но какой, однако, замечательный цвет! Богатый, малиново-алый, блестящий и густой поток подбирался к самым ногам. Сулла смотрел не мигая – не отводя глаз. Почему все, что наполнено внутренней энергией и мощью, имеет красный цвет или оттенок красного? Огонь. Кровь. Волосы – его волосы. Возбужденные пенисы. Сенаторская обувь. Мускулы. Расплавленный металл. Лава.

Однако пора идти. Идти куда? Все это время он смотрел на кровь, а когда поднял глаза, то столкнулся с пронзительным взглядом высокого сенатора в *toga praetexta* – тоге «бывшего», какие носили господа из магистрата. Поразительно! Вот это мужчина! Но кто он? Похоже, он не принадлежит к знатым семьям. Изгой Сулла чутьем распознавал себе подобных.

Этот, бесспорно, его собрат. Конечно, не из знатных. Но кто? На чистокровного римлянина он не слишком похож – нос выдает, чересчур короткий и прямой. Кельтский нос. Пикт, наверное... Смотрите, какие у него огромные брови! Кельт, конечно. Да, смотрится внушительно – горячий, гордый и умный. Настоящий орел. Но кто он? Не из консулов – этих Сулла знал всех. Скорее, претор. Но не из теперешних преторов – те скупились и трепетали за спинами у консулов и напоминали стареньких цариц, которым хорошо пообещали, да плохо встали.

– Э-эх! – Сулла с усилием, но все же решительно оторвался от созерцания бывшего претора с орлиной внешностью.

Пора идти. Но куда? Конечно же, в свое укромное убежище между влажными стареющими телами своих женщин, мачехи и любовницы.

– Что ж, – Сулла пожал плечами и ухмыльнулся, – не худшая судьба для человека, который мог бы сегодня войти в сенат.

Главной неприятностью для иностранных правителей, приезжающих в Рим, была священная граница – померий. Ее нельзя было пересечь. Посему Югурта, царь Нумидии, в первый день нового года бесновался на роскошной загородной вилле. В страшном, нетерпеливом раздражении он топтал землю Пинция. Вилла смотрела на Тибр, за которым открывалось Марсово поле. Человек, предложивший виллу, все время восторгался видами: от Яникула до Ватиканского холма равнина, разделенная надвое Тибром, – вся как зеленый ковер. В Нумидии нет таких больших рек!

Человек болтал без устали, забывая сказать, что он представитель сенатора, поклявшегося в беззаветной преданности делу Югурты, однако желающего сдать свою виллу подороже, с тем чтобы обеспечить себе к столу на много месяцев вперед такой дорогой деликатес, как пресноводный угорь.

Кто внушил этим людям, что любой чужак – хотя бы и царь – является дураком и простофилей? Югурта прекрасно догадывался, чья это вилла. Он знал даже, что его бессовестно надули с арендной платой. Но молчал, ибо Рим не место для откровенных высказываний.

Югурта сидел на лоджии в садике – перистиле, весьма обширном. Замечательный вид был перед ним как на ладони, но Югурте мало с него было радости: ветер приносил с Марсова поля навязчивые ароматы удобрений – там, вокруг Прямой дороги, расстилались общественные сады. Пахло очень сильно, и Югурта жалел, что не выбрал жилье в окрестностях Бовилл или Тускула. Это было дальше от Рима на пятнадцать миль, но в Нумидии такое расстояние считается несерьезным. Да и какая, в сущности, разница, где ему жить, если проклятой священной границы все равно не перейти? Хотя отсюда он может время от времени поплевывать на нее – от скуки.

Стоит лишь повернуть голову – и он может насладиться созерцанием задворок Капитолия и кусочка грандиозного храма Юпитера Всеблагого Всесильного. В нем, если верить слугам, в данную минуту новоизбранный консул распинается перед сенаторами на первом собрании этого года.

Как можно иметь дела с римлянами? Ответ на этот вопрос очень беспокоил царя Югурту.

Сначала все выглядело довольно просто. Его дед, великий Масинисса, выковал царство Нумидия из обломков. Эти обломки после поражения Карфагена от римлян занимали две тысячи миль по северному побережью Африки. На это первое деяние Масиниссы в Риме

посмотрели сквозь пальцы. Но позже, когда тот, усилившийся и укрепившийся, стал учинять Риму неприятности, запахло новым Карфагеном. Рим собрался принять меры.

К счастью для Нумидии, Масинисса вовремя помер. Римляне знали, что сильный властитель всегда сменяется слабым. Посему Сципион Эмилиан разделил страну между тремя царевичами. Сципион Эмилиан был умен. Он не стал кромать царство натрое – он разделил между сыновьями Масиниссы государственные полномочия. Старшему досталось ведать казной и дворцами. Средний получил армию, ну а младший довольствовался законом и правосудием. Таким образом, сын-военачальник не имел денег для организации восстания. Сын с деньгами не имел армии. А у третьего не было ни того ни другого, и он, понятно, тоже не мог устроить возмущений.

К тому времени, когда недовольство и возмущение в стране созрело для восстания, двое сыновей Масиниссы скончались. Остался полновластным правителем самый старший – Мисипса. Но братья – вот незадача – оставили после себя детей. Двух легитимных и бастарда по имени Югурта. Кто из этих молодых людей изъявит желание взобраться на трон, когда Мисипса умрет? Мисипса слишком поздно произвел на свет своих сыновей – Адгербала и Гиempсала. Двор раздирала вражда. Нежный возраст вероятных наследников делал судьбу трона смутной. Незаконнорожденный Югурта был старшим; законные сыновья правящего царя – еще совсем младенцами.

При дворе никто и не сомневался в будущем воцарении ублюдка, ибо трон не детский стульчик. Старый Масинисса недолюбливал и презирал Югурту. Не только за то, что он был незаконнорожденным, но и за то, что мать Югурты была из бедного племени берберов-кочевников. Мисипса унаследовал от Масиниссы эту брезгливость и с омерзением наблюдал за умноглазым и бойким юношей, размышляя, как бы половчее избавиться от этого претендента на трон. И случай представился. Сципион Эмилиан затребовал от Нумидии военной помощи – он осаждал Нуманцию. Мисипса выделил солдат и отправил Югурту командовать ими. Он надеялся, что того убьют где-нибудь в Испании.

Однако надеялся зря. Югурта словно родился для войны. Он отличился и приобрел к тому же хороших друзей среди римлян. Двое из них были наиболее ценными – младшие военные трибуны, прикомандированные к ставке Сципиона Эмилиана. Их звали Гай Марий и Публий Рутилий Руф. Все трое были ровесниками: им было по двадцать три.

По окончании кампании Сципион Эмилиан призвал Югурту в штабной шатер и долго читал ему нотации. Суть их сводилась к следующему: служить Риму гораздо почетнее, чем прислуживать отдельно взятым римлянам. Югурта сделал вид, что согласен. Не собирался он никому прислуживать. Во время осады Нуманции он пригляделся к римлянам и понял: у большинства из них, особенно у тех, кто стремится пробиться наверх, всегда острая нужда в деньгах. Это он будет покупать их услуги, а не наоборот.

Вернувшись в Нумидию, Югурта передал царю Мисипсе письмо от Сципиона Эмилиана. В этом письме превозносились храбрость Югурты, его хорошее чутье и незаурядный ум. Старик Мисипса вынужден был припрятать презрение, завещанное ему отцом. В то время, когда в Риме в роще Фурины у подножия Яникула убивали Гая Семпрония Гракха, царь Мисипса усыновил Югурту, формально признав за ним право наследовать трон. Правда, одновременно с этим он дал понять ублюдку, что трон ему не достанется. Югурта лишь присмотрит за царевичами, пока те не подрастут.

Устроив таким образом будущее своих детей, Мисипса умер. Югурта остался регентом при подрастающих царевичах. Однако не прошло и года, как младший сын Мисипсы Гиempсал был зарезан по наущению Югурты. Старший же, Адгербал, успел удраить в Рим. Там он сам себя представил сенату и потребовал, чтобы Рим немедленно навел в Нумидии порядок и прогнал узурпатора.

– Почему же мы так боимся их? – спросил Югурта, возвращаясь к реальности, к дождю. Слабый, но чрезвычайно унылый, он сеял мелкой водяной пылью на Марсово поле и сады по обе стороны Тибра.

Рядом с ним на лоджии находились двадцать мужчин – все, кроме одного, его личные телохранители, не какие-нибудь наемники, а нумидийцы, преданные Югурте. Свою преданность они доказали, принеся ему отсеченную голову Гиempсала – младшего царевича. То было семь лет назад, а пятью годами позже они же преподнесли ему голову второго – Адгербала. Преданные и надежные люди.

Но вопрос, заданный Югуртой, был адресован не к ним. Подле Югурты в удобном кресле располагался еще один человек: высоченный – ростом с царя, – похожий на семита мужчина. Посторонний наблюдатель мог бы сразу отметить черты некоторого кровного родства в их облике; так оно и было, хотя царь предпочитал не вспоминать об этом. Сидящий подле Югурты человек был его ближайшим родственником – братом по матери.

Мать Югурты, которую он считал жалкой берберийкой, происходила из племени гетулов. Благодаря капризу судьбы она была чрезвычайно красива. Ее лицу и телу позавидовала бы троянская Елена. После того как отец Югурты вдоволь с ней натешился, он выдал ее замуж за знатного воина, и она родила Югурте брата. Теперь он разделял с царем тоску и скуку этого отвратительного новогоднего дня. Сводного брата звали Бомилькар, и он был хорошим товарищем.

– Почему же мы так боимся их? – еще раз с отчаянием повторил Югурта.

– Думаю, ответ прост, – вздохнул Бомилькар. – Страх они носят поверх своих шлемов, похожих на перевернутые тазы. Страх полощется в складках их красно-коричневых туник, он вплетен в их кольчуги. Страх пляшет на тяжелых наконечниках их дротиков. Он нанизан на лезвия коротких мечей и длинных кинжалов. Страх – вот главное оружие римской пехоты.

Югурта снова поморщился и почесал голову:

– Это только половина ответа, мой друг. Римский солдат смертен.

– Но убить его тяжело, – возразил Бомилькар.

– Не труднее, чем какого-нибудь другого солдата. Нет, дело здесь в другом. Но в чем? Я не понимаю. Государство похоже на хлеб: корочка всегда тверже сердцевины, мякиш должен быть податлив. Но здесь совсем не то...

– Ты говоришь об их лидерах?

– О лидерах. Об этих самых отцах народа из сената! Они все сплошь коррумпированы. Они продают и покупают друг друга, как везде в мире. Казалось бы, приходи и бери их голыми руками. Ан нет! Вдруг оказываются они тверже кремня, холоднее льда, изворотливее парфянских сатрапов. Никак их не ухватить. То они рабски пресмыкаются перед тобой, то вдруг со спокойным лицом глядят на тебя как ни в чем не бывало.

– Скорее всего, ты и не сможешь до конца подкупить их. Но не потому, что у них нет цены, – заявил Бомилькар, – а потому, что у тебя нет такого количества денег.

– Я ненавижу их всех, – процедил Югурта сквозь зубы.

– Я тоже. И что с того? Избавиться от них мы не можем.

– Нумидия – моя! – закричал царь. – Они ведь даже не хотят владеть ею. Зачем же они лезут не в свое дело, мешаются под ногами?

– Не спрашивай меня, Югурта, – произнес Бомилькар, разводя руками. – Не спрашивай, ибо я не знаю. Мне известно одно: как бы то ни было, мы сидим здесь как дураки и молим богов о милости.

Царь Нумидии молча согласился с ним и вернулся к своим мыслям.

Шесть лет назад, когда Адгербал убежал скулить в Рим, Югурта знал, что ему делать. И сделал это быстро. В Рим тотчас направилось посольство, нагруженное золотом, серебром,

дорогими украшениями и художественными изделиями. Словом, тем, что превыше всего интересовало римских нобилей. Странные эти люди – не подкупить их ни женщинами, ни мальчиками. Высоко ценилось только то, что можно потом перепродать. Нужные люди, казалось, были удовлетворены. Ситуация вроде бы контролировалась.

Наивысшим счастьем для римлян является любовь ко всяким комиссиям и комитетам. Они обожают выбрать какую-нибудь ничтожно малую страну на другом краю света и насладиться там ревизоров. О, как они стремятся всюду проверять, перепроверять, инвестировать, отправлять богослужения, вводить реформы и мелиорацию! Другие послали бы армию, но римские чиновничьи тоги в окружении ликторов устанавливают священный римский порядок и покоряют страны быстрее, чем солдаты. Быстрее и эффективнее. И почти никто еще не устоял.

Сам собой напрашивается интересный вопрос: почему же мы так их боимся? Почему? Может быть, потому, что среди них всегда найдется Марк Эмилий Скавр?

Скавр был единственным, кто не разделил в сенате нарастающую любовь к Югурте, единственным, кто внял причитаниям Адгербала. Один-единственный голос против трехсот глоток! И он осилил, он превозмог. Он долбал их с упорством молотобойца и в конце концов перетянул многих на свою сторону. Скавр добился компромиссного решения, при котором проигрывали оба конкурента.

В Нумидию направился комитет из десяти римских сенаторов под началом консула Луция Опимия. Комитет более-менее разобрался в сути дела и вынес решение. Нумидия была разделена. Адгербал получил восточную часть и сделал столицей город Цирта – средоточие коммерческой жизни. Правда, тамошние торгаши были победнее западных. Западная перешла к Югурте, и он оказался зажатым между Адгербалом и царством Мавретанским. Комиссия, удовлетворенная, удалилась восвояси. Югурта затаился, тихо наблюдая за мышонком Адгербалом. Он выжидал. А чтобы обезопасить себя с запада, женился на мавретанской царевне.

Четыре года ждал Югурта, а затем атаковал армию Адгербала между Циртой и одним из портовых городов. Побежденный Адгербал заперся в Цирте. Там он утешился поддержкой торгашей – по преимуществу римских и итальянских. Не было еще случая в истории, чтобы римские торгаши не составили бы костяк деловой жизни в какой-нибудь бедной и отсталой стране, даже не имеющей связей с Римом.

Естественно, весть об этом быстро добралась до Рима, и в сенате порешили отправить в командировку трех милых мальчиков – сенаторских сынков – поучить нумидийских неслухов. (Очень важно, чтобы подрастающее поколение приобретало опыт и сноровку, набивая руку на незначительных заварушках; в будущем это поможет разобраться в делах, серьезных по-настоящему!) Детишки не успели добраться до Адгербала – Югурта перехватил их у стен Цирты. Нагрузил подарками свыше возможного и отечески развернул восвояси.

Адгербал исхитрился и послал в Рим слезное письмо. Марк Эмилий Скавр, сторонник Адгербала, очень заинтересовался ситуацией и сам направился в Нумидию в составе следственной комиссии. Однако опасное положение в Африке несколько охладило его интерес, и, не пересекая границу своей африканской провинции, сенаторы посчитали себя обязанными быстро вернуться в Рим, а потому не успели ни разобраться в трениях между претендентами на трон, ни изменить ход войны. Тогда Югурта захватил Цирту. Понятное дело, Адгербала он казнил. Но попутно казнил – всех до единого – римских и итальянских торгашей. Содеяв это, он вызвал волну ненависти в Риме и лишился надежды на дружбу с ним.

Новость об избиении римских и итальянских коммерсантов достигла сената с опозданием в пятнадцать месяцев – только на следующую осень. И тогда некий народный трибун, по имени Гай Меммий, поднял на Форуме вой до небес. Купленные Югуртой чиновники не смогли предотвратить этой напасти. Слушали-постановили отправить в Нумидию только что избранного младшего консула Луция Кальпурния Бестию. Его уполномочили показать такому-сякому Югурте, как опасно почем зря резать римлян и итальянцев.

Но Бестия был продан, и Югурта купил его. Результатом шестимесячных переговоров было: для Югурты – мирный договор с Римом, для Рима – более тридцати боевых слонов и небольшие откупные в казну. Что осело в личном багаже Бестии – про то история умалчивает. Во всяком случае, Рим притворился удовлетворенным, а Югурта остался единственным нумидийским царем.

Гай Меммий был обижен: он не выиграл ничего. А ему очень хотелось получить второй срок трибуната, посему день за днем он нагнетал страсти вокруг пресловутого «нумидийского вопроса». Он призывал «пролить свет» на этот вопрос, патетически вопрошал у Бестии – почему его купили? В конце концов он допек сенат до крайности и буквально вынудил отцов народа к действиям. Сенат направил в Нумидию претора Луция Кассия Лонгина с поручением привезти Югурту в Рим, где он должен был предоставить Гаю Меммию список лиц, которым давал взятки. Отвечать перед сенатом – это бы не беда, но Меммий настаивал, чтобы сделано это было перед народом Рима.

Кассий прибыл в Цирту и изложил цель своего визита. Не будет ли Югурта столь любезен и не последует ли он с Кассием в Рим? Югурте и в голову не приходила подобная ерунда, однако он последовал. Но почему? Почему он признает их силу? Что они могут сделать с ним? Отобрать Нумидию? Но таких, как Бестия, всегда было больше, чем всяких разных Гаев Меммиев. Так почему же ему страшно? Почему где-то далеко, в Риме, ничтожнейший человечиска только щелкнул пальцами – и он, царь богатой и сильной страны, покорно подставляет шею для аркана?

Разве не наглость это – послать одного-единственного человека, чтобы он заставил Югурту, правителя огромной и богатой страны, подчиниться своим требованиям? Но ведь подчинился же!

Югурта покорно собрал в дорогу своих телохранителей, взял в свиту пятерых из ближайшего окружения и сел на корабль Кассия. С тех пор прошло два месяца. И ничего хорошего они не принесли.

Гай Меммий был верен своему слову! Меммий вызвал Югурту в народное собрание – в цирк Фламиния за чертой померия. Именно там, при всем честном люде, Югурта должен был отвечать на наглые вопросы Меммия. Кого он подкупил? В какую сумму ему это обошлось? Простой народ почему-то всегда волнуется при подобных вопросах. До крайности возбужденные римляне плотно набились в цирк Фламиния. Плебеи давились у деревянных загоронок, кишмя кишели поверх скамей. Те, кто не успел попасть поближе, толкались сзади, стараясь приблизиться настолько, чтобы хотя бы слышать.

В эту минуту Югурта внешне был спокоен – он знал, что нужно сделать. Испанский опыт и годы наблюдений за людьми помогли ему придумать выход. Он взял да и подкупил одного из народных трибунов.

Народный трибун – наинизшее существо в иерархии магистратов, самый бесправный из сенаторов. Народный трибун не обладает империем. В нумидийском языке нет слова для обозначения этой силы. Это сила и власть божества, данная смертному. Это та самая сила, что позволила претору в одиночку приволочь сюда его, царя-самодержца! Наместники провинций обладают империем. Консулы обладают империем. Преторы – тоже. Курульные эдилы – чиновники из патрициев, надзирающие за торговлей и строительством, – тоже обладают. Но у каждого – своя сила империя, своя степень власти. Наверное, самым «осязаемым» доказательством существования империя были ликторы – угрюмые профессионалы, сопровождающие носителя этой силы. Они расчищали путь перед ним, неся на левом плече фасции – тяжелые связки розог, связанные малиновой лентой...

А вот цензоры не обладают империем. Нет его и у плебейских эдилов. Нет и у квесторов. Но самое ценное для Югурты – его нет у народных трибунов. Последние представляли собою выборных представителей основной массы граждан – плебса, чье происхождение редко

восходило ко временам благородной древности, – чем отличались (и кичились) патриции. Настоящие патриции – аристократы, чьи предки числились среди отцов Рима четыреста лет назад. Собственно, в те благословенные времена и плебеев-то не было. Аристократы управляли страной, аристократы основали Республику. Но вот чернь стала богатеть и обрела силу. Она пролезла в сенат, расселась на курульных креслах и также захотела стать аристократией. Как результат, возникли *novi patres* – нобили, благородные люди. И аристократов стало вдвое больше: к патрициям присоединились эти самые нобили. Сделаться нобилем оказалось даже просто – достаточно было иметь в семье консула. Да-да, плебеи не остановились в своих претензиях, прежде чем не обзавелись своими консулами.

Чернь завела себе свое собственное, народное собрание, куда патрициев просто не допускали. И силы плебейской достало на то, что через это собрание они стали проводить римские законы. Чтобы блюсти интересы плебса, стали избирать десять народных – плебейских – трибунов. И вот десять наглых плебеев нагло отстаивали интересы плебса. Они менялись каждый год. Это удручало многих. Ведь каждый год надо было подкупать нового плебея. А случалось, и не одного. Это разрушало множество планов: стоило с огромным трудом прийти к соглашению, чтобы удовлетворить всех, – и на тебе! Завершить начатое не удавалось – свежие представители черни бывали обуреваемы другими идеями. Все шло насмарку!

Однако народный трибун не обладал империем. Он не являлся старшим магистратом. Он вообще мало что собой представлял и мало что мог себе позволить. Но реальная сила имела и у него. Только в его руках было право вето. Право вето срабатывало всегда, за исключением действий диктаторов. Но диктаторов в Риме не было сто последних лет. Народный трибун мог запретить своим вето действия цензора, консула, претора, всего сената и девяти своих плебейских товарищей в придачу. Трибун мог воспользоваться им на митинге, на собрании и на выборах. К тому же его персону защищала священная неприкосновенность, и устранить его физически, когда он находился у власти, было сложно. Трибун также мог самостоятельно придумывать законы. Сенат, к примеру, такими полномочиями не обладал. В сенате могли лишь рассматривать эти законы и предлагать к ним всякие поправки или настаивать на принятии того или иного закона.

Безусловно, эта система сдержек и противовесов была придумана для того, чтобы ограничить в политической силе как любую партию, так и отдельное лицо. Путного из этого ничего не выходило. Будь римляне существами стадными, послушными воле стаи, общественные механизмы, вероятно, срабатывали бы, но, поскольку они, как и другие народы, на протяжении всей своей истории то и дело отыскивали тропинки в обход законов, система частенько давала сбои.

Царь Югурта Нумидийский понял, что ему нужен его собственный трибун – не настоящий аристократ, не представитель знатных семей, не благородный человек. Ему нужен был плебей. И в один прекрасный момент выборный народный трибун Гай Бебий с изумлением увидел у себя на столе груды серебряных денариев. Он в жизни своей не видел столько денег сразу, поэтому, слегка побледнев и подумав с минуту, молча сгреб серебро в дюжину больших мешков и перешел в собственность Югурты.

И вот в самом конце уходящего года великий царь стоит на ростре Фламиния, в цирке, набитом простолудинами, и готовится отвечать на дурацкие вопросы.

Гай Меммий задает свой первый дурацкий вопрос:

– Подкупал ли ты Луция Опимия?

Югурта едва успевает открыть рот, чтобы ответить, как вскакивает с места трибун Гай Бебий и кричит:

– Я запрещаю тебе отвечать Гаю Меммию, царь Югурта!

Вот что выкрикнул Бебий. Более он не издал ни звука.

Это было право вето во всей красе. Теперь Югурта мог ответить, лишь нарушив закон.

Народное собрание закончилось. Все расходились по домам в разочаровании. Гай Меммий был в ярости. Друзья удерживали его под руки и уговаривали выйти подышать. Вышел и Гай Бебий. От него на стадию несло честностью и неподкупностью. Дураков поверить, впрочем, не нашлось.

Однако сенат по каким-то неясным причинам не спешил отпускать Югурту домой. Вот почему в этот новогодний день он торчит на снятой вилле, на лоджии под дождем, и проклинает судьбу, Рим и римлян. До сих пор ни один из новых консулов не намекнул, что весьма обрадуется приватному подарочку. Из новых преторов никто даже не стоил взятки. О народных трибунах нечего и говорить – они не внушали вдохновения.

О взяточничество, ты дело тонкое, не то что ремесло удильщика рыбы! Лакомая рыбешка должна сама высунуться на поверхность и намекнуть, что заметила наживку и готова проглотить золоченого червячка... Но если никто долго не подплывает, не проявляет никакого интереса, вам остается лишь сидеть и глазеть на поплавок. Терпение – первый помощник рыболова и взяточдателя.

Но кто будет терпелив, когда его царство превращается в сладкую цель для следующих алчных претендентов? Гауда, законный сын Мастанабала, и Массива – наследник Гулуссы. Их требования набирают силу. О, если бы только требования! Возвращение домой – дело жизненной важности. Сидение на берегу бесплодно. Но, увы, если Югурта отъедет на родину без разрешения сената, это будет равнозначно объявлению войны. Сенат не перепрыгнуть. Он не сможет на этот раз обойти закон. А сенат, в свою очередь, уделит максимум внимания внешним делам. В их руках все: от объявления войны до управления римскими провинциями. Агенты Югурты докладывали: вето Гая Бебия взбесило Марка Эмилия Скавра. А Скавр имеет в сенате чудовищный вес. Однажды он уже перетащил его на свою сторону. И что самое неприятное: по мнению Скавра, Югурта Риму бесполезен.

Бомилькар спокойно ждал, пока Югурта не развеет тяжких своих мыслей. У него было что сообщить царю, но он знал его слишком хорошо, чтобы не раздражать новостями, не прерывать величавого гнева, подобного отголоску грозы.

Замечательный человек Югурта. А сколько врожденных способностей! Возможно, он таков именно благодаря обстоятельствам своего низкого рождения. Интересно, кто выделил более материала, чтобы слепить Югурту? Пуническая карфагенская кровь – кровь благороднейшая в Нумидии – очень в нем видна. Но и берберийская, кровь его матери, – тот еще букет. Оба этих народа – семитские. Странно, что карфагеняне мнят себя выше: берберы дольше живут в Северной Африке, чем пунийцы.

Царь сочетал в себе лучшее из обеих семитских кровей. Материнская, горячая, подарила ему высокий рост, светло-серые глаза, точеный нос и удлиненное, с тонкими чертами лицо. Но черные, спирально закрученные, блестящие кудри и черные же густые волосы на теле, смуглая кожа и широкий, мощный костяк – от отца, Мастанабала-пунийца. Вместе с внешностью Югурта унаследовал от отца и порывистость, страстность. Порою от сильных эмоций его глаза темнели, и взгляд их пугал. Эллинизированная в течение столетий Грецией, нумидийская знать предпочитала эллинское платье, но только не Югурта. Это знали все те, кто видел царя в боевом шлеме, в кольчуге, со щитом, при мече, на коне, грызущем удила.

«Какая жалость, – подумалось Бомилькару, – что римляне никогда не лицезрели Югурту в бою! Уж он бы наслал на них страха! Недоумки – они искушают его войной!»

Он тут же испугался своих мыслей. Думать так – воистину искушать судьбу. Нужно обязательно принести искупительную жертву Фортуне.

Однако царь постепенно успокоился, и лицо его смягчилось. Ужасно, что никуда не годный, вынужденный мир добывался с невероятным трудом и волнениями. Югурта дал понять своему преданному слуге, что слушает его, – он знал, что Бомилькар располагает новостями.

Не теми, что вываливал идиот-агент, падкий на собственные выводы и предельно пугливый. Другими.

– Мой государь... – начал Бомилькар с поклоном, увидел согласие в серых глазах царя и продолжил: – Мой государь, вчера я слышал кое-что в доме Квинта Цецилия Метелла.

Это ожгло Югурту, будто удар хлыстом. Ну конечно, Бомилькар бывает в той части Рима, куда не пускают царя. И теперь он жаждет похвастаться тем, где обедал.

– Что же ты слышал? – раздраженно спросил Югурта.

– Массива появился в Риме. Скажу больше: он снюхался с консулом Спурием Постумием Альбином. Теперь Альбин, вероятно, пишет петицию в его поддержку в сенат.

Царь мгновенно сел и развернул кресло так, чтобы смотреть Бомилькару прямо в лицо.

– Интересно, куда еще пролезет эта ничтожная козявка! – воскликнул он. – Но почему он, а не я? Альбин наверняка должен знать, что моя благодарность будет щедрее, чем Массивы.

– У меня другие сведения. Суть моего сообщения в следующем, – произнес Бомилькар смущенно. – Я подозреваю, у Альбина есть некоторые личные амбиции. Он собирается стать наместником провинции Африка. Теперь сообрази: ты торчишь в Риме, Альбин уезжает в Африку, собирает небольшое войско и быстрым маршем мчится к стенам Цирты. Мгновенный штурм – и ура Массиве, царю Нумидийскому! Ну и, в свою очередь, Массива Нумидийский не забудет благодетеля и станет выполнять любые прихоти Альбина.

– Я должен быть дома! – взревел царь.

– Да знаю я. Только скажи – как? Каким образом?

– Неужели нет ни малейшей возможности перекупить этого Альбина? Сколько Массива сунул ему в лапу? Я дам больше!

Бомилькар расстроено покачал головой:

– Новый консул не любит тебя, государь. Ты пренебрег возможностью одарить Альбина на его день рождения. Он был в прошлом месяце. А Массива не пренебрег и одарил. Любопытный факт: он послал подарок, когда Альбина избрали консулом, а потом еще один, на день рождения.

– Все мои агенты, чтоб им... – прошипел Югурта сквозь зубы. – Им кажется, что я начинаю сдавать, вот и валяют дурака. – Он облизал губы и неожиданно спросил: – Я проигрываю, ведь верно?

Бомилькар улыбнулся:

– Ты? Никогда!

– Не знаю, не знаю... Массива! Ты полагаешь, я запамятовал о нем? Я думал, что он в Киренаике с Птолемеем Апионом! – Югурта передернул плечами, но все же попытался сохранить спокойствие. – Может быть, все это ерунда. Кто поведал тебе об этом?

– Метелл, самолично. Похоже, он знает, о чем говорит. Он собирает все сплетни, ведь в следующем году он собирается стать консулом. Он не одобряет политики Альбина – еще бы! Если бы одобрял, то не обмолвился бы ни словом. Но ты знаешь Метелла: он образец виртуозной римской честности. Он совершенно неподкупен. Будь его воля, цари не стояли бы в ожидании у римского порога.

– Метелл может позволить себе роскошь быть честным, – произнес Югурта раздраженно. – Разве он не богаче Крёза? Разве они не поделили между собой Испанию и Азию? Хорошо хоть не добрались до Нумидии! Не доберется до моего царства и Спурий Постумий Альбин. Так ты говоришь, Массива в Риме? – Югурта застыл в кресле.

– Со слов Метелла, государь.

– Мы должны ждать, пока не узнаем, кого из консулов выберут управлять Африкой, а кого – Македонией.

Бомилькар глянул на него удивленно:

– Неужели, царь, для тебя так важны результаты голосования?

– Никогда не знаешь, чего можно ожидать от римлян, – спокойно ответил Югурта. – Может быть, все уже решено. А может, они нарочно распускают слухи, чтобы поиздеваться над нами. Поэтому я буду ждать, Бомилькар. Узнаю результаты голосования – и решу, что мне делать.

С этими словами он повернул кресло и возвратился к своим размышлениям о дожде.

Трое детей росло в старом деревенском доме в Арпине. Гай Марий был старшим. У него была сестра Мария и младший брат Марк Марий. Все предполагали – и не без основания, – что они займут значительное место в жизни этого города и края, но никому и в голову не приходило, что кто-нибудь из них замахнется на нечто большее. Их семья представляла собой типичную семью сельской аристократии. То были простые, сердечные, чуть старомодные землевладельцы – без всяких претензий. Марии, казалось, испокон века будут известны лишь в Арпине. Мысль о том, что один из них войдет в римский сенат, их никогда не посещала. Цензор Катон со своим низким происхождением наделал было волнений. Но земли его отца находились в Тускуле – в пятнадцати милях от Сервиевой стены, римской городской границы.

Нет, арпинские землевладельцы не стремились к тому, чтобы их сыновья стали сенаторами. Они и так жили богато, и денежки всегда водились у них в избытке. Самыми плодородными арпинскими землями, занимающими много квадратных миль, владели три семьи – Марии, Гратидии и Туллии Цицероны. Семьи были велики и обеспеченны. Когда кому-нибудь в этих семьях требовались муж или жена, то за будущими супругами отправлялись не в Рим, а в Путеолы, где жила семья Граниев. Эти Грании, презревшие сельский быт, занимались морской торговлей и арпинцами являлись не по духу, а лишь по происхождению.

Невеста Гая Мария была просватана за него, когда он был еще маленьким мальчиком. Она терпеливо ждала достижения совершеннолетия в доме Граниев в Путеолах, потому что была еще моложе жениха. Увы, любовь у молодого Гая уже была. Правда, не женщину он любил. И не мужчину. Гай Марий полюбил армию. Полюбил всем сердцем, всей душой – и на всю жизнь. В семнадцать лет он начал службу в армии и сокрушался: ох, нет серьезной войны, беда! Впрочем, рвение его не остыло, и скоро он сделался младшим офицером в консульском легионе. А когда пошел ему двадцать третий год, его взяли в личную ставку Сципиона Эмилиана. На настоящую войну, в Нуманцию, в Испанию.

Не много потребовалось времени, чтобы там подружился он с Публием Рутилием Руфом и Югуртой, царевичем нумидийским. Храбро и весело они вместе сражались, за что заслужили уважение Сципиона Эмилиана. Он, посмеиваясь, но любя, именовал их Кошмарным Трио. Никто из них не был вхож в высшие круги Рима. Югурта – из-за того, что был иноземцем. Семья Публия Рутилия Руфа не заседала в сенате уже более сотни лет, и никто из ее членов не добивался консульства. А Гай Марий – из-за того, что слыл деревенщиной. В то время, бесспорно, они и не думали о политике. Они были солдаты, и это их устраивало.

Правда, Гай Марий – случай особый. Он был рожден для службы, но более того – он был рожден для лидерства.

– Ты всегда знаешь, что, когда и как нужно делать, – говаривал ему Сципион Эмилиан с некоторой завистью.

Сам-то он не то чтобы не знал, но – увы! – с ранней юности почтительно внимал старшим – на плацу, за учебой, за обеденным столом. И как следствие, редко решался на спонтанные действия. Этому-то он и завидовал. К счастью, не слишком, ибо обладал другими талантами. Он был великий организатор, а не солдат. Он предпочитал сражаться, глядя на карты. Он считал, что если план кампании до тонкостей продуман военачальником еще до того, как первый легионер призван на службу, то победа предрешена и солдатам делать уже нечего.

Однако Гай Марий всего лишь вел себя естественно. Совсем еще недавно он был ребенком, маленьким и худеньким, изнеженным любителем вкусенького. Любимец матери, он был втайне презираем отцом. Но с тех пор, как Гай Марий надел первую свою пару военных сан-

дали и кирасу из гладких бронзовых пластин поверх кожаного доспеха, он начал расти прямо на глазах – и телом, и духом. И вскоре сделался истинным воином, превосходя окружающих силой, отвагой и независимым нравом. Изменилось и отношение к нему в семье: теперь уже мать не принимала сына таким, каким он стал, зато отец впервые проникся к нему уважением.

Сам же Гай Марий полагал, что нет счастья выше, нежели ощущать себя одной из шестеренок прекрасно отлаженной и грозной военной машины – римского легиона. Ни поражения, ни тяготы долгих учений, ни близкое дыхание смерти – ничто не могло заглушить в нем восторженности. Что ему приказывали, его не заботило; дело солдата – повиноваться.

В Нуманции он впервые встретил семнадцатилетнего новичка, который, едва прибыв из Рима, тотчас присоединился к свите Сципиона Эмилиана. То был Квинт Цецилий Метелл, младший брат знаменитого Цецилия Метелла, который после военных действий против племен, населявших Далматинские горы Иллирии, получил почетное прозвание Далматик и выдвинулся на пост великого понтифика.

Молодой Метелл был типичным Метеллом – медлительным флегматиком. Работал и думал он медленно, но если уж что-то втемяшится ему в голову... Самоуверенности ему было не занимать. Эта черта – как бы помягче сказать – раздражала Сципиона Эмилиана, обычно довольно терпимого к молодым представителям своего класса. Чтобы подросток не путался под ногами и по-настоящему почувствовал войну, его прикрепили к Кошмарному Трио. Разумеется, Марию, Рутилию и Югурте совершенно не понравилось, что им подсунули мельничный жернов с собственным мнением! Друзья приняли новичка как обузу.

Покуда Сципион Эмилиан был занят захватом Нуманции, бедный парень испытывал свою судьбу. И вот Нуманция пала. Была повержена, уничтожена. Неудивительно, что всем – от старшего командира до новобранца – позволено было пьянствовать. Кошмарное Трио не просыхало. На беду, Квинт Цецилий Метелл решил отпраздновать с ними свой день рождения. Ему стукнуло восемнадцать. Троица сочла это поводом к прекрасной шутке, и после долгих совместных возлияний именинник был заброшен ими в свинарник.

Он выбрался, протрезвевший от вони, обтекающий жидким навозом и сочащийся яростью, плюнул и сказал:

– Вы! Вы, напыщенные выскочки! Что вы воображаете о себе? Слушайте, у меня есть что вам сказать. Ты, Югурта, – грязный варвар, дикарь, не годный даже на обтирку римских сапог! А ты, Рутилий, – попрыгунчик, курьер-любимчик! А ты, Гай Марий, – итальянский деревенщина, по-гречески не понимающий! Как вы смеете? Как смеете вы?.. Вам что, неизвестно, кто я таков? Вы не знаете о моей семье? Я Цецилий Метелл! Мы были царями Этрурии задолго до возникновения Рима! Месяцами я терпел ваши издевательства, но хватит! Как вы смеете обращаться со мной хуже, чем с вашими подчиненными? Как вы смеете?!

Югурта, Публий Рутилий Руф и Гай Марий подвесили извивающегося аристократа на ограду свинарника, при этом они злобно улыбались и сверкали глазами. Публий Рутилий Руф слыл среди солдатни человеком начитанным – он умел в любой ситуации изъясняться свободно и спокойно. И вот он уселся на ограду верхом и широко улыбнулся:

– Пойми меня правильно, Квинт Цецилий, мне очень понравилось, как ты изъясняешься. Но проблема в том, что грязная, жирная свинья останется таковой, даже нахлобучив корону, о царь Этрурии! – Здесь он поклонился, а его друзья хихикнули. – Поди прими ванну и повтори все снова. Может, тогда мы не будем так смеяться.

Метелл рвался и мотал головой в ярости. Неизвестно, что более его раздражало: унижительное положение или улыбки на лицах его мучителей. Собравшись с силами, молодой человек прошипел:

– Рутилий! Какое имя нужно иметь, чтобы кувырком вылететь из сената? Ты провинциальное ничтожество, Рутилий!

– О-о! – сказал Руф. – Мой этрусский достаточно хорош для того, чтобы перевести имя Метелл на латынь! – Руф повернулся к Югурте и Марию. – Напомню: оно означает «солдат, ставший наемником».

Это было уж слишком. Юный Метелл рванулся так сильно, что освободился сам и при этом сокрушил с ограды своего мучителя – тот рухнул в «ароматное» месиво. После этого Метелл набросился на обидчика с явным желанием нанести ему наибольший ущерб. Оба покатались по грязи, молотя друг друга без всякого, впрочем, вреда. Югурта и Гай Марий нашли развлечение довольно забавным и бросились в общую кучу. Заливаясь смехом, сидели они в луже, перемазавшись, как свиньи. Наконец им надоело сидеть верхом на Метелле и насмеяться над его попытками встать. Освобожденный, он вскочил, отбежал немного и завопил:

– Вы заплатите за это!

– Похлебай еще говна! – посоветовал ему Югурта, сотрясаясь от неудержимого смеха.

«Однако, – думал Гай Марий, насухо вытираясь после ванны жестким полотенцем, – колесо вращается и будет вращаться независимо от того, что мы делаем. Ненависть, прозвучавшая в голосе потомка одного из знатнейших родов, была по-своему справедлива. Кто мы были тогда, на самом-то деле? Один – варвар, иноземец; другой вознесся на волне военной удачи, а я... необразованный потомок италийцев. В Риме всякому сверчку полагается знать свой шесток».

Югурта должен был стать признанным в Риме царем Нумидии, сразу попав в разряд клиентов-царей с четко очерченным кругом привилегий и возможностей. Но, заслужив в свое время упорную, неприкрытую ненависть со стороны всего рода Метеллов, он живет теперь за городскими стенами без права войти в Рим, в непрестанной борьбе с претендентами на свой трон, стремясь купить то, что при других обстоятельствах мог бы добыть без особого труда.

Ветреная голова – Публий Рутилий Руф, любимчик Панеция-философа, покоровивший и восхитивший членов Сципионова кружка, поэт, воин, остроязыкий политик, человек блестящих свойств и качеств... Не добыл себе консульства в тот же год, когда и Марий еле обеспечился местом претора. И дело тут не в креслах. Он имел врага в лице Цецилия Метелла. Кроме того, он дружил с Югуртой, что сразу разозлило Марка Эмилия Скавра, ближайшего союзника Метелла – и гордости их фракции в сенате.

Остался он, Гай Марий, тот, кого Метелл Свин назвал италийским деревенщиной, по-гречески не понимающим. Для чего он, несчастный, вернулся в Рим и занялся политической грязной возней? Да потому, что Сципион Эмилиан, не будучи зазнашкой, уважал простых деревенских помещиков и обещал Марию помощь. Он считал, что Гай Марий должен попробовать, ибо достоин большего, чем участь провинциального землевладельца. Не получив хотя бы преторского поста, он никогда не сможет водить в походы римские легионы.

Поэтому Марий выставил свою кандидатуру на выборах военных трибунов – здесь было нетрудно добиться успеха. Затем его избрали квестором, и цензор ввел его – не патриция! – в сенат. Как поразились семья Гая Мария! Мало-помалу Гай Марий из Арпин приобретал солидный вес. Забавно! Именно Цецилий Метелл помог ему стать народным трибуном в тревожное время, наступившее после смерти Гая Гракха. Правда, Марий не смог стать трибуном с первого раза. А в тот год, когда его наконец выбрали, Метеллы начали утверждать, что этим он обязан именно им. Род Метеллов играл с судьбой провинциального выскочки как кошка с мышкой. Но мышка вдруг показала зубки: Гай Марий добился сохранения свободы народного собрания, страдавшего от чрезмерного контроля со стороны сената. Луций Цецилий Метелл Далматик попытался провести закон, ограничивавший право народного собрания сочинять законы, но тут Гай Марий наложил вето. И ничто не смогло сломить того упорства, с которым он отстаивал свое решение.

Однако несладко пришлось и ему. После срока на посту плебейского трибуна Гай Марий попытался получить должность плебейского эдила, но встретил яростное сопротивление все тех же Метеллов. Крахом окончилась и его попытка стать претором. Метеллы во главе с Далматиком прибегли к наиболее распространенному способу борьбы с политическим противником – клевете. Оказалось, что Гай Марий – импотент, который развращает маленьких мальчиков, жрет экскременты, является вместе с тем членом тайных оргиастических обществ Бахуса и Орфея и, когда не спит со своей сестрой или матерью, берет обильные взятки. Но самый сильный из их доводов был таким: «Для чего нам в качестве претора растленный и гнусный тип, который к тому же еще и не римлянин? У Рима вполне хватает своих порядочных и честных сыновей, а этот – вообще никто. Не нужен он нам».

И это поставило точку.

Плохую службу сослужили ему и слухи о том, что он невежда, не говорящий по-гречески. Самое нелепое в этих нападках было то, что Гай Марий говорил по-гречески. Причем свободно. Его воспитатель был вывезен из азиатской Греции, из Лампсака на Геллеспонте. А его грамматик был родом из Амиса, что на берегу Понта. Но оба они говорили по-гречески с сильным акцентом. В глазах римлян не владеть греческим вовсе или говорить на азиатском его варианте – все едино. Потому Гай Марий и вовсе перестал изъясняться на языке всех культурных и образованных людей.

Тем не менее преторского поста Гай Марий добился. А потом довелось ему пережить дикое обвинение в подкупе, которое бросили ему сразу после выборов. Подкуп! Как будто у него было чем подкупать выборщиков. Но многие знали, чего стоит Гай Марий, или слышали о нем от тех, кто был с ним хорошо знаком. В Риме всегда благосклонно относились к доблестным солдатам. Именно это обстоятельство и помогло Гаю Марию сохранить тогда звание претора.

Сенат направил его наместником в Дальнюю Испанию, при этом кое-кто, конечно, надеялся, что Марий там и сгинет навсегда. Но Марий был абсолютно военным человеком. Он не сгинул.

Испанцы – особенно полудикие племена на западе Лузитании и северо-западе Кантабрии – отличались особыми приемами ведения войн, которые никак не укладывались в обычную тактику римских легионов. Эти испанцы расстраивали все планы римских военачальников. Они никогда не выстраивались к бою, никогда не придерживались устоявшихся правил, гласивших, что лучше рискнуть всем ради единого мощного натиска и быстрой победы, чем втягиваться в расточительную и скучную затяжную кампанию. Испанцы, напротив, полагали, что выгодно придерживаться именно такой тактики. Они продолжали войну столько, сколько требовалось, чтобы вымотать врага. Таким образом, они постоянно находились в состоянии войны, не давая пришельцам укорениться и привить здесь чуждую культуру.

Но если у них не было денег на войну, то они действовали партизанскими методами. Избегая открытых сражений, испанцы устраивали засады, налеты, покушения на отдельных римлян, поджоги, угоны коней. Они появлялись то здесь, то там, иногда одновременно в нескольких местах; не было у них ни военной формы, ни постоянных формирований. Налетят – и быстро отступают обратно в горы, где им знакомы каждый камень, каждая тропка и ложбинка. Если же римляне решались предпринимать ответные действия и занимали какой-нибудь городок, жители тут же прикидывались ну такими безобидными, такими простодушными – прямо покорные и терпеливые ослики.

Сказочно богатая страна Испания. Поэтому все так стремятся овладеть ею. Коренные жители, иберийцы, на протяжении тысячелетий смешивались с кельтскими народами, что понемногу просачивались через Пиренеи, а берберы-мавры, переплывая узкий пролив, отсекающий Испанию от Африки, добавляли в палитру народов свои краски.

Примерно тысячелетие назад из Тира и Сидона с побережья Сирии прибыли финикийцы. Затем появились греки. Два столетия спустя пунические племена из Карфагена – они сами были потомками сирийских финикийцев – присоединили полуостров к своей империи. Испания перестала находиться в относительной изоляции. Карфагеняне искали здесь месторождения металлов. Золото, серебро, цинк, медь, железо – горы полуострова изобиловали ими. Мир жаждал металлов. Они стали силой пунийцев. Даже олово поступало из Испании; на самом полуострове оно не встречалось, но его отовсюду свозили мореплаватели в испанский порт в Кантабрии, и отсюда испанские торговцы отправляли его на рынки Средиземноморья.

Мореходы-карфагеняне владели также Сицилией, Сардинией и Корсикой, а значит, рано или поздно им пришлось бы столкнуться с Римом. Сто пятьдесят лет спустя это произошло. Три войны, занявшие в общей сложности около века, завершились разрушением Карфагена, и Рим завладел всеми его землями, включая также испанские копи.

Римляне почти сразу поняли, что Испанией лучше всего управлять, разделив ее на две части: Ближнюю Испанию и Дальнюю Испанию. Правитель Дальней Испании контролировал юг и запад страны, сидя в плодородной долине Бетиса, где стоял старый, хорошо укрепленный город финикийцев – Гадес. Правитель Ближней управлял северной и восточной частями полуострова. Его поселили на прибрежной равнине напротив Балеарских островов. Земли на крайнем западе – Лузитания и на северо-западе – Кантабрия оставались ничьими.

Несмотря на убедительный пример, показанный Сципионом Эмилианом в Нуманции, испанские племена продолжали сопротивляться своим излюбленным способом: набегами, убийствами и грабежами. Так обстояли дела в этой провинции – очень беспокойной, но слишком уж соблазнительной, чтобы ее оставить. Гай Марий был направлен наместником в Дальнюю Испанию. Первое решение, которое он принял, – бороться с местными племенами их же способом, то есть поджогами, налетами, с помощью подосланных убийц и лазутчиков. И у него получилось! Он смог раздвинуть границы, присовокупив к своим землям Лузитанию и большую горную цепь, где брали свои истоки реки Бетис, Анас и Таг.

По мере того как границы Рима расширялись за счет все новых и новых провинций, римляне получали контроль над все новыми и новыми богатыми месторождениями серебра, меди, железа. Естественно, правитель провинции, то есть тот, кто устанавливал именем Рима и во славу его новые рубежи, был в числе первых, кто богател за счет этих приобретений. Казначейство получало свою долю и собирало налоги, однако предпочитало, чтобы разработки находились в руках частных лиц, которые выжмут все соки из доставшегося им владения.

Таким образом Гай Марий разбогател. Потом разбогател еще больше. Каждое новое месторождение так или иначе оставалось в его ведении. Это помогло ему добиться прочного положения среди торговцев. Он стал негласным партнером многих солидных компаний, занятых в самых разных сферах – от торговли зерном и банковского дела до организации общественных работ. Его влияние распространилось по всему римскому миру.

Из Испании он вернулся провозглашенный своей армией «императором» и имел право просить у сената разрешения провести триумф. Отказать человеку, который сделал столь значительный вклад в государственный бюджет, сенат не мог. И Гай Марий проехал на древней торжественной колеснице по традиционному пути древних триумфальных шествий. Как символы его побед впереди колесницы несли щиты с картами его победоносных походов и причудливые одежды покоренных племен.

Марий полагал, что теперь-то уж он наверняка станет консулом. Он, Гай Марий из Арпина, презренный италийский селянин, деревенщина, будет избран на пост консула в самом великом городе мира. А потом отправится в Испанию и окончательно подчинит ее, превратит в мирную римскую провинцию. Однако прошло уже пять лет с того дня, когда он возвратился в Рим. Пять лет! Метеллы одолели его – никогда не стать Гаю Марию консулом.

– Подай одеться, – велел Марий слуге, замершему в ожидании.

Многие из тех, кто занимает такое положение, как Гай Марий, разлеглись бы на мраморном краю бассейна, а рабы тем временем умащали бы их и делали массаж, однако Гай Марий предпочитал обслуживать себя сам. В свои сорок семь он выглядел мужчиной, только вступившим в пору зрелости. Он по праву мог гордиться своим телом. В свободные дни он непременно упражнял мышцы: гири, заплывы на Тибре, затем – бегом назад, по периметру Марсова поля до дома и Капитолийской арки. Его темно-каштановые волосы, правда, уже начали на макушке редеть, но их было еще достаточно, чтобы иметь вполне приличную прическу. Красавцем он никогда не был. Хорошее, даже запоминающееся лицо, но не такое, как у Гая Юлия Цезаря. Тут ему с ним не сравняться.

Хотелось бы знать, почему он так заботится о прическе и платье? Неужели из-за того, что приглашен на скромный семейный обед к простому сенатору, который не избирался даже на пост эдила, не то что претора? Однако же он, Гай Марий, облачился в хиосский шелк. Куплена ткань была несколько лет назад, когда Марий еще мечтал о бесчисленных ужинах у знати, на которых будет присутствовать как почетный гость, едва получит место консула. И потом – еще годы и годы, пока помнят и чтят консула бывшего.

Конечно, обед у Цезаря – совсем не то. Однако и ради такого случая Гай Марий решил отложить строгую белую тогу и тунику с пурпурной полосой и надеть роскошную, из хиосского шелка, богато расшитую пурпуром и золотом. К счастью, нигде в Риме не записано, что человеку запрещается носить то, что он хочет, сколь вызывающим и дорогим ни был бы его костюм. Существовал лишь закон Лициния «против роскоши», но он регулировал число блюд из редких, а потому очень дорогих продуктов; об одежде там не говорилось ничего. Да и этот закон всерьез не рассматривался. Впрочем, вряд ли на столе Гая Юлия Цезаря окажутся какие-нибудь деликатесы вроде угря или устриц.

В походах Гай Марий никогда не вспоминал о своей жене из ПUTEОЛ. Помнил ли он вообще о том, что женат? Гай Марий вступил в брак в том юном возрасте, когда еще не возникает проблем с сексом, и прожил двадцать пять лет без любви с женой, не родившей ему детей. Близости он желал лишь изредка, при случайной встрече с какой-нибудь привлекательной женщиной. Не так уж много их и было в его суровой жизни. Время от времени он удовлетворял чисто физическую потребность с доступной девицей, служанкой или пленницей.

А Грания, его жена... На нее он не обращал внимания даже сидя рядом, даже когда напоминала она ему, что не худо бы им почаще ложиться вместе, поскольку дети не рождаются просто так, для этого необходимо приложить известное усилие. Совокупление с Гранией было для Мария чем-то вроде марша по пересеченной местности сквозь непролазный туман. Она окружала его какой-то тягучей, липкой атмосферой, он тонул в ней, как в сиропе. Чувства незнакомые и неприятные томили его, и время от времени, достигнув точки кипения, Марий пятнал простыни некой клейкой субстанцией, но и тогда открывал рот не для того, чтобы застонать от наслаждения, а чтобы просто зевнуть.

Он не жалел Гранию и даже не пытался понять ее чувства и переживания. Старая драная курица. Она и смолоду-то не блистала красотой. Что делала она все дни (и ночи) в его отсутствие, он не знал, да и не задумывался над этим. За честь свою Гай Марий не беспокоился. Грания, ведущая двойную жизнь? Грания, охваченная порочными страстями? Скажи ему кто, что такое возможно, – хохотал бы до слез. И был бы совершенно прав. Ее целомудрие и непорочность нагоняли только скуку. Да, Грании из ПUTEОЛ явно далеко до распутницы Цецилии Метеллы, сестры Далматика и Метелла Свина и жены Луция Лициния Лукулла!

Серебряные рудники Мария подарили ему прекрасный дом между Марсовым полем и Сервиевой стеной, выше Капитолийской арки, а это – лучшее место в городе. Его медные копи позволили ему приобрести цветной мрамор, которым отделаны здесь колонны, перегородки,

полы; доходы с железных рудников привлекли сюда лучшего римского живописца, покрывшего стены дома сценами охоты, видами садов, пейзажами. Дружба с крупными торговцами окупилась скульптурами и гермами, изумительными резными столиками из драгоценного тетраклиниса на подставках из слоновой кости, инкрустированных золотом, столь же богато отделанными ложами и креслами, искусно расшитыми занавесями, литыми бронзовыми дверями. Сам Химметий планировал просторный перистиль с садом, особое внимание уделяя при этом гамме запахов и палитре цветов. В центре сада – бассейн с фонтанами, рыбами, лилиями, лотосами, великолепными изваяниями тритонов, nereид, дельфинов и морских змей.

Однако все это, откровенно говоря, мало нужно было самому Гаю Марию. Всего лишь дань общественному мнению и вызов завистникам. Спал он все равно на походной койке в самой маленькой комнате, где по стенам висели его меч, щит и походный плащ, а единственным ярким цветным пятном являлось вылинявшее и затертое знамя, которое его любимый легион вручил ему после завершения войны в Испании. Там, на войне, – там была его истинная жизнь! Если что и ценил Гай Марий в преторстве или консульстве, так это возможность командовать армиями. И у консулов возможностей к тому же неизмеримо больше! Но – консулом не стать ему никогда. Не станут они голосовать за такого, как он, сколь бы ни был он богат.

День был не лучше вчерашнего: так же моросил нудный дождь и сырость проникала во все уголки. И Гай Марий, наплевав на условности, накинул на богатые хиосские одежды сагум – толстый непромокаемый солдатский плащ, который спасал его от пронизывающих ветров Альп и бесконечных ливней Эпира. То, что нужно солдату! Гай Марий с наслаждением вдыхал запах невымытой шерсти. Это был запах походной жизни. Так голодный купается в ароматах горячего хлеба у стен пекарни.

– Добро пожаловать, – приветствовал Мария Гай Юлий Цезарь, встречая гостя возле дверей и лично, своими ухоженными руками, принимая у него сагум. Цезарь не передал плащ рабу, ожидавшему рядом, не испугался, что запах солдатчины впитается в его, Цезаря, аристократическую кожу. Уважительно пощупал толстую материю. – Думается мне, этот плащ прошел через несколько войн, – отметил он, будто бы и не замечая богатого одеяния гостя.

– Другого у меня не водилось, – отвечал человек в тончайших шелках, расцветенных золотом и пурпуром, заметив, что хиосская роскошь не произвела должного впечатления.

– Лигурийский? – продолжал расспрашивать Цезарь.

– Да. Отец подарил его, когда мне стукнуло семнадцать и я начал служить в легионах.

Гай Марий проследовал за хозяином в триклиний. Куда этому небольшому, чрезвычайно скромному жилищу до дома, отгроханного Марием!

– Когда я стал командиром, – продолжал он на ходу, – и настал мой черед снабжать и обеспечивать легионы, я побеспокоился о том, чтобы такие же были у всех. Если не заботиться о здоровье людей, кости у них начинают ломить от сырости. И вот они все чихают да кашляют. А что за вояка, коли весь в соплях? – И тут же он добавил поспешно: – Я не просил с них лишних денег. Для каждого уважающего себя командира главная прибыль – победа его легионов.

– Насколько мне известно, ты вполне достоин звания командира. – Цезарь присел на конец среднего ложа с левой стороны, показывая, чтобы гость устроился справа – на почетном месте.

Слуги разули их и, когда Гай Марий отказался дышать дымом жаровни, предложили носки, которые были милостиво приняты. Затем оба удобно устроились на ложе, облокотившись на валики. Тем временем виночерпий уже наполнял первые кубки.

– Сейчас подойдут мои сыновья, а супруга с дочерьми присоединятся сразу перед обедом. – Цезарь протянул руку за кубком, жестом остановив виночерпия. – Надеюсь, Гай Марий не посчитает меня скрягой, дрожащим над запасами своего вина, если я предложу пить его так, как это делаю я, – разбавляя водой? У меня имеется уважительная причина так поступать,

которую я пока не могу тебе раскрыть. Пока... Единственное объяснение, которое я в состоянии сейчас предложить тебе, таково: мы оба должны сохранить ясный ум. Да и женщинам может не понравиться, что мужчины при них пьют неразбавленное вино.

– Что до меня, то я на вино не падаю, – сказал Марий, также останавливая виночерпия, чтобы тот оставил место в кубке для воды. – Когда человека приглашают к столу уважаемые люди, язык ему понадобится для учтивой беседы, а вовсе не для того, чтобы лакать вино.

– Хорошо сказано! – одобрил Цезарь.

– Однако ты заинтриговал меня.

– Терпение. Со временем ты узнаешь все.

Наступила тишина. Собеседники потягивали из кубков воду, чуть подслащенную вином. Они знали друг друга только по сенату, где обменивались обычными кивками издали, поэтому поначалу беседа не клеилась. Тем более что хозяин предложил отказаться от чудодейственной силы вина, развязывающего языки.

Цезарь прочистил горло, поставил кубок на стол и, подавшись вперед, почти на самый край ложа, вдруг спросил:

– Мне кажется, Гай Марий, ты не слишком доволен членами магистрата, выбранными в этом году.

– О боги! – оживился Марий. – Еще как недоволен! Я думаю, что многие разделяют это недовольство.

– О да, выбор был небогат. Утешает одно: больше года им не продержаться. А как было бы хорошо иметь достойного человека на важном посту. Такого, для которого этот срок можно увеличить.

– Пожалуй, с таким достойным человеком многое можно сделать, славно потрудиться, – сказал Марий. – Если не возникнет проблем.

– Проблем?

– Да кто, скажи мне, сможет гарантировать, что достойный человек действительно достоин? Он сам? Сенат? Народное собрание? Может быть, всадники? Или выборщики – несомненно, неподкупные и достойные граждане?

Цезарь рассмеялся:

– Полагаю, Гай Гракх был человеком достойным. Когда он шел на второй срок плебейского трибуна, я поддерживал его от всего сердца. И третью его попытку тоже. Не то чтобы моя поддержка много стоила, но... Я все-таки патриций.

– А это тоже немало. Если в Риме появляется достойный человек, его ведь могут и зарезать. Почему? Потому что он печется больше о Риме, нежели о своем состоянии.

– Думаю, такое случается не только в Риме. – Цезарь посмотрел на Гая Мария, высоко подняв красиво изогнутые брови. – Люди есть люди, и нет разницы между римлянами, греками, карфагенянами, сирийцами. Во всяком случае, там, где замешаны зависть и жадность. Единственный способ сохранить себя и сделать то, что считаешь нужным, – накопить сил и добиться положения верховного правителя... царя. Конечно, этот титул может именоваться иначе...

– Рим никогда не смирится с царским правлением!

– Так было лишь последние пятьсот лет. А ведь прежде Римом правили цари. Смешно, не правда ли? Во всем мире предпочитают безраздельное правление. Только римляне и греки – исключение.

Марий вздохнул:

– Это потому, что в Риме и Греции всякий сам себя считает царем. Рим так и не стал истинной демократией, хотя и изгнал царей.

– Ну уж нет! Истинная демократия – выдумка греческих философов, прекрасная, но недостижимая мечта. Погляди хотя бы на ту путаницу, в которой увязли греки. Этого ли мы

хотим для себя? Рим – форма правления меньшинства, господства знатных семей над большинством.

– И выскочек, – добавил Гай Марий, в котором-то как раз и видели выскочку. – Так называемых новых людей.

– И «новых людей», – согласился Цезарь.

В этот момент в столовую вошли сыновья Цезаря. Вошли, как и подобает молодым людям: решительно, но с почтением, и сразу остановились.

Сексту Юлию Цезарю, старшему сыну, было двадцать пять – высокий, с темно-рыжими волосами и серыми глазами юноша. Опытный глаз Гая Мария подметил лишь один недостаток у этого юноши – синие тени усталости под глазами. Он был на редкость молчалив, что тоже казалось странным в его годы.

Гаю Юлию Цезарю Младшему исполнилось двадцать два. Он был крепче брата и выше его ростом; золотые кудри придавали света большим голубым глазам. «Очень умен, хотя не выделяется ни силой, ни характером», – решил Гай Марий.

Рядом они смотрелись очень мило – два истинных римлянина, сразу чувствуется порода: дети сенатора и будущие сенаторы.

– Ты можешь гордиться своими сыновьями, Гай Юлий, – проговорил Гай Марий, когда юноши заняли места на ложе по правую руку от отца. Для возможных гостей (а в некоторых скандально известных своим новомыслием домах – для женщин) предназначалось ложе слева от Мария.

– Да, я тоже так думаю. – Глаза Цезаря светились гордостью и любовью. Затем он опять повернулся к Гаю Марию с явным любопытством. – У тебя ведь нет сыновей?

– Нет.

– Но ты женат?

– Так считается, – рассмеялся Гай Марий. – К сожалению, все военные похожи друг на друга: по-настоящему мы обручаемся только с ратными победами.

– Пожалуй. – И Цезарь сменил тему.

Предобеденная беседа текла плавно и неторопливо, огибая опасные рифы. В этом доме уважали чужое мнение, для всякого находили доброе слово, обходились без двусмысленных намеков. Каковы же женщины дома Цезарей? Марий знал, что за воспитанием детей в Риме стояли именно женщины. Распутная или застенчивая, глупая или умная – любая римлянка умеет заставить считаться с собой. Разумеется, кроме этой путеольской квашни.

А вот и женщины – Марция и две Юлии. Невероятно! Все три восхитительны. Слуги принесли и поставили для них кресла в центре зала, по другую сторону столов, за которыми возлежали мужчины. Марция уселась напротив супруга, Юлия – напротив Гая Мария, а Юлилла – перед братьями. Едва заметив, что родители отвлеклись, она тут же показала братьям язык, не смущаясь присутствием гостя.

Несмотря на отсутствие деликатесов и разбавленное вино, обед оказался превосходным, а рабы обслуживали быстро и ненавязчиво, не пролезали грубо к столу между женщинами, но и не манкировали своими обязанностями. Блюда были простыми, однако великолепно приготовленными, мясо имело натуральный вкус, свежие фрукты и овощи, не политые рыбьим жиром и странной смесью экзотических пряностей с Востока. Именно такая простота застолий и была по душе воину Марию.

Жареная птица, набитая хлебом, луком и травами из собственного сада, легкие свежеспеченные булочки, два вида оливок, яблоки, запеченные в тесте, приготовленном из нежной муки с яйцами и сыром, превосходные домашние колбаски под чесночным соусом, разбавленным медом, два вида салатов из латука, огурцов, шалота и сельдерея (каждый – под особым соусом из масла с уксусом), дымящееся блюдо из брокколи, тыквы и цветной капусты, украшенное печеными каштанами. Отдельно подавался перец. Светлое оливковое масло первого

отжима, соль и перец – все высшего качества – подавали по первому же знаку обедающих. Завершали обед небольшие пирожки с измельченным изюмом, политые сиропом из фигов. И под конец – сыры двух сортов.

– Арпинский! – оживился Гай Марий, попробовав один из них, и лицо его помолодело. – Этот сорт я знаю хорошо! Его делал мой отец. Из молока двухлетней овцы, которая паслась недельку на заливных лугах, где растут особые травы.

– Как мило! – проговорила Марция. В ее тоне не прозвучало и нотки превосходства. – Мне всегда нравился этот сорт, но теперь я буду относиться к нему по-особому. Сыр, сделанный Гаем Марием! Ведь твоего отца также зовут Гай Марий из Арпина?

После завершающего блюда женщины покинули триклиний. За обедом они не прикоснулись ни к чему крепче воды.

Поднимаясь со своего места, Юлия улыбнулась Гаю Марию с нескрываемой симпатией, как ему показалось. Она поддерживала вежливый разговор с ним, когда он к ней обращался, но ни разу не попыталась сама присоединиться к беседе отца с гостем. Тем не менее она не сидела со скучающим видом, а внимательно прислушивалась к разговору мужчин – с интересом и пониманием. Этой красивой и спокойной девушке, казалось, сама судьба обещала нечто большее, чем обычный удел матери семейства.

По сравнению с ней младшая, очаровательная Юлилла, – маленькая разбойница, сущее наказание для семьи. Она-то уж точно знала, как заставить родных смириться с ее выходками. И пользовалась этим. Но что-то в ней сразу встревожило Мариа. Опытный наставник, он умел с первого взгляда распознавать душу не только юношей, но и девушек. Он внимательно изучал Юлиллу за обедом. Что-то в этом ребенке было не так. Не то чтобы недостаток ума или образованности... Она действительно была менее начитанна, чем старшая сестра или братья, но значения этому не придавала. И – необыкновенное тщеславие. О внешности своей она явно была высокого мнения... Что же так настораживало? Где трещинка, дающая фальшивую нотку? Гай Марий пожал плечами и решил о Юлилле не думать; в конце концов, не его это дело.

Сыновья Гая Юлия Цезаря задержались еще на несколько минут, а затем также попрощались и вышли. Наступил вечер; водяные часы – клепсидра – начали отсчитывать ночные часы, каждый – в два дневных длиной. Согласно календарю, сейчас шла середина зимы. На сей раз, в виде исключения, календарь совпал с временами года, все благодаря щепетильности великого понтифика Луция Цецилия Метелла Далматика, полагавшего необходимым соотносить календарь и природные сезоны, что было очень по-гречески. Какая разница, если глаза и тело говорят тебе, какое сейчас время года, а вывешенный на Форуме официальный календарь указывает дату и месяц.

Когда слуги зажгли лампы, Марий заметил, что масло в них самое лучшее и фитили не из пакли, а из шерстяных нитей.

– Я люблю читать. – Цезарь перехватил его взгляд, как и вчера на Капитолии угадав ход мыслей Мариа. – Не потому, что так уж плохо сплю по ночам. Просто несколько лет назад, когда дети подросли и стали принимать участие в семейных советах, мы решили, что каждому из нас будет разрешено позволительное излишество. Марция выбрала кухню, но, поскольку это касалось непосредственно всех нас, мы, сверх того, решили выписать для нее из Патавия новый ткацкий станок и обеспечивать пряжей, какой она захочет, даже если это дороговато. Секст заявил, что будет ездить несколько раз в год в Путолы на огненные поля... – Тень пробежала по лицу Цезаря, он тяжело вздохнул. – Ты слышал наверняка, – продолжил он, – что Юлии Цезари из века в век передают друг другу нечто общее: например, светлая кожа, золотистый цвет волос. А есть еще такой миф: будто бы каждая Юлия в нашей семье рождается для того, чтобы осчастливить собой какого-нибудь мужчину. Якобы это – подарок нашей покровительницы Венеры... Ха-ха, разве Венера может сделать счастливым нормального мужчину? Каково

с ней было Вулкану! Или Марсу! Но тем не менее именно так говорят о женщинах из семьи Юлиев... Однако есть у нас и менее приятное наследство, хотя достается оно, к счастью, не всем. Из нынешнего поколения один лишь Секст страдает от этой болезни. Астма. Думаю, ты уже знаешь – слышал его кашель, да и синеву вокруг его глаз заметил. Несколько раз Секст уже побывал на краю смерти.

Так вот оно что! Бедный парень. Похоже, не успеет он сделать карьеры.

– Я знаю эту болезнь, – произнес Марий. – Мой отец рассказывал о ней. Обычно она начинается в пору цветения и может длиться все лето, мешая человеку собирать плоды. А бывает, что больной не может находиться рядом с животными, особенно с лошадьми или собаками. Это здорово мешает военной службе.

– Все это он испытывает на себе, – произнес Цезарь, заметно погрузнев.

– Доскажи уже о том семейном совете, Гай Юлий, – вновь заговорил Гай Марий, увлекшись.

Такой свободы общения не знали, наверное, в самой Греции! Что за хитрая бестия этот Юлий Цезарь! Для посторонних наблюдателей – до крайности сдержанный, строгий, не подступись, истинное украшение патрицианского рода. Для тех же, кто допущен поближе, – почти бунтарь, нарушитель исконно римских традиций чинности.

– Секст выбрал огненные поля возле Путеол, считая, что сернистый воздух оказывает на него благотворное воздействие.

– А твой младший сын?

– Гай сказал, что больше всего на свете хочет, чтобы осуществилось одно его желание... Хотя вряд ли это желание можно было бы назвать излишеством. Он попросил разрешения самому выбрать себе жену.

– Боги! И ты ему позволил?

– Конечно.

– А если он разделит участь многих непутевых мальчишек его возраста? Если попадетя в сети потаскушки или старухи-соблазнительницы?

– Тогда пусть женится на ней. Разве не этого он желал для себя? Однако не думаю, чтобы Гай оказался столь опрометчив. У него имеется голова на плечах.

– И уж конечно, свадебный обряд состоится по патрицианскому обычаю *confarreatio*?

– Да.

– Боги! Боги!

– Моя старшая дочь Юлия также отличается здравым смыслом и светлым умом, – продолжил Цезарь. – Она оплатила членство в библиотеке Фанния. Я и сам намеревался сделать это, но уступил ей, поскольку не так уж важно, кто из членов семьи получит доступ в библиотеку. А вот малышка Юлилла, к сожалению, начисто лишена мудрости. Она подобна яркой бабочке, для которой ум лишь помеха. Такие, как она, – тут Цезарь-отец мягко улыбнулся, – освещают нашу жизнь. Я бы, наверное, ненавидел этот мир, не будь он украшен такими вот пышными цветами. Мы проявили легкомыслие, породив на свет четверых детей, но во искупление нашей вины последней прилетела эта девочка...

– Что же она попросила для себя?

– То, что мы и предполагали. Сласти и наряды.

– А как же ты, лишенный членства в библиотеке?

– Я пожелал обеспечить себя лучшим маслом и фитилями, а затем мы заключили с Юлией небольшую сделку. Я пользуюсь книгами, которые она приносит, а она – моими свечками.

Марию все больше и больше нравился человек, ведущий такую простую и счастливую жизнь. Окруженный домочадцами, детьми и женой, он не упускал возможности развиваться сам и поощрять детей в их стремлении к индивидуальности. Он не ошибался, предоставляя

своим отпрыскам такую большую свободу. И Гай Марий был уверен, что молодой Цезарь не подберет себе жену на помойке Субуры.

Гай Марий откашлялся:

– Благодарю за столь чудесный вечер, Гай Юлий. Кажется, настала минута, когда ты готов раскрыть свою тайну. Пора объяснить, ради чего мы оставались трезвыми, не правда ли?

– Если ты не возражаешь, я отошлю слуг. Вино мы сможем налить себе и сами. Самое время немного расслабиться, чтобы не возникло чувство неловкости.

Щепетильность Цезаря удивила Гая Мария, привыкшего к тому, что римлян не смущают взгляды рабов. Господа обычно неплохо относились к своим людям, но при этом считали, что раб – нечто неодушевленное, вещь, предмет обстановки. А посему любой приватный разговор могли вести при рабах, не обращая внимания на их присутствие. В Риме так было заведено; Марий же с этим смириться не мог. Его отец, как и Цезарь, твердо придерживался мнения, что при слугах откровенных бесед быть не должно.

– Они слишком много болтают, – сказал Цезарь, когда они остались одни за плотно закрытыми дверями, – а соседи у меня чрезвычайно любопытны. Рим, конечно, город большой, но тотчас превращается в большую деревню, когда что-нибудь доходит до ушей сплетников с Палатина. Марция рассказывала мне, что некоторые из наших знакомых приплачивают слугам за молчание. Да и вообще... Слуги тоже люди со своими чувствами и мыслями. Не следует искушать их.

– Тебе, Гай Юлий, следовало бы стать консулом, а затем тебя непременно избрали бы цензором.

– Согласен, Гай Марий. Я этого достоин. Но у меня нет денег, чтобы получить место в высшем магистрате.

– Зато у меня есть. Это ведь то, зачем ты меня пригласил? Ради этого я оставался трезвым?

Цезарь посмотрел на него недоуменно:

– Дорогой мой Гай Марий, что ты! Мне уже под шестьдесят, и о карьере я более не помышляю. Нет! Я думаю теперь лишь о своих сыновьях. И об их сыновьях, когда те появятся на свет.

Марий выпрямился, посмотрел в лицо хозяину и плеснул в свой опустевший кубок неразбавленного вина. Выпил одним глотком.

– И ради этого сообщения я должен был весь вечер воздерживаться? Да и это ли вино мы с тобой пили?

Цезарь улыбнулся:

– Конечно нет! Я не слишком богат... Вино, которое мы разбавляли, не высшей марки. Это же я берегу для особых случаев.

– Тогда я в недоумении. – Марий взглянул на Цезаря насупленно, из-под нависших бровей. – Чего же ты, в конце концов, домогаешься, Гай Юлий?

– Помощи. Ты помогаешь мне, а я – тебе.

Цезарь налил превосходного вина и себе.

– И как ты можешь мне помочь?

– Очень просто. Я сделаю тебя членом моей семьи.

– Что?

– Да. Я предлагаю тебе в жены ту из моих дочерей, какую ты предпочтешь.

– В жены?

– Разумеется. Ты женишься.

– Вот это мысль! – Теперь Гай Марий явственно видел перспективы, что крылись за этим предложением. Сделав большой глоток фалернского, он замолчал.

– Любой воздаст тебе должное, если твоей женой станет женщина из рода Юлиев. Это просто счастье, что у тебя нет детей. Значит, ты можешь позволить себе жениться на молодой женщине, которая родит тебе сына. Это будет выглядеть вполне естественно. Никто не станет удивляться или злословить. Если твоей женой станет к тому же женщина из рода Юлиев, твой сын сможет называть себя одним из потомков нашего рода. В жилах твоих внуков потечет кровь благородных предков. А это возвысит и тебя, Гай Марий. И всем окружающим придется воспринимать твои требования и желания совсем не так, как сейчас. Вокруг твоего имени возникнет ореол достоинства – того, что мы называем *dignitas*, причем высшей пробы. А это вряд ли окажется лишним в твоей карьере. У нас нет денег. Но у нас есть *dignitas*. Род свой мы ведем от самой Венеры, от ее внука Юла, сына Энея. Отблески величия нашего рода лягут на твои доспехи. – Цезарь поставил чашу, вздохнул и улыбнулся. – Уверю тебя, Гай Марий, я говорю истинную правду. К несчастью, я не самый старший сын в нашей семье, но по восковым изображениям на наших алтарях мы можем проследить историю нашей семьи. Другое имя матери Ромула и Рема, Реи Сильвии, – Юлия. От ее союза с Марсом родились близнецы, положившие начало Риму. Мы были царями Альба-Лонги, самого великого города латинян, – его основал наш предок Юл. Когда же Рим разрушил нашу столицу, мы перебрались в новый город и поднялись на самый верх римской иерархии, чтобы упрочить ее славу. Несмотря на то что Альба-Лонга так и не была восстановлена, до сих пор жрец Альбанской горы избирается из числа Юлиев.

Он говорил, говорил и все не мог остановиться. Гай Марий глубоко вдохнул от восхищения, но не произнес ни слова.

– Обстоятельства складывались все менее благополучно для нас. Что поделаешь? Теперь вот у меня нет средств, чтобы войти в один из высших магистратов. Но мое имя по-прежнему много значит у избирателей. Меня поддержали бы многие – и центурии, в которых голосуют при избрании консулов, и все нобили.

Перед Гаем Марием открывались такие перспективы, что он не в силах был оторвать взгляд от лица Цезаря. Они ведут свое происхождение от самой Венеры! И каждый из них необыкновенно красив! Светлые волосы, белая кожа – вот что всегда в цене. Дети любой Юлии, вероятно, тоже будут обладать этими достоинствами. И истинно римским носом! Какая же разница между светловолосыми Юлиями Цезарями из Альба-Лонги и светловолосыми Помпеями из Пицена! Юлии Цезари – истинные римляне, тогда как в Помпеях угадываются кельты.

– Ты хочешь стать консулом, – продолжал Цезарь. – Об этом все знают. Подвиги в Дальней Испании обеспечили тебя множеством клиентов. Однако молва, к сожалению, гласит и об ином. О том, что ты и сам клиент и, следовательно, твои клиенты – это всего лишь клиенты твоего патрона.

Гость оскалился, показав два ряда крупных белых зубов.

– Клевета! – сердито воскликнул он. – Я не являюсь ничьим клиентом!

– Я-то тебе верю. Но ведь другие верят слухам. Люди не принимают, конечно, притязаний Геренниев, поскольку те еще менее латиняне, нежели Марии из Арпина. Но о своем патронаже над тобой заявляют и Цецилии Метеллы. И им-то верят. По одной лишь причине: твоя мать – из рода Фульциниев, а они этруски. Марии владеют землями в Этрурии, которая сама традиционно – владение Цецилиев Метеллов.

– Марии – или, если уж на то пошло, Фульцинии – никогда не были клиентами Метеллов! – воскликнул, все более раздражаясь, Гай Марий. – Метеллы коварно подтасовывают факты, прикрывая враньем клевету.

– Без сомнения. Ведь они терпеть тебя не могут, вот и делают все, что в их силах. Люди думают, что ты, Гай Марий, насолил Метеллам в бытность свою народным трибуном исключительно в силу глубоко личных причин.

– Да уж, тут действительно замешан личный мотив! – вдруг горько рассмеялся Марий.

– Расскажи!

– Однажды в Нуманции мы выставили на посмешище младшего брата Метелла Далматика – того, кто собирается в следующем году стать консулом. Заставили его вывалиться в грязи... в свинарнике. Нас было трое. Ни один из троих не снискал впоследствии успеха в Риме.

– Кто же те двое других?

– Публий Рутилий Руф и царь Нумидии Югурта.

– А! Загадка разгадана. – Цезарь стиснул сплетенные пальцы и поджал губы. – Однако то, что тебя считают неблагодарным клиентом – а это не делает чести никому, – ложится пятном на твоё имя, на имя твоего рода, Гай Марий. Слишком непросто тебе доказать свою правоту...

– И что же можешь ты предложить, Гай Юлий, чтобы остановить эти нелепые слухи?

– Жениться на одной из моих дочерей. Если ты станешь мужем моей дочери, это яснее ясного покажет, что я ни во что не ставлю досужие толки. А если ещё рассказать историю о свинарнике в Испании! К тому же Публий Рутилий Руф подтвердит сказанное тобой. Тогда каждый точно поймет, почему так враждебны к тебе Метеллы. – Цезарь улыбнулся. – Это было, наверное, очень смешно, когда представитель чванливой семейки вдруг оказался низведен до положения свиньи – весь в грязи, да ещё не римской!

– Да, ты прав, мы смеялись тогда до изнеможения. Есть ли ещё что-нибудь?

– Ты должен сам знать это, Гай Марий.

– Клянусь, я даже не подозреваю, о чем может идти речь!

– Считается, что ты торгуешь.

Марий застыл, ошеломленный.

– Но... но разве я торгую как-то иначе, чем хорошие три четверти сенаторов? У меня ни с одной компанией нет отношений, которые заставляли бы меня пропихивать в сенате решения к их вящей выгоде. Я всего лишь вкладываю деньги! И кто-то смеет называть меня торгашом?

– Конечно нет, дорогой Гай Марий! Никто так не думает. Намеков – масса, хотя никто не говорит ничего конкретного. Но и намеки способны навредить. Те, кто тебя не знает, постепенно приходят к выводу, что твоя семья торгует уже много поколений, что ты сам возглавляешь торговые компании, устанавливаешь цены... наживаешься на поставках зерна.

– Понятно. – Губы Мария сложились в жесткую складку, глаза сузились.

– Лучше, чтобы ты знал об этом.

– Я не делаю ничего такого, что не делали бы Цецилии Метеллы, – повторил Гай Марий. – Даже меньше влезая в дела торговцев, чем они!

– Согласен. Но хочу дать тебе несколько советов, Гай Марий. Гораздо выгоднее для тебя избегать любых сделок, которые не связаны с землей или недвижимостью. Твои шахты в Испании не вызовут кривотолков, это хорошее, солидное дело. Но «новому человеку» лучше держаться в стороне от торговых компаний. Только земля и недвижимость. Это не возмутит сенаторов.

– Значит, ты полагаешь, что причастность к торговле, даже косвенная, тоже закрывает мне дорогу в общество римской знати?

– Несомненно!

Марий повел плечами, однако обижаться на столь явную несправедливость – пустая трата драгоценного времени. Он снова задумался над тем, что сулит ему новый брак.

– И ты на самом деле считаешь, что женитьба на одной из твоих дочерей поправит мою репутацию в глазах римлян?

– Несомненно.

– Юлия... Но почему мне не выбрать себе жену из рода Сульпициев, или Клавдиев, или Эмилиев, или Корнелиев? Любая девушка из любой старой патрицианской семьи может дать мне то же самое – и даже больше! Я имею в виду древнее имя, связи для успешного продвижения...

Улыбаясь, Цезарь покачал головой:

– Ты меня провоцируешь, Гай Марий. Лучше не стоит... Конечно, ты можешь взять себе жену из любого древнего рода. Однако каждый при этом будет уверен, что ты просто купил девушку. Цезари же никогда не продавали своих дочерей. Одно только известие о том, что тебе разрешено жениться на одной из Юлий, даст понять решительно всем, что ты достоин любой чести. Все пятна с твоего имени исчезнут. И заметь: я посоветую моим сыновьям выдать своих будущих дочерей, моих будущих внучек, за богатых ничтожеств – так быстро, как только они смогут это сделать.

Марий налил себе еще и вопросительно посмотрел на Цезаря:

– Гай Юлий, но с чего ты решил дать мне этот шанс?

– По двум причинам. Первая, вероятно, покажется тебе не слишком сентиментальной. Я хочу изменить бедственное положение, в которое попала моя семья из-за отсутствия денег. Но торговать дочерьми я все-таки не хочу. Помнишь, я заметил тебя вчера во время жертвоприношения?... Это был знак свыше. Я не из тех, кто верит в предзнаменования, однако тут меня действительно будто осенило. Я почувствовал, что ты – тот, кто спасет Рим, если только дать тебе эту возможность! Если не ты – Рим погибнет. Наверное, каждый римлянин все-таки склонен к суевию, а древние фамилии – особенно. Это относится и ко мне. Я много думал после того дня. Разве не выполню я свой долг по отношению к предкам, подумалось мне, если дам Риму человека, в котором Рим столь нуждается?

– Я ощущал в себе нечто подобное, – внезапно глухо проговорил Марий. – Когда отправлялся в Нуманцию.

– И ты тоже! Значит, нас уже двое.

– А вторая причина?

Цезарь вздохнул:

– Я уже достиг того возраста, когда никуда не деться от сознания, что я никогда не смогу дать своим детям того, что должен был дать отец. Я слишком стар! Они были окружены любовью и заботой, ни в чем не нуждались, хотя и излишеств не ведали. Они получили достойное образование. Однако все, что я имею, – это дом и примерно пятьсот югеров земли на Альбанских холмах. – Цезарь сел, скрестив ноги, и наклонился вперед. – А детей у меня четверо, хотя даже два ребенка – уже слишком много. Два сына и две дочери. Того, что у меня есть, недостаточно, чтобы обеспечить карьеру моим сыновьям. Они не смогут даже стать рядовыми членами сената, как я. Если я разделю имущество между сыновьями, то ни один из них не наберет сенаторского ценза. Если оставлю все Сексту – тот еще сможет чего-нибудь добиться, однако мой младший, Гай, не удержится даже в звании всадника. Превратится во второго Луция Корнелия Суллу... Ты знаешь Суллу?

– Нет.

– Его мачеха живет по соседству с нами. Женщина низкого происхождения, лишенная чувства меры и такта, но богатая баснословно. Кажется, у нее есть какой-то наследник... племянник или племянница. Как-то раз она вынудила меня разговаривать с ней, и с тех пор время от времени приходится выслушивать ее болтовню. Луций Корнелий Сулла – ее пасынок – живет с ней, поскольку, по ее словам, ему просто некуда податься. Представь себе только – патриций Корнелий! Род настолько древний и знатный, что Сулла хоть сейчас может войти в сенат, – и тем не менее у него нет никакой надежды занять подобающее ему место. Он нищий! Эта ветвь рода увяла уже давно. Его отец в любом случае ничего не мог бы сделать для сына. Да еще пристрастился к вину и пропил остатки бывшего могущества. Он женился на соседке – той самой, что содержит Суллу после смерти его отца. Она-то пальцем не шевельнула, чтобы помочь. Ты, Гай Марий, куда счастливее Суллы: твоей семье хватило достатка, чтобы обеспечить тебе место в сенате, когда подвернулась возможность. Пусть Марии и не родовиты, пусть ты называешься «новым человеком» – сенат уважает тех, кто располагает состоянием. Сулла

же, имея безупречное происхождение, исключен из списков. Боюсь, как бы такая же судьба не постигла моего младшего сына и его потомков.

– Рождение и происхождение – дело случая. Почему же от них должна зависеть судьба? – Тема волновала Мария, затрагивала сокровенные его мысли.

– А почему деньгам дана такая власть над людьми? – ответил Цезарь в тон. – Сам посуди, Гай Марий: какую страну ни возьми, везде властвуют деньги и знатность. В Риме еще осталась свобода для личных дарований – сравни хотя бы с Парфянским царством! Да Рим почти идеал государства, о котором писал Платон. Нередки случаи, когда рожденные в ничтожестве в Риме достигали высших должностей. Впрочем, я не в восторге от тех, кто проделал такой путь: схватка с судьбой, как правило, надламывает человека, опустошает его.

– В таком случае, может быть, не стоит и горевать об участи Суллы?

– Нет, что ты! Допустим, судьба обошлась с тобой жестоко, несправедливо, но ведь ты из новых. Я слишком предан своему классу, чтобы не сожалеть о Сулле от всего сердца! – Цезарь остановился, вспомнив наконец о своем деле. – Вернемся лучше к судьбе моих детей. Мои дочери, Гай Марий, не имеют приданого – и, как следствие, женихов. Им я не могу уделить ничего, поскольку таким образом доля сыновей окажется урезанной еще больше. Следовательно, они никогда не смогут выйти замуж за людей своего круга. Не принимай эти слова на свой счет, Гай Марий. Я не тебя имею в виду. Хочу лишь сказать, что они будут вынуждены выйти замуж за тех, кто мне не по душе, за истинных ничтожеств. Не то что ты. Я не выдал бы их замуж даже за людей своего звания, которые показались бы мне недостойными, поверь! Нет, я предпочел бы прямых, открытых, честных, умных. Да вот только не знаю, где таких найти. Те, кто хотел бы заполучить моих дочерей, настолько мне неприятны, что я скорее покажу им на дверь, чем начну переговоры о браке. Похоже на судьбу богатой вдовы, не так ли? Приличный человек и не посмотрит в ее сторону, опасаясь козней соперников-проходимцев, поэтому вокруг нее и увиваются одни проходимцы. – Цезарь присел на край ложа. – Не будешь возражать, Гай Марий, если мы перейдем в сад и немного прогуляемся? Уже прохладно, но я могу дать тебе теплый плащ. Неплохо бы немного размяться.

Марий без слов поднялся и, взяв сандалии Цезаря, помог ему обуться. Затем обулся сам и встал, поддерживая собеседника под локоть.

– Что мне в тебе нравится, Гай Марий, так это всякое отсутствие высокомерия.

Перистиль дома Цезаря был невелик, но с очаровательным садом с вечнозелеными растениями. Не много нашлось бы в городе таких тихих, спокойных, чарующих изяществом местечек. Даже в это время года пышно росли и источали приятный запах ароматные травы. Гай Марий с теплотой подумал: «А ведь в душе Юлии продолжают оставаться селянами...» По краям карнизов, по скатам крыш, куда чаще всего доставало солнце, но не проникала влага, были повешены сотни пучков сухой блошницы, как в отцовском доме в Арпине. К концу января они будут убраны в сундуки с одеждой и размещены в каждом уголке дома, чтобы отпугивать блох, чешуйниц и других насекомых. Как подозревал Гай Марий, вряд ли хоть кто-нибудь в Риме знал, что блошница отпугивает насекомых.

К приходу гостя зажгли лампы в колоннаде, опоясывавшей перистиль. Маленькие бронзовые светильники, стоявшие вдоль дорожек сада, расточали нежный аромат сквозь тонкие мраморные пластины, защищавшие от непогоды подрагивавший огонек. Дождь уже прекратился, однако кусты и трава были унижены тяжелыми каплями, воздух напоен сыростью и холодом.

Но ни Цезарь, ни Марий ничего этого не замечали. Склонив головы друг к другу (оба были высокими, а потому так им удобнее было беседовать), они прошли по саду и остановились у маленького бассейна с фонтаном в центре: четыре каменные дриады держат высоко поднятые факелы. Но сейчас стояла зима, а потому бассейн был пуст и фонтан выключен.

«Сама естественность, – подумал Марий (его-то бассейн круглый год был наполнен водой благодаря системе внутреннего подогрева). – Все мои тритоны и дельфины не стоят этого бесхитростного уголка».

– Ну как, заинтересован ли ты женитьбой на одной из моих дочерей? – спросил слегка напряженно Цезарь.

– Да, Гай Юлий.

– Тебя очень опечалит развод?

– Ничуть. Чего же ты хочешь за свой дар?

– Цена моя велика... Ты войдешь в нашу семью не просто как муж моей дочери – скорее как второй отец. Возраст обязывает. Надеюсь, ты дашь приданое второй моей дочери и обеспечишь благосостояние сыновей. Незамужней дочери и младшему сыну понадобятся деньги и земли. Тебе придется употребить свое влияние, чтобы мои сыновья, войдя в сенат, смогли добраться до консульских кресел. Я хочу, чтобы консулами стали оба. Секст на год старше моего племянника, поэтому он первым достигнет возраста, необходимого для консульского поста. Я хотел бы, чтобы он занял курульное кресло в сорок два года – через двенадцать лет после вступления в сенат. Он станет первым консулом из рода Юлиев за последние четыреста лет. Я хочу этого! Иначе первым может стать мой племянник Луций. – Цезарь вдруг умолк, глядя на плохо освещенное лицо Мария. Сделав успокаивающий жест, заговорил более спокойным тоном: – Между мной и братом никогда не было неприязни, нет ее у меня и к его сыновьям. Но консулом следует становиться, как только приходит твое время.

– Твой брат когда-то отдал своего сына на усыновление, да?

– Да. Много лет назад. Его имя тоже Секст – это наше родовое имя.

– Конечно! Квинт Лутаций Катул! Как я мог забыть, что он часто употребляет имя Цезаря как часть своего... Он-то и будет первым из Цезарей, кто достигнет консульского поста, ведь он намного старше остальных.

– Нет! – Цезарь тряхнул головой. – Он больше не принадлежит к роду Цезарей. Он всего лишь Лутаций Катул.

– Сдается мне, старый Катул хорошо заплатил за приемного сына. Семья твоего брата недурно поправила свои дела.

– Да, плата была большой... Не меньше, чем заплатишь ты за новую жену... Так кого же ты все-таки решил взять, Гай Марий?

– Юлию. Я возьму Юлию.

– Не младшую? – В голосе Цезаря зазвучали нотки удивления. – Конечно, я очень рад... Поскольку я не мог бы позволить ни одной из дочерей вступить в брак раньше восемнадцати, а Юлилле еще и семнадцати нет. Думаю, ты принял верное решение. Хотя... мне всегда казалось, что Юлилла более привлекательна, чем Юлия.

– Ты ее отец, ты смотришь совсем другими глазами. Нет, Гай Юлий, твоя младшая дочь не затронула моего сердца. Ей лучше бы по уши втрескаться в того, кто станет ее мужем. Другим она начнет вертеть по своему усмотрению, заставит плясать под свою дудку. А я слишком стар для капризной девочки. Юлия, сдается мне, столь же разумна, сколь и хороша собой. В Юлии мне все по душе.

– Она будет превосходной супругой консула.

– А ты и вправду считаешь, что я могу стать консулом?

– Конечно, – кивнул Цезарь. – Не сразу, разумеется. Сначала ты женишься на Юлии. Со временем все привыкнут к твоему новому статусу, поуспокоятся, пересуды смолкнут. Попробуй найти для себя какое-нибудь ратное дело. Военные успехи пойдут тебе на пользу. Поступи к кому-нибудь высшим легатом. А потом начни пробиваться в консулы.

– Но тогда мне будет уже пятьдесят. Избиратели не склонны отдавать голоса за старых развалин.

– Ты уже и так немолод. Еще два-три года дела не испортят. Напротив – они могут сослужить тебе хорошую службу, если ты сумеешь воспользоваться возможностями. Кроме того, ты выглядишь куда моложе своих лет, Гай Марий, а это немаловажно. Ты воплощение здоровья и силы. Человек такого роста и сложения всегда производит сильное впечатление на выборщиков. То, что ты из «новых людей», вообще не играло бы роли, не навлеки ты на себя гнев Цецилиев Метеллов. Ты мог бы стать консулом уже три года назад, в свой срок. А вот неприметному и худосочному человечку, слабосильному уродцу не поможет и имя Юлиев... Так что консулом ты будешь, не сомневайся.

– Чего ты хочешь для своих сыновей?

– В смысле – какую собственность?

– Да.

Марий, забыв о тонкости хиосского шелка, неосмотрительно опустился на скамью из белого неполированного мрамора. Скамья была влажной, и, когда Марий поднялся, на ней осталось неровное бледно-пурпурное пятно. Краска сошла с материи и впиталась в пористый камень. Одно-два поколения спустя эта скамья стала одним из наиболее любимых и ценных предметов обстановки для другого Гая Юлия Цезаря – потомка нынешнего. Для того же Цезаря, который предлагал сейчас Гаю Марию сделку, эта скамья сделалась символом чуда и надежды. Когда один из рабов рассказал ему утром о появлении странного пятна и Цезарь лично осмотрел его (раб был исполнен скорее благоговения, нежели страха, – каждый знал, что означает царственный пурпур), он удовлетворенно вздохнул: это пятно как бы подтвердило, что через выгодный брак семья достигнет высот власти. Его охватило радостное предчувствие. Да, Гай Марий сыграет в истории Рима такую роль, о которой сам Рим еще и не догадывается. Цезарь приказал перенести скамью из сада в атрий, но никогда и никому не проговорился, как именно это пурпурное пятно на ней появилось.

– Для Гая я хотел бы получить хорошие земельные угодья, чтобы они обеспечили ему место в сенате. Для этого потребуется приблизительно шестьсот югеров земли, готовой для продажи, – дополнительно к моим пятистам в Альбанских холмах.

– Цена?

– Чудовищна. Зависит от качества земель и близости к Риму. В Риме – ужасная дороговизна, спрос превышает предложение... Четыре миллиона сестерциев... миллион денариев, – отважился произнести Цезарь.

– Согласен. – Марий оставался спокоен, как будто речь шла всего лишь о тысячах. – Надеюсь, сделка останется между нами?

– Естественно! – поспешно согласился Цезарь.

– Деньги принесу завтра. Лично. Что еще?

– Думаю, когда мой Секст войдет в сенат, ты будешь уже консуляром. У тебя будет достаточно политического влияния – благодаря женитьбе на Юлии. Надеюсь, ты сможешь моим сыновьям продвигаться по пути чести. Если же ты согласишься в ближайшие два-три года стать легатом, то возьми с собой моих сыновей. Они не неопытные юнцы, они уже стали младшими офицерами, но им необходимо пройти через настоящие воинские испытания, чтобы закрепить начало карьеры. Никто не сможет обучить их лучше тебя.

Марий не считал, что оба молодых человека смогут когда-либо вырасти в крупных военачальников, однако это не значит, что они не смогут стать неплохими офицерами. Поэтому Марий заверил Цезаря, что готов с этим помочь.

Гай Юлий продолжил:

– Что касается их политической карьеры, то здесь имеется одно маленькое неудобство: они патриции. Поэтому, как тебе известно, они не имеют права претендовать на пост плебейского трибуна, хотя это был бы наиболее простой и эффективный способ начать политическую карьеру. Им остается одно: стать курульными эдлами. Это требует больших расходов. Я хотел

бы верить, что ты сможешь и Сексту, и Гаю занять эти места. Игры и зрелища, которые проложат им путь к этим креслам, должны быть так пышны и роскошны, что люди вспомнят о них и тогда, когда мои сыновья будут баллотироваться в преторы. И если придется подкупать голоса, ты не станешь скупиться.

– Согласен. – И Гай Марий с готовностью протянул руку для пожатия, скрепляющего сделку, которая обойдется ему по меньшей мере в десять миллионов сестерциев.

Гай Юлий Цезарь горячо потряс его руку. Он был доволен.

Они наконец вернулись в дом, где Цезарь отправил сонного слугу за старым солдатским плащом гостя.

– Когда я смогу увидеть Юлию и поговорить с ней? – спросил Марий.

– Завтра в полдень, – ответил Цезарь, сам открывая входную дверь. – Спокойной ночи, Гай Марий.

– Спокойной ночи, Гай Юлий.

И Марий вышел на улицу, где сразу попал под бешеные порывы северного ветра. Однако он не ощущал ненастья. Ему было теплее, чем обычно. Неужели предчувствия вот-вот обратятся в реальность? Стать консулом! Вступить в священный круг римского нобилитета! Если это удастся, то единственное, чего еще можно желать, – это сына. Второго Гая Мария.

Обе Юлии собрались в маленькой гостиной, где обычно завтракали. Юлилла была необычайно оживлена и никак не могла усесться спокойно.

– В чем дело? – удивленно обратилась к ней сестра.

– Да как тебе сказать... Сегодня что-то носится в воздухе... К тому же я хочу встретиться с Клодиллой на цветочном рынке. Я обещала ей быть там! Однако мне кажется, что придется сегодня сидеть дома. Опять родители затеяли скучнейшую семейную говорильню.

– Много ты понимаешь! Кто из девушек может похвастаться тем, что им дают слово на семейном совете?

– Да ну, ерунда! Такая всегда скука на этих советах... Ни о чем интересном не говорят – все о службе, возможностях, учебе... Бросить бы эту школу! До смерти надоел Гомер и зануднейший Фукидид. Неужели это требуется девушке?

– Они делают тебя образованной и культурной. Разве тебе не хочется получить хорошего мужа?

– Почему-то мои представления о супружеских обязанностях имеют мало общего с Гомером и Фукидидом. Я хочу уйти сегодня утром... – И от нетерпения младшая Юлия заплясала на месте.

– Ты прекрасно знаешь: захочешь – уйдешь. А пока сядь и поешь.

В дверях показалась тень. Девушки оглянулись и замерли. Отец! Здесь!

– Юлия, я хочу поговорить с тобой.

Цезарь вошел, даже не взглянув на Юлиллу – свою любимицу.

– Папочка! А утренний поцелуйчик? – подбежала к нему проказница.

Он ласково взглянул на нее, чмокнул в щеку и улыбнулся:

– Если у тебя есть сегодня какие-нибудь дела, моя бабочка, – лети!

Ее лицо озарилось радостью.

– Спасибо, папочка. Можно мне пойти на цветочный рынок? А в портик Маргаритария?

– И сколько жемчужин ты собираешься купить сегодня? – с улыбкой поинтересовался

Гай Юлий.

– Тысячи! – воскликнула Юлилла, бросаясь к отцу на шею.

Цезарь дал ей серебряный денарий, который она тут же сжала в ладошке.

– На это, конечно, не купишь и самую маленькую из жемчужин, но зато вполне хватит на какой-нибудь шарфик.

– О, папочка! Спасибо, спасибо! – Юлилла поцеловала его в щеку и выбежала.

Цезарь повернулся и с нежностью посмотрел на старшую дочь:

– Садись, Юлия.

Она тут же опустилась на скамью, но отец молчал, пока не вошла Марция и не села на скамью рядом с дочерью.

– Что случилось, Гай Юлий? – с любопытством спросила она.

Цезарь вновь взглянул на Юлию:

– Милая моя, тебе понравился Гай Марий?

– Да, отец.

– Чем?

Несколько мгновений Юлия размышляла.

– Тем, что говорил просто, но откровенно. Тем, что ничего из себя не строил. Он такой, каким всегда мне представлялся.

– Да ну?

– Да. Ходили слухи, будто он не говорит по-гречески, что он неотесанный деревенщина, что его военные заслуги преувеличены по прихоти Сципиона Эмилиана. Мне всегда казалось, что люди слишком много об этом говорят – и ты знаешь, с каким упорством и злостью, – чтобы убедить самих себя в правдивости этой лжи. Увидев его, я поняла, что была совершенно права. Он не дурак и совсем не похож на деревенщину. Я не считаю его невеждой. Он умен и образован. Возможно, его греческий и не слишком хорош, но виной тут скверный акцент. Нет, по-гречески он говорит почти так же хорошо, как на латыни. Что еще? Брови слишком густы... но это пустяк. Наряд безвкусный... но здесь, думаю, виновата его супруга... – Юлия неожиданно умолкла, смутившись.

– Юлия! Он действительно тебе понравился! – В голосе Цезаря прозвучала откровенная радость.

– Да... пожалуй.

– Рад это слышать, поскольку ты выходишь за него замуж! – выпалил Цезарь, утратив свои знаменитые дипломатические таланты.

Юлия побледнела:

– Я?

Марция рядом с дочерью напряглась:

– Она?

– Да, – просто ответил отец, садясь.

– И когда же ты принял это решение? – Голос Марции зазвенел от гнева. – Когда это он встречался с нашей Юлией, чтобы просить ее руки?

– Он и не просил ее руки. Это я предложил ему Юлию в жены. Сам. Или Юлилле. На выбор. Поэтому и пригласил его на обед.

Марция устала на Гая Юлия Цезаря так, будто сомневалась, в своем ли уме ее муж.

– Ты предложил новому человеку, почти одного с тобой возраста, выбрать себе в жены одну из наших дочерей?

Марция уже не пыталась скрыть своего гнева, но Цезарь оставался невозмутим.

– Да.

– Почему?

– Ты ведь прекрасно знаешь, кто он.

– Знаю.

– Значит, тебе должно быть известно, что Гай Марий – самый богатый человек в Риме.

– Да.

– Смотрите, женщины, – серьезно сказал Цезарь, обнимая жену и дочь, – вы обе знаете, что нас ждет. Четверо детей – и очень мало средств, чтобы обеспечить их будущее. Наши

мальчики по праву рождения и по способностям могли бы подняться на вершину власти, наши девочки по праву рождения и красоте – выбрать себе лучших мужей в Риме. Но у нас нет для этого денег!

– Верно, – упавшим голосом подтвердила Марция.

Ее отец умер еще до того, как пришла пора выдавать ее замуж, и дети от первого брака обстряпали дело таким образом, что приданого Марции почти не досталось. Гай Юлий Цезарь женился на ней по любви, и ее семья была рада этому союзу. Брак по любви был вознагражден счастьем, спокойствием, прекрасными детьми. Однако Марция всегда чувствовала себя неловко из-за того, что Цезарь, женившись на ней, не получил никакой материальной поддержки.

– Гаю Марию нужна жена из старинного патрицианского рода. Он хотел быть избранным на пост консула еще три года назад, но не смог – из-за происков Цецилиев Метеллов. Он из «новых людей» – куда ему против Метеллов! А наша Юлия даст Марию силу, и Рим начнет считаться с ним. Наша Юлия повысит его авторитет. А Гай Марий, в свою очередь, поможет нам разрешить наши финансовые трудности.

– О Гай! – Глаза Марции наполнились слезами.

– Отец... – только и выговорила Юлия.

Увидев, что гнев жены иссяк, а в глазах дочери засветилась радость, Цезарь немного успокоился.

– Я заметил его на церемонии посвящения. Стал наблюдать за ним. Забавно, прежде я никогда не обращал на него особого внимания – ни когда он был претором, ни потом, когда он безуспешно пытался стать консулом. Но в этот первый день нового года будто шоры упали с моих глаз. Я понял: вот великий человек! Он нужен Риму, очень нужен. Когда мне пришла идея помочь себе, одновременно с тем помогая ему, – в точности не знаю. Однако в тот момент, когда мы вошли в храм и встали рядом, я уже знал, что мне делать. И пригласил его на обед.

– И рассказал ему о своем замысле?

– Да.

– И о наших трудностях?

– Да. Гай Марий, может, и не римлянин, но я считаю его человеком чести. Уверен, он выполнит обещание.

– А что же он обещал?

Практичность взяла свое, и Марция уже что-то подсчитывала в уме.

– Сегодня он принесет четыре миллиона сестерциев, чтобы я купил земли в Бовиллах – рядом с нашими. Тогда Гаю обеспечено место в сенате и не придется делить наследство. Оно целиком достанется Сексту. Марий поможет нашим мальчикам стать курульными эдилами и будет опекать их, пока они не достигнут консульских постов. Мы еще не обсуждали детали, но он обещал также дать приданое Юлии.

– А что он сделает для Юлии?

Цезарь посмотрел на жену непонимающе:

– Для Юлии? Что еще он может сделать, кроме как жениться на ней? Приданого у нее нет, но для него и так слишком большая удача – получить такую жену.

– Любая девушка должна иметь приданое, чтобы быть уверенной в том, что обладает некоторой экономической независимостью от мужа, особенно на случай развода. Иные глупые женщины отдают приданое мужу, а когда брак расторгается, то оказывается, что муж уже истратил их деньги... Я настаиваю на том, чтобы Гай Марий дал приданое и Юлии, чтобы она могла жить самостоятельно и не нуждаясь.

Тон Марции не допускал возражений.

– Но, Марция, я не могу просить его еще о чем-то!

– А придется! Удивляюсь, Гай Юлий, как ты сам не додумался до этого. – Теперь супруга смотрела укоризненно. – Вот уж не понимаю, откуда пошло заблуждение насчет того, что мужчины лучше ведут дела. Ведь мужчины ничего толком не могут! А ты, милый мой муж, самый простодушный из всех.

– Ты права, дорогая, – поник головой Цезарь. – Но я действительно не могу просить его еще и об этом!

Юлия посмотрела на мать, потом на отца и опять на мать. Не первый раз она видела их размолвки, особенно когда речь заходила о деньгах, но впервые главной темой их обсуждения стала она сама, и это ее смущало. Однако она набралась смелости и вмешалась в спор:

– Все это верно! Я сама попрошу Гая Мариа о приданом для меня. Я не боюсь. Он поймет.

– Юлия! Ты хочешь за него замуж?! – ахнула Марция.

– Да, мама, хочу. Я нахожу, что он великолепен!

– Девочка моя, но он на тридцать лет старше тебя! Ты станешь вдовой раньше, чем думаешь.

– Молодые люди все ужасно скучны, они напоминают мне моих братьев. Лучше уж выйти за человека вроде Гая Мариа. Я буду хорошо к нему относиться, он полюбит меня и никогда не пожалеет о расходах.

– Кто бы мог подумать! – покачал головой Цезарь.

– Чему ты удивляешься, папочка? Мне скоро восемнадцать! И могу тебе признаться: я очень боялась этого момента. Не самого замужества, конечно. Я очень беспокоилась о том, какой человек достанется мне в мужа. Когда вчера вечером я увидела Гая Мариа, я... я тут же подумала: хорошо бы ты нашел мне мужа, подобного ему. – Юлия покраснела. – Он не такой, как ты, папочка. Но он... похож на тебя. Мне кажется, он умен, ласков и честен.

Гай Юлий Цезарь посмотрел на жену:

– Разве не редкость – открыть, что тебе нравится твой собственный ребенок? Любить свое дитя – это естественно. Но испытывать к нему самую настоящую симпатию? Это еще большее счастье!

Две встречи с женщинами за один день – такого испытания Гай Марий опасался гораздо больше, нежели столкновения с неприятельской армией, десятикратно превышающей по численности его собственную. Первая встреча должна была состояться с предполагаемой невестой и ее матерью, вторая – с законной супругой.

Благоразумие и предусмотрительность заставили его искать встречи с Юлией до разговора с Гранией, чтобы знать, как вести себя во время последнего выяснения отношений с незадачливой женой. Поэтому уже к восьми часам утра он постучался в дом Гая Юлия Цезаря. Одетый в обычную тогу с пурпурной каймой, он явился с чеком на миллион серебряных денариев. Если бы ему пришлось доставить деньги наличными, потребовался бы внушительный эскорт в сто шестьдесят человек, поскольку миллион денариев весил около десяти тысяч фунтов – или сто шестьдесят талантов. Больше таланта одному носильщику не поднять.

В таблинни – кабинете Гая Юлия – Гай Марий протянул хозяину маленький, свернутый в трубочку пергамент:

– Я сделал все, как требовалось. – (Цезарь развернул свиток и пробежал глазами несколько строк.) – Я договорился с банкирами о переводе на твое имя двухсот талантов серебра. Мало кто сумеет докопаться, что деньги переведены лично мною. Банкиры умеют хранить тайны.

– Выглядит так, будто я получил взятку. Если бы я не считался слишком незначительным сенатором, кто-нибудь из банка мог бы сообщить об этом городскому претору.

– Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь получал столь крупный куш даже за поддержку будущего консула, – улыбнулся Гай Марий.

Цезарь взял Мария за руку:

– Боги, я просил тебя о земле! Скажи, я не разорил тебя?

– Вовсе нет. – Марий попытался освободить руку из судорожно сжатых пальцев Цезаря, но безуспешно. – Если земля стоит столько, сколько ты говорил, то останется еще сорок талантов на приданое для твоей младшей.

– Не знаю, как тебя благодарить. – Цезарь отпустил наконец руку Гая Мария. Он выглядел смущенным. – Я повторял себе, что не продаю свою дочь... не продаю! Но временами мне все-таки кажется, что... Поверь мне, Гай Марий: продать дочь я не смог бы. Я верю, что ее будущее и будущее ваших детей станут мне оправданием, а вам обоим – утешением. Надеюсь, ты сможешь оценить ее по достоинству. Она стоит того.

Голос Цезаря дрогнул. О какой еще сумме может идти теперь речь! Как ему осмелиться и намекнуть о приданом для самой Юлии? Цезарь встал из-за стола, сжимая в руке пергамент. Свиток он сунул в синус тоги, которая свободно ниспадала с правого плеча, образуя подобие кармана.

– Я не успокоюсь, пока не отнесу это в банк... – Он оборвал сам себя, а затем перевел разговор на другую тему. – Юлии исполнится восемнадцать в начале мая, однако я не хотел бы откладывать свадьбу до середины июня. Так что, если ты согласишься, свадебную церемонию можно будет организовать уже в апреле.

– Так и сделаем.

– Да, думаю, это лучше всего. – Цезарь продолжал разговор исключительно для того, чтобы заглушить тоску, которая начала расти в его душе. – Очень неудобно, когда день рождения девушки приходится как раз на то время года, когда выходить замуж считается дурной приметой. Хотя не понимаю, почему период с поздней весны до середины июня называют несчастливым... – Цезарь наконец немного пришел в себя. – Жди здесь, Гай Марий. Сейчас я пришлю к тебе Юлию.

Настал черед Гая Мария волноваться. Встав в углу уютной комнаты, он ждал. Лишь бы не оттолкнула, лишь бы не выказала отвращения! Ничто в поведении Цезаря не указывало на возможное сопротивление Юлии, однако Марий знал: есть вещи, о которых продавец никогда не проболтается покупателю. Он и сам удивлялся тому, что жаждет взаимности. Но как можно ждать взаимности от той, чьих кровей, красоты и юности он, конечно, не стоит? Сколько слез пролила она в подушки, узнав о предстоящем замужестве? Ведь она уже наверняка представляла себе молодого аристократа... Разве стареющий землевладелец из глубинки – подходящий муж для Юлии?

Дверь, ведущая из внутреннего дворика, широко распахнулась, солнце хлынуло в табличей, как фанфары труб, ослепляющие, ласковые и золотистые. Юлия стояла прямо в центре светящегося прямоугольника... и улыбалась.

– Гай Марий! – Радость вспыхнула в ее глазах.

– Юлия... – Он подошел, чтобы приветствовать ее, и протянул руку, но когда ее ладошка легла ему на ладонь, замер, будто не зная, что делать с ней – и что вообще делать дальше. – Твой отец уже рассказал тебе, Юлия?

– Да! – Улыбка не сходила с ее лица. Ни жеманства, ни притворного смущения.

– Ты не возражаешь? – поразился он.

– Я рада! – Чтобы уверить его окончательно, она слегка сжала его пальцы. – Гай Марий, Гай Марий, не смотри на меня так испуганно. Я действительно счастлива!

Он освободил левую руку из-под складок тоги и накрыл ее руки, любясь правильными овалами ногтей и нежным цветом ее пальцев.

– Но ведь я старик!

– В таком случае я полюбила старика, потому что ты мне очень нравишься.

– Я? Тебе?

Она сверкнула глазами:

– Конечно! Иначе я бы не согласилась. Мой отец не тиран. Все, на что ты мог рассчитывать, – это что я сама захочу выйти за тебя замуж. Отец не стал бы принуждать меня.

– А ты уверена, что сама себя не принуждаешь?

– В этом нет необходимости.

– Наверняка имеется какой-нибудь молодой человек, который тебе по душе...

– Ни одного! Молодые люди слишком похожи на моих братьев.

– Но... но... – Марий напряженно искал возражений, которые могли бы подействовать. –

Мои брови!

– Они великолепны!

Он вдруг покраснел, теряя остатки самообладания. В конце концов Марий понял, что Юлия, несмотря на свою выдержку, все еще ребенок – она не понимает его сомнений.

– Твой отец сказал, что мы можем пожениться в апреле, перед твоим днем рождения. Ты согласна?

– Не возражаю. Но мне бы хотелось перенести день нашей свадьбы на март, если вы оба согласитесь. На день празднеств в честь Анны Перенны.

Праздник, выпадающий на первое полнолуние марта, был связан с луной, со старым Новым годом. Сам день относился к числу счастливых, но следующий за ним сулил беды.

– Ты не боишься злых духов, которые будут править первым днем твоего замужества?

– Нет. Наша свадьба будет нести только добрые предзнаменования. – Взяв Марию под руку, Юлия лукаво взглянула на него. – Нас оставили ненадолго. Давай проясним еще один маленький вопрос, пока мать не пришла. Это вопрос о моем приданом... – Ее улыбка внезапно погасла, глаза стали серьезны. – Не думаю, что наши отношения сложатся несчастливо. Ничто не внушает мне сомнений в твоей порядочности. Такую же честность ты найдешь и во мне. Пока мы сможем уважать друг друга, мы будем счастливы. Однако моя мать – крепкий орешек во всем, что касается ее детей, а мой отец всегда так или иначе с ней соглашается. Мама считает, что мне следует иметь хоть какое-то приданое на случай развода. Мой отец и без того уже слишком ошеломлен твоей щедростью, а потому никогда не отважится побеспокоить тебя еще одной просьбой. Я решила поговорить с тобой сама до маминого прихода, чтобы она не наговорила лишнего. – Во взгляде Юлии не было ни алчности, ни мольбы. Лишь ожидание. – Можно ли отложить на мое имя некую сумму, чтобы успокоить маму? Не думаю, что нам когда-нибудь будет грозить развод. Но если мы все-таки разведемся, эти деньги станут моими.

Она оказалась прекрасным законником – истинная римлянка! Все фразы подобраны очень точно, кристально ясны и дипломатично мягки – насколько это возможно.

– Думаю, это вполне стодится! – улыбнулся он.

– Можешь быть уверен: пока мы женаты, я не потрачу ни сестерция. Ты убедишься в моей честности.

– Делай как хочешь, но сдерживать себя ни к чему. Я дам тебе сколько потребуется. Пользуйся на здоровье. Я буду только рад.

Юлия сдержала смехок:

– Тебе повезло, что ты выбрал меня, а не Юлиллу. – Она подняла лицо, глядя ему в глаза. – Ты не хочешь поцеловать меня, пока мама еще не пришла?

Рассуждения о приданом не так смутили его, как это предложение. Он почувствовал, насколько это важно – не разочаровать девушку, не сделать ничего такого, что оттолкнуло бы ее. А что он знал о поцелуях, об искусстве любви? Ему всегда было наплевать, что подумают случайные подруги о его поцелуях и ласках. Знать бы, чего может ожидать девушка от первой близости с мужчиной! Сжать ее гибкое тело в объятиях и поцеловать страстно, горячо, будто припадая пересохшими губами к прохладному источнику? Или же лучше лишь слегка

коснуться губ? Страсть или сдержанность выбрать, когда ставкой является будущее? Чего она ждет, загадочная Юлия? Чего хочет? Все, что он знает, – это то, что ей следует угодить.

Он приблизился и, не отпуская ее рук, слегка наклонил голову. Губы ее были плотно сжаты, прохладные, мягкие и нежные, как шелк. Взглянув на них, Гай Марий закрыл глаза и отдался на волю судьбы. Именно этого она и хотела, и ждала. Цезарь и Марция воспитывали дочерей без особых строгостей, но всегда под надежным присмотром, отчего они приобрели стремление к изяществу и утонченности, но оказались почти совершенно несведущими в некоторых вопросах.

Гай Марий, поцеловав невесту, готов был отпрянуть, но она тут же обняла его, прижавшись всем телом в ожидании новых ощущений. Юлия слегка приоткрыла губы. Марий обнял ее свободной рукой за талию, почти потеряв голову. Плотная тога мешала еще большей близости, а они оба уже хотели этого. И может быть, на счастье, именно в этот момент вошла Марция.

Вошла она бесшумно, но застала уже лишь объятия и его губы возле ее щеки.

Никто из них не смутился. Гай Марий и Юлия спокойно отошли друг от друга и посмотрели на Марцию. Та выглядела, как показалось Марию, рассерженной. Род Марции был не столь древним, как род Цезаря, – отсюда высокомерие. Гай Марий не ошибся, уловив на ее лице тень недовольства. Как же! Ее Юлию отдают неровне, провинциальному деревенщине, пусть даже очень богатому. Однако Марий был слишком счастлив и потому попытался смягчить недовольство будущей тещи, которая всего-то на пару лет была моложе его самого. Конечно, по-своему она права: Юлия заслуживает более достойной пары, чем он, с его происхождением, возрастом, репутацией. Однако он вовсе не собирается уступать кому-нибудь свое сокровище! Нет, скорее он постарается доказать ее матери, что Юлия сделала не худший выбор.

– Я спросила Гая Мария о приданом, мамочка... Мы все уладили, – проговорила Юлия спокойно.

Марция почувствовала неловкость:

– Прости, Гай Марий. Это затея моя, а не дочери или мужа.

– Понимаю, – склонил голову Марий.

– Ты оказался очень щедр. Благодарю тебя, Гай Марий.

– Что ты, Марция! Это вы оба были невероятно щедры. Юлия – настоящее сокровище.

Настроение, охватившее Гая Мария в доме Цезаря, не покидало его после того, как он покинул дом. День был в самом разгаре, и Гай Марий повернул направо у подножия лестницы, ведущей к храму Весты, обогнул небольшой круглый храм Весты и по узкому проходу между Регией и «Общественным домом», где располагался сенат, вышел на Священную дорогу, от которой вверх уходила улочка.

Марий быстро поднялся по ней, торопясь попасть в портик Маргаритария, пока торговцы не закрыли еще свои лавки. Большое здание с открытой колоннадой, обрамляющей центральный квадрат, было занято лучшими ювелирами Рима. После войны с Ганнибалом в Риме был издан закон, по которому женщинам запрещалось носить много драгоценностей, и в результате им пришлось украшать себя безделушками попроще.

Марий хотел купить для Юлии жемчужину. Он в точности знал, где можно выбрать достойный подарок – у Фабриция Маргариты. Прозвание это он носил не случайно. Дед его, Марк Фабриций, считался основателем торговли жемчугом. Он открыл лавку, полную перлов – речных и морских. Сначала жемчуг здесь был и мелок, и темноват. Но с течением времени Марк Фабриций наладил связи с Египтом и Арабской Набатеей, откуда стали доставлять жемчужины океанские. Однако сначала поставляли лишь мелкий жемчуг, да к тому же неправильной формы, но он был настоящего кремово-белого цвета, и добывали его в водах Аравийского залива, значительно ниже Эфиопии. Затем, когда его имя стало известным, Марк Фабриций открыл для себя еще один источник жемчуга – моря вокруг Индии и остров Тапробан. Тогда

же к имени удачливого торговца пристало прозвище Маргарита. Он сделался монополистом по продаже океанского жемчуга. Теперь, во дни консульства Марка Минуция Руфа и Спурия Постумия Альбина, внук первого Фабриция, тоже Марк Фабриций Маргарита, сумел поставить дело так, что богатый человек смело шел за жемчугом прямо к нему.

Конечно, нашлось в его лавке и то, что требовалось Гаю Марию. Но Марий отправился домой с пустыми руками, решив вставить эту идеальную круглую жемчужину, напоминающую свет луны, в тяжелое золотое ожерелье, отделанное более мелким жемчугом. Ювелиру потребуется несколько дней... Новизна этого желания – одарить женщину – захватила все его существо, и без того уже взбудораженное поцелуем и согласием Юлии. Гай Марий не слишком разбирался в женщинах, но прекрасно понимал: Юлия не из тех, кто готов раздаривать поцелуи направо и налево. Сама мысль о том, что ему отдает свое сердце такое чистое, юное, благородное существо, переполняла старого вояку благодарностью и желанием задарить ее в ответ самым дорогим и прекрасным, что только найдется в этом мире. В том, с какой охотой она приняла его, он видел знак будущего. Она бесценный перл, и поэтому следует подарить ей наилучший жемчуг, слезы тропической луны, упавшие в самый глубокий из океанов. Марий должен найти для нее индийский алмаз – большой, с земляной орех, и несокрушимый... и удивительные зеленые смарагды с голубыми искрами в глубине – такие привозят из Северной Скифии... и сверкающие, красные, как кровь, карбункулы...

Грания, конечно, была дома. А где же еще? Каждый день она терпеливо ждет, придет ли муж к обеду или к ужину. Но если муж не торопится, трапеза начинается в урочный час. Грания сама расправляется с дорогими и изысканными кушаньями, хотя в одиночку это бывало нелегко, и нередко приходилось потом посылать слуг за рвотным...

Кулинарные шедевры домашнего повара Гай Марий мог оценить довольно редко – он вообще нечасто обедал дома. Зато Грания воздавала им должное с восторгом, неведомым самому Эпикуру. Если же Марий оставался дома, то почти с отвращением взирал на всю эту роскошь. Как большинство военных, он предпочитал изрядный ломоть хлеба и гороховую похлебку с беконом. А мог и вовсе пропустить обед. Еда лишь питала тело, но удовольствия не приносила. И если после стольких лет их совместной жизни Грания так и не поняла привычек супруга, то это лишний раз говорило о той пропасти, что легла между ними.

То, что должно было сейчас произойти, волновало Мария, хотя он и не испытывал привязанности к своей жене. В их отношениях он всегда винил себя, поскольку знал, что она ждала от замужества мирной размеренной жизни, возни с детьми и разносолами. Ее удовлетворило бы прозябание в Арпине – с поездками в ПUTEОЛЫ да еще, возможно, на одну-две недели в Рим на праздники каждый сентябрь.

Но с самой первой ночи в супружеской постели Марием овладела такая скука, что он уже не смог заставить себя относиться к жене с симпатией. А ведь она не была уродиной, скорее наоборот. Круглое румяное личико казалось порой даже красивым, особенно широко раскрытые огромные глаза и маленькие пухлые губы. Ни груба, ни сварлива она не была. Постоянно старалась доставить ему удовольствие, услужить. Дело было совсем в другом: Грания не смогла бы угодить ему, даже если бы наполняла его кубок возбуждающими напитками или искусно танцевала похотливые танцы.

Особенно удручало Гая Мария то, что, несмотря на все попытки, Грания так и не смогла выяснить, почему муж избегает ее. Он и сам не знал, почему так происходит. Как же мог объяснить ей? Настоящая мука!

Первые пятнадцать лет она еще старалась сохранять фигуру, которая от природы была недурна: полная грудь, узкая талия, широкие бедра. Она сушила волосы на солнце, чтобы добавить в их темноту немного рыжины. Ее теплые карие глаза всегда были подведены сурьмой, следила она и за чистотой тела.

Этим зимним вечером слуга, сам того не зная, отворил дверь новому Гаю Марию – человеку, который наконец нашел ту женщину, которая ему нужна. Мысленно Гай Марий невольно сравнивал Гранию и Юлию. Разительный контраст! Грания – скучная, необразованная, слишком приземленная – могла быть подходящей женой для какого-нибудь землевладельца из глубинки. Юлия – аристократка, умная, красивая, мыслящая – являла собою идеальную супругу консула. Подыскивая Марию пару, родители думали, что сын пойдет по их стопам; выбор был сделан исходя из этих соображений. Однако Гай Марий оказался птицей высокого полета – и улетел из Арпина. Любитель приключений, честолюбивый, образованный, солдат до мозга костей, он быстро выдвинулся, пошел на повышение... А теперь может пойти и еще дальше – после союза с Цезарем. Юлия, только Юлия ему под стать. Он давно мечтал о такой.

– Грания! – позвал он, сбрасывая тогу на пол, выложенный цветной мозаикой, и топчя дорогую ткань, не в силах дожидаться, пока слуга выдернет ее из-под грязных сапог своего господина.

– Да, дорогой. – Грания тотчас прибежала на его зов из своих покоев.

Лицо еще не разгладилось после сна – на нем отпечатались складки подушки. Она уже давно перестала обращать внимание на свой внешний вид, скрашивая постоянное одиночество сладостями и засахаренными фигами.

– Пойдем в таблиний. – (Она быстро привела себя в порядок и поспешила за ним.) – Закрой дверь.

Марий уселся в свое любимое кресло у большого стола со столешницей из полированного малахита, обрамленного кованым золотом, предоставив ей место напротив, где обычно сидели его клиенты.

– Слушаю, дорогой.

В ее голосе не было страха. Марий не бывал к ней жесток – лишь равнодушен.

Он нахмурился, крутя в руках миниатюрные счеты из слоновой кости. Грания любила его руки, нежные и сильные, с длинными пальцами и широкими ладонями. Он так хорошо умел владеть ими... Склонив голову, она смотрела на Гаю Марию, странного человека, который вот уже почти двадцать пять лет был ее мужем. Он по-прежнему красив, решила она уже в который раз. Любит ли она его? Как знать... Через столько лет брака она наконец поняла, что он так и остался для нее загадкой. Гнев, ненависть, печаль, жалость к себе – слишком много чувств смешалось в ее душе, туманя рассудок. Уже забылось нечто мучившее когда-то. Ей уже сорок пять, менструации прекратились, она никогда не сможет родить... Если бы одна эмоция стала доминирующей, то это было бы обычное, удручающее, скучное разочарование. Последнее время она даже стала возносить молитвы Вейовису, богу подземного мира, сумерек и разочарования.

Марий приготовился говорить, его губы слегка приоткрылись, и стала видна их природная чувственная полнота. Обычно он делал усилие, придавая рту жесткую линию. Грания слегка наклонилась вперед.

– Я даю тебе развод, – сказал Гай Марий и достал пергаментный свиток, где записал сегодня утром свое решение.

– Я ничего не сделала, чтобы заслужить его, – тихо сказала она.

– Я не согласен.

– Почему? Что я сделала?

– Ты не была и не стала для меня подходящей женой.

– Тебе потребовалось двадцать пять лет, чтобы понять это?

– Нет. Я знал это с самого начала.

– Почему же тогда ты не развелся со мной?

– До сих пор это не имело значения.

Оскорбление за оскорблением, унижение за унижением! Пергамент задрожал в ее руках, она отбросила его и сжала кулаки:

– Что же, теперь все ясно! Тебе никогда не было до меня дела. Даже развестись со мной ты считал ниже своего достоинства... Что же изменилось?

– Я хочу жениться.

Она почти закричала:

– Ты?!

– Да, я. Я собираюсь взять в жены дочь сенатора из очень древнего патрицианского рода.

– Боги! Марий! Ты, презирающий всех этих зазнаек?..

– Да нет же! – Он тоже вышел из себя, подстегиваемый чувством вины. – Просто потом я смогу стать консулом.

Пламя негодования погасло в ее глазах, задутое холодным ветром логики. Что тут можно возразить? Разве можно проклясть за это? Жизнь есть жизнь... Он не раз обсуждал с Гранией свои планы, но ни разу не говорил с ней об изнанке политики. Она жаждала поддержать его, готова была ради него на все. Но что она могла, Грания из ПUTEОЛ? Если Марий был из семьи провинциального землевладельца, то она всего лишь дочь купца из Кампании, низкородившая из низкородивших – в глазах римской знати. До недавнего времени ее семья даже не имела римского гражданства.

– Понимаю, – произнесла она.

Он пощадил ее: ничего больше не сказал, ничем не выдал своего волнения, даже не намекнул ей о том, что в его спящем сердце зарождается любовь. Пусть думает, что этот брак вызван политической целесообразностью.

– Мне очень жаль, Грания, – тихо проговорил он.

– Мне тоже, мне тоже. – Она снова задрожала при мысли о том, что отныне станет разведенной.

Ее ждало новое одиночество, еще более невыносимое, чем то, к которому она привыкла. Жизнь без Гая Мария.

– Если тебя это утешит, то скажу, что брак был мне предложен. Я не искал его.

– Кто она?

– Старшая дочь Гая Юлия Цезаря.

– А, Юлия! Ты высоко метишь. Ты непременно станешь консулом!

– Я тоже так думаю. – Марий вертел свое любимое красное перо, разглядывая маленькую пурпурную бутылочку с промокательным песком и чернильницу из полированного аметиста. – Ты, конечно, заберешь свое приданое. Этого более чем достаточно для спокойной жизни. Ты никогда не трогала этих денег. Я смог поместить их в выгодное предприятие, и теперь сумма значительно возросла. – Гай Марий прокашлялся. – Мне кажется, тебе лучше жить поближе к семье. Переберись в дом брата: теперь, после смерти вашего отца, он глава семейства.

– А ты не дал мне даже возможности иметь детей! Как я хочу ребенка!

– Будь я проклят, но я рад, что так случилось. Наш сын стал бы моим наследником, и тогда женитьба не принесла бы желаемого результата. – Он чувствовал, что никогда не сможет сказать Грании всю правду. – Будь же благоразумна! Если бы у нас были дети, они были бы уже взрослыми и жили собственной жизнью. Тебе бы это не помогло.

– По крайней мере, меня радовали бы внуки. – Слезы текли из ее глаз. – Я не хочу оставаться совсем одна!

– Я не раз говорил тебе: заведи собачку. – Гай Марий и не думал ее обидеть, лишь давал совет. Немного поразмыслив, он добавил: – Кроме того, ты можешь снова выйти замуж.

– Никогда!

Он пожал плечами:

– Дело твое. Все необходимое ты получишь. Я куплю тебе небольшую виллу в Кумах. Кумы недалеко от Путеол, ты часто сможешь навещать своих родственников и забудешь об одиночестве.

Надежды не оставалось.

– Благодарю тебя, Гай Марий.

– Не благодари! – Он поднялся и обошел вокруг стола, чтобы помочь ей встать, поддерживая за локоть. – Скажи управляющему о предстоящих переменах... Подумай, кого из рабов ты возьмешь с собой. Завтра я пошлю кого-нибудь присмотреть приличную виллу в Кумах. Я куплю ее на свое имя, но никогда не стану вмешиваться в твои дела, пока ты жива или не вышла замуж... Хорошо, хорошо! Я знаю, что ты хочешь мне сказать: что ты никогда не выйдешь больше замуж. Однако любители легкой добычи наверняка слетятся к твоему дому как мухи на мед. Ты ведь богата. – Гай Марий довел Гранию до ее покоев и немного задержал в дверях. – Надеюсь, ты уедешь отсюда послезавтра, не позднее... Может прийти Юлия, чтобы осмотреть дом перед тем, как переехать сюда окончательно. Свадьба состоится недель через восемь, у меня слишком мало времени, чтобы успеть кое-что переделать в доме по ее вкусу. Мне надо торопиться. Но не могу же я пригласить ее, пока ты здесь.

Она подняла глаза, чтобы спросить его – хоть о чем-нибудь! о чем угодно! – но он уже повернулся к ней спиной и удалялся четкой поступью воина.

– К обеду не жди, – бросил он через плечо. – Мне необходимо встретиться с Публием Рутилием Руфом. Едва ли вернусь рано. Ложись без меня.

Что ж, вот это и произошло. Ее совсем не огорчало то, что она должна будет уехать из этого огромного дома. Она всегда ненавидела и дом этот, и весь этот беспорядочный город. Зачем было обосновываться на сыром и мрачном северном склоне Капитолия – всегда было для нее неразрешимой загадкой, хотя она и знала, что эта часть города считается наиболее престижной. Но ведь здесь почти не было соседей, которым можно было бы нанести визит! Вокруг жили в основном богатые купцы, которые не интересовались ничем, кроме своих сделок.

Грания кивком подозвала слугу, стоявшего у дверей в ее покои:

– Приведи ко мне управляющего.

Явился управляющий – величественный грек из Коринфа, которому удалось получить образование. Он продал себя в рабство в надежде скопить состояние и в конце концов получить римское гражданство.

– Строфант, хозяин разводится со мной, – произнесла госпожа спокойно, не испытывая при этом никакого стыда. – Я должна буду уйти отсюда послезавтра утром. Проследи, чтобы упаковали мои вещи.

Он поклонился, не подав виду, что крайне изумлен. Это был брак, который, как он полагал, разрушит только смерть. В доме царило мумифицированное безразличие. И никаких баталий, обычно предшествующих разводу.

– Кого ты намерена взять с собой, госпожа? – спросил он, уверенный, что останется в этом доме, ибо был собственностью Гая Мария, а не Грании.

– Повара, конечно. Всех слуг по кухне, ведь иначе мой бедный повар будет страдать. Моих служанок, мою белошвейку, парикмахера, моих банных рабынь, – перечисляла она, пытаясь разом упомянуть всех, от кого она зависела и кого любила.

– Конечно, госпожа. – И он сразу ушел, умирая от желания поскорее сообщить потрясающую новость слугам и в особенности повару. Этому самодовольному повелителю кастрюль и распорядителю сковородок ух как не понравится переезд из Рима в Путеолы!

Грания медленно вошла в свою гостиную, посмотрела на этот уютный беспорядок, на свои рисунки, на рабочую коробку, на обитый гвоздиками сундук, в котором хранилось детское приданое, собранное с такой надеждой, но так и не использованное.

Поскольку жена римлянина не покупала мебель, Гай Марий ничего ей не отдаст. Глаза ее заблестели, но слезы так и не потекли по щекам. Ведь у нее оставался только один день, ее последний день в Риме, а Кумы был не такой уж большой город, и магазинов там было совсем мало. Завтра она отправится за мебелью для нового дома! Как приятно будет выбирать и покупать все, что приглянется! Завтрашний день будет занят, думать и горевать некогда. Острая боль сразу куда-то исчезла. Предстоящую ночь она переживет. Теперь стоит поразмыслить над тем, что купить завтра.

– Беренис! – позвала она и, когда девушка появилась, приказала: – Обедать я буду сейчас. Скажи там, на кухне.

Среди беспорядка на своем рабочем столе она нашла лист, на котором составит список предстоящих покупок. Только сначала поест. Что-то еще он сказал... Ах да, маленькая собачка. Завтра она купит маленькую собачку. Это будет первым пунктом ее списка.

Радостное возбуждение длилось на протяжении всего обеда. А потом вдруг она сразу провалилась в безысходное горе. Схватила себя за волосы, изо всех сил стала дергать их, заплакала, заголосила, слезы хлынули ручьем. Слуги разбежались, оставив госпожу в одиночестве – выть, уткнувшись лицом в затканый золотом пурпурный гобелен, покрывающий ее обеденное ложе.

– Послушайте-ка ее! – горько промолвил повар, прерывая свою работу по упаковке кастрюль, горшков и прочей кухонной утвари. Рыдания хозяйки доносились даже до кухни. – Ей-то о чем плакать? Это я уезжаю в ссылку, а она в ссылке уже много лет, жирная, глупая, старая свинья!

Управлять провинцией Африка выпало Спурию Постумию Альбину. Весь новогодний день он не мог определиться, под чьи же знамена ему встать. В итоге выбрал царевича Массиву.

У Спурия Постумия Альбина был брат Авл. Он был моложе на десять лет и в десять раз энергичнее, поскольку в сенате являлся новичком и активно делал себе имя. Поскольку Спурий Альбин покровительствовал Массиве, своему новому клиенту, то Авл Альбин должен был показать Массиве все достопримечательности Рима, представляя его знатым римлянам, и советовать ему, кому и что необходимо послать в дар, чтобы быть принятым в домах. Как и большинство отпрысков царского дома Нумидии, Массива был хорошо сложен и весьма привлекателен; незаурядным умом, умением расположить к себе Массива многим пришелся по вкусу. Главным для него было не утвердить законность своих притязаний на трон, а скорее попытаться перетянуть римлян на свою сторону. Официальное мнение Рима складывалось и из противоборства соперников в сенате, и из тайных стоворов, и из личных мнений.

В конце первой недели года Авл Альбин формально представил Массиву сенату. Авл Альбин сказал свою первую речь, и речь его была хороша. Сам Цецилий Метелл слушал ее внимательно и в конце даже похлопал. А Марк Эмилий Скавр от лица Массивы поддержал прошение – во имя защиты справедливости покончить наконец с нумидийским вопросом, а заодно и с полукровкой-узурпатором, который взошел на трон, не брезгуя убийствами и взятками. Собрание разошлось, а сенат к тому времени неспешно утвердился в решении: царя-самозванца низложить, а на трон посадить этого очаровательного царевича.

– Мы попали в кипяток по самую шею, – сказал Бомилькар Югурте. – Меня целую неделю никуда не приглашают обедать. А наших агентов никто не слушает. Нам нужно выбираться отсюда.

– Когда сенат будет голосовать? – спросил Югурта спокойным и ровным голосом.

– За четырнадцать дней до февральских календ, то есть через неделю, царь.

Югурта ухватил Бомилькара за грудки:

– И они решились изгнать меня?

– Да, царь.

– В таком случае бессмысленно поступать, как поступают римляне! – Югурта на глазах вдруг увеличился в размерах. Величие его проступило во всей полноте. До того свои истинные чувства он умело скрывал. – С этой секунды я буду действовать так, как привык в Нумидии!

Дождь закончился, небо расчистилось, и над их головами засветило маленькое зимнее солнце. Как хотел бы Югурта подставить сейчас лицо под теплый ветер своей родины, погрузиться в нежный покой своего гарема! Он устал без выжженных солнцем нумидийских равнин. Пора возвращаться! Самое время вернуться, чтобы собрать и привести в боевую готовность армию. Римляне все равно не отстанут.

Он прошелся вдоль колоннады, опоясывающей огромный перистиль, затем увлек за собой Бомилькара к фонтану, звучно разбрасывающему струи:

– Ни одна живая душа не должна нас услышать. – (Бомилькар слушал с напряженным вниманием.) – Массива должен уйти из мира живых.

– Здесь? В Риме?

– Да. В ближайшие семь дней. Если Массива доживет до голосования в сенате, наша задача – сделать так, чтобы до этого не дошло. Со смертью Массивы не будет голосования. Это даст нам время. Но если доживет...

– Я сам убью его в таком случае, – заявил Бомилькар решительно.

– Нет! Нет! Убийца должен быть римлянином, – решительно возразил Югурта. – Твоя забота – отыскать такого убийцу.

– Но, мой царь, я не знаю и не понимаю этой страны, – признался Бомилькар. – Как я найду нужного человека? Здесь никому невозможно верить.

– Попроси своих агентов. Наверняка найдется хоть один, кому ты веришь.

Бомилькар задумался на мгновение, дернул себя за короткую бородку.

– Агеласт, – произнес он. – Марк Сервилий Агеласт. Человек, который никогда не улыбается. Его отец – римлянин, и сам он родился здесь, но в груди его бьется сердце матери-нумидийки. Он поможет нам.

– Иди и сделай, – произнес Югурта совершенно по-римски и ушел в глубину сада.

– Здесь? В Риме? – озадаченно переспросил Агеласт.

– И быстро. Не позднее чем через неделю. Как только сенат проголосует за Массиву, в Нумидии начнется гражданская война. Югурте не позволят уехать, ты же понимаешь. Даже если он захочет, гетулы не допустят этого...

– Что за странная идея – искать в Риме наемного убийцу?

– Тогда сделай это сам, – сказал Бомилькар.

– Я не смогу, – буркнул Агеласт.

– Да что ты говоришь! В таком большом городе обязательно найдется человек, способный убить за хорошее вознаграждение.

– Конечно это так. Например, половина здешних бедняков. Но я не вхож в их общество. Я не умею с ними общаться. Не могу же я подойти к первому попавшемуся оборванцу, позвенеть у него под носом золотом и попросить прирезать нумидийского царевича! – простонал Агеласт.

– Почему? – поинтересовался Бомилькар.

– Потому что ему куда проще выдать меня городскому претору, вот почему.

– А ты сразу не плати. Покажи золото для начала. Заплатишь потом, – посоветовал Бомилькар. – Здесь все имеет свою цену, все можно купить.

– Может быть, ты и прав, – задумчиво произнес Агеласт. – Что касается меня, то я не готов проверить твою теорию на практике.

И переубедить его оказалось невозможно.

Все говорили, что Субура – это настоящая клоака Рима, поэтому Бомилькар, одетый как можно менее приметно, направился в Субуру. Ни один раб его не сопровождал. Как всякого именитого гостя, его, конечно, предупредили, чтобы он никогда не ходил в долину северо-восточнее Римского форума. Теперь он понял почему. Не потому, что аллеи Субуры были уже аллеи Палатина, а здания здесь были такими же высокими, как на Виминале и верхнем Эсквилине.

Нет. Что с первого же взгляда отличало Субуру – это люди. Их было куда больше, чем когда-либо видел Бомилькар. Люди – повсюду. Они высовывались из тысячи окон, визгливо крича что-то друг другу. Они протискивались сквозь запрудившую тротуары толпу. Движение здесь было медленным, словно по улице ползла громадная змея. Эти люди вели себя грубо и агрессивно. Они плевали, мочились, освобождали кишечник, где только находили свободное место. Они были способны мгновенно затеять драку с любым, кто посмотрит на них косо.

Везде жуткая грязь, повсюду потрясающая вонь. Перемещаясь из цивилизованного Аргилета в Субурский коридор, как называлась центральная улица Субуры, Бомилькар был не в состоянии различить что-либо, кроме вони и грязи. Сквозь обшарпанные стены зданий нечистота просачивалась ручьями, как будто кирпичи и дерево, из которых были сложены здешние дома, лепились друг к другу грязью. Для чего было в прошлом году прилагать нечеловеческие усилия, спасая эти кварталы от огня? Бомилькар не переставал удивляться этому. Лучше бы здесь все выгорело дотла. Никто и ничто в Субуре не заслуживает спасения! Углубляясь все дальше, он внимательно следил, как бы не сбиться с Большой Субуры – так теперь называлось продолжение главной улицы. Если его занесет в какой-нибудь боковой проулок, он никогда уже не найдет отсюда выхода. Отвращение постепенно сменялось удивлением. Нумидиец увидел оживленных, довольных и непонятно почему веселых жителей.

Он услышал речь – смесь латинского, греческого и арамейского. Жаргон, которого, наверное, не понял бы никто, кроме здешних обитателей. Сколько Бомилькар ни ходил прежде по Риму, нигде он не слышал такого говора.

Повсюду имелись лавчонки и маленькие закусочные, распространяющие острый запах, где, вероятно, шла бойкая торговля. Наверное, у людей в Субуре водились деньги. Пекарни, мясная кулинария, харчевни, где можно глотнуть вина, забавные крохотные лавчонки, торгующие всем на свете (как показалось Бомилькару, когда он мельком заглянул в полумрак одной из них) – от кусков бечевы до кухонных горшков, ламп и сальных свечей. Однако выгоднее всего было торговать продуктами: по крайней мере две трети лавок предлагали съестное. Имелись тут и мастерские. Бомилькар слышал грохот прессов, жужжание шлифовальных колес, перестук ткацких станков. Все эти шумы исходили из узких дверных проемов или же из боковых аллей и безнадежно смешивались с гамом сдаваемых в аренду многоэтажных домов. Как можно было здесь выжить?

Даже маленькие площади на главных перекрестках были заполнены народом. Бомилькар поразился: как им удастся купаться в фонтанах, да еще и унести домой кувшины с водой? Цирта – город, которым нумидиец необычайно гордился, – по сравнению с Римом выглядела просто большой деревней. Даже многолюдной Александрии, подозревал он, далеко до людского муравейника Субуры.

Все происходило здесь внезапно – перед Бомилькаром развевались, как в театре, целые сценки. Вот мужчина стегает нагруженного осла, женщина лупит капризничавшего ребенка. Повсюду бурная – пожалуй, даже слишком бурная – жизнедеятельность. Но тусклые помещения таверн на перекрестках были оазисами относительного покоя. Крупный мужчина в расцвете сил, Бомилькар наконец решил – он зайдет в одну из них. Наверное, ничего более подходящего ему не найти. В конце концов, он пришел в Субуру отыскать римлянина-убийцу. Следовательно, требуется отыскать такое место, где он может завести разговор с кем-нибудь из местных.

С Большой Субуры он свернул на улицу Патрициев, ведущую на холм Виминал, и увидел таверну на углу открытого треугольного пространства. Там улица Патрициев переходила в Малую Субуру. Судя по размеру алтаря и фонтану, это был очень важный перекресток. Наклонив голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, нумидиец переступил порог таверны. Все лица – а их было не меньше пятидесяти – повернулись к нему и словно окаменели. Шум мгновенно стих.

– Прошу прощения, – произнес Бомилькар, стараясь казаться спокойным.

Он быстро искал глазами жоака. Ага! Вон там, в дальнем левом углу! Когда первый шок от появления темнокожего незнакомца прошел, именно в этот угол полетели вопрошающие взгляды. Судя по лицу, жоак был римлянином, не греком. Мужчина небольшого роста, лет тридцати пяти. Бомилькар обернулся, посмотрел прямо на него. Заговорил, сожалея о том, что приходится прибегать к греческому. С римлянином нумидиец предпочел бы общаться на латыни, но, к сожалению, говорил на этом языке недостаточно бегло.

– Прошу прощения, – повторил Бомилькар. – Кажется, я забрел на чужую территорию. Я искал таверну, где можно было бы посидеть, выпить вина. Пока шел – ужасно захотелось пить.

– Приятель, это частное заведение, – ответил жоак на ужасном, но более-менее понятном греческом.

– А нет ли здесь общественных таверн? – поинтересовался Бомилькар.

– Только не в Субуре, приятель. Это не твой круг. Возвращайся на Новую улицу.

– Я знаю Новую улицу, но я не знаю Рима. Думаю, невозможно по-настоящему узнать город, если не побываешь в самой населенной его части, – ответил Бомилькар, стараясь держаться середины между наивностью путешественника и невежеством иноземца.

Жоак осмотрел нумидийца сверху донизу, что-то внимательно обдумывая.

– Так ты выпить хочешь, приятель?

Благодарный Бомилькар ухватился за эту фразу:

– Так хочу, что готов угостить всех здесь присутствующих!

Жоак согнал со стула человека, сидящего рядом с ним, и похлопал по сиденью:

– Ну, если мои почтенные коллеги согласятся, мы могли бы сделать тебя почетным членом нашего общества. Садись отдохни, приятель. – Он повернулся к присутствующим. – Кто за то, чтобы этого черного господина сделать почетным членом, скажите «да»!

– Да! – гаркнули все хором.

Напрасно Бомилькар искал глазами прилавков или продавца. Наконец он чуть заметно вздохнул и выложил на стол свой кошель, так что пара серебряных денариев выкатилась. Или они убьют его ради содержимого этого кошелька, или он действительно их почетный член.

– Можно? – спросил он жоака.

– Бромид, принеси господину и всем нам большую бутылку, – велел жоак своему любимцу, которого только что прогнал, чтобы усадить Бомилькара. – Рядом с нами есть винная лавочка, которой мы и пользуемся, – объяснил он.

Из кошелька выкатилось еще несколько денариев.

– Этого достаточно?

– На один круг хватит, приятель, даже много будет.

Выкатилось еще несколько монет.

– А если на несколько?

Все дружно вздохнули. Бромид схватил монеты и исчез за дверью в сопровождении троих энтузиастов-помощников. Бомилькар протянул жоаку правую руку.

– Меня зовут Юба, – представился он.

– Луций Декумий, – отозвался жоак, энергично пожав руку гостя. – Юба! Что это за имя?

– Это мавретанское имя. Я из Мавретании.

– Мавре... Что? Где это такое?

– В Африке.

– В Африке?

Ясно, что Бомилькар с таким же успехом мог сказать, что он из страны гипербореев. Луцию Декумию это ни о чем не говорило.

– Это очень далеко от Рима, – объяснил почетный член клуба. – Далекое на запад от Карфагена.

– О, Карфаген! Почему же ты сразу так не сказал? – Луций Декумий пристально посмотрел в лицо этого интересного посетителя. – Я и не знал, что Сципион Эмилиан оставил в живых кого-то из вас.

– Никого он не оставил. Мавретания – это не Карфаген. Западнее, – терпеливо объяснял Бомилькар. – То, что было раньше Карфагеном, теперь – римская провинция Африка. Кстати, туда направляется новый консул Спурий Постумий Альбин.

Луций Декумий пожал плечами:

– Консулы? Они приходят и уходят, приятель, приходят и уходят. Для Субуры это не имеет никакого значения. Консулы здесь не живут, ты же понимаешь. Но если ты признаешь, что Рим – самый непобедимый во всем мире, добро пожаловать в Субуру.

– Поверь мне, я знаю, что Рим – победитель всегда и во всем, – с чувством заверил Бомилькар. – Мой повелитель – царь Мавретании Бокх, он послал меня в Рим, чтобы я сделал его другом и союзником римского народа.

– Ну никогда бы не подумал, – лениво протянул Луций Декумий.

Тем временем Бромид внес в таверну огромную бутылку. За ним шли трое помощников, также нагруженные. Первому налили вина Декумию, который при этом больно ударил Бромиду по бедру.

– Болван! Забыл про хорошие манеры? – строго спросил он. – Сначала гостю, который за все это заплатил. Не то выпущу тебе кишки.

Бомилькар схватил полный до краев кубок и поднял его.

– За лучшее место и лучших друзей, которых я пока нашел в Риме, – провозгласил он и влил в себя ужасное пойло – якобы с удовольствием. О боги, у здешних пропойц, наверное, стальные желудки!

Появились блюда с угощением – маринованными огурчиками, луком, грецкими орехами, веточками сельдерея, ломтиками моркови, неаппетитной массой мелкой соленой рыбы. Все это мгновенно исчезло. Бомилькар не мог заставить себя проглотить ни кусочка.

– За тебя, Юба, старина! – сказал Декумий.

– За Юбу! – весело подхватили остальные.

За полчаса Бомилькар узнал о Риме рабочего люда больше, чем мечтал. И все это было очень интересно. Куда хуже сводный брат Югурты знал Нумидию простолюдинов, но это ему даже в голову не приходило. Он узнал, например, что все члены странного клуба таверны где-то работают, что большинство из них имеют выходной каждый восьмой день. Примерно четверть собравшихся носили на затылке маленькую коническую шапочку без полей – это означало, что они вольноотпущенники. К своему удивлению, Бомилькар выяснил, что несколько человек все еще оставались рабами, но тем не менее держались с остальными на равных, работали на таких же работах, за ту же плату, столько же часов и с теми же выходными днями. Это показалось ему очень странным, но, очевидно, было совершенно нормальным в глазах остальных. Бомилькар начал понимать разницу между рабом и вольноотпущенником. Вольноотпущенник мог приходить, уходить, выбирать место и вид работы по своему усмотрению, а раб принадлежал своему работодателю, был его собственностью и поэтому не мог распоряжаться своей жизнью. Совсем не так, как обстояло с рабами в Нумидии. Впрочем, как справедливо отметил Бомилькар – а он был справедливым человеком, – у каждого народа свои правила касательно рабов.

В отличие от рядовых членов, Луций Декумий присутствовал в таверне постоянно.

– Я глава религиозного братства, – объяснил он, трезвый, будто только что проглотил свой первый глоток.

– А что это за братство? – осведомился Бомилькар, стараясь пить из одного кубка как можно дольше.

– Не думаю, что ты поймешь. Это, приятель, алтарь на перекрестке. Настоящее братство, своего рода духовная община. Зарегистрирована у эдилов и у претора по делам римских граждан. С благословения великого понтифика, вот так. Алтари и братства перекрестков восходят к древним римским царям, которые были еще до Республики. Места, где пересекаются большие дороги, обладают большой силой. Я говорю о настоящих перекрестках, а не об этих маленьких, как дырка в заднице, развилках – пересечениях тропинок и аллей. Да, у перекрестков большая сила. Я имею в виду... Ну вообрази, вот ты – бог и смотришь на Рим сверху. Положим, тебе требуется метнуть молнию или отправить туда солидную порцию чумы. Разве не сбивает тебя с толку вся эта путаница улиц? Если ты поднимешься на Капитолий, то поймешь, что я имею в виду: куча красных крыш. Как кусочки мозаики, плотно пригнанные друг к другу. Но если присмотреться внимательнее, можно увидеть разрывы между ними – это как раз там, где пересекаются большие дороги. Перекрестки вроде нашего. Так что, будь ты бог, именно туда ты и метнул бы свою молнию, правильно? Только мы, римляне, – народ умный, приятель. Мы действительно умные. Цари решили защищать себя на перекрестках. Поэтому перекрестки были отданы под защиту ларов, духов-хранителей, покровителей перепутья. На каждом были построены алтари – еще до того, как появились фонтаны. Заметил алтарь у стены клуба, на улице? Маленькая такая башенка?

– Я видел его, – сказал Бомилькар, смутившись. – Кто такие лары?

– О, лары везде, их сотни, тысячи, – чуть слышно проговорил Декумий. – Рим полон ларов. Говорят, и вся Италия тоже. Я не знаком с солдатами, поэтому не могу сказать, ходят ли лары вместе с ними за моря. Но они определенно существуют здесь – везде, где в них нужда. И наша обязанность – хорошо заботиться о наших ларах. Мы содержим в порядке алтарь, следим за жертвоприношениями, чистим фонтан, убираем развалившиеся повозки, мертвые тела, в основном животных, а когда рушится какое-нибудь здание, мы убираем мусор. К Новому году мы устраиваем празднества в честь ларов, называются они «компиталии». Как раз такой праздник прошел два дня назад, поэтому сейчас у нас и нет денег на вино. Мы тратим то, что накопили. Требуется время, чтобы накопить еще.

– Понимаю, – произнес Бомилькар, хотя, честно говоря, не понял ничего. Древние римские боги оставались для него неразрешимой загадкой. – Так у вас есть деньги, чтобы устраивать для себя праздники?

– И да и нет, – ответил Луций Декумий, почесав под мышкой. – Для этих целей нам выдает немного городской претор. Достаточно, чтобы жарить нескольких свиней. Это зависит от того, кто является претором. Бывают щедрые. А бывают такие прижимистые, что у них даже их дерьмо ничем не пахнет.

Затем разговор коснулся жизни в Карфагене. Жители Субуры никак не могли осознать, что в Африке есть и другие места, не один только Карфаген. Их понятие об истории и географии, казалось, ограничивалось тем, что они узнавали, приходя на Форум. Они ходили на Форум, очевидно, потому, что политические волнения делали его забавным местом. Для них вся эта политика была вроде циркового представления. Поэтому их точка зрения на политическую жизнь Рима была несколько искажена. Им казалось, что кульминационными моментами политической жизни являются, например, волнения, связанные со смертью Гая Семпрония Гракха.

Наконец момент настал. Бомилькар почувствовал это. Все так уже свыклись с его присутствием, что не обращали никакого внимания на чужака. К тому же они были пьяны. Кроме

Луция Декумия. Он все еще был трезв, его внимательные пытливые глаза не отрывались от лица Бомилькара. Неспроста этот парень Юба оказался здесь. Ему что-то было нужно.

– Луций Декумий, – начал Бомилькар, наклоняясь к римлянину, чтобы один только он мог его расслышать, – у меня проблема, и я надеюсь, ты подскажешь мне, как ее решить.

– В чем дело, приятель?

– Мой хозяин, царь Бокх, очень богат.

– Думаю, что богат. Ведь он царь.

– Но царь Бокх не знает, останется ли он царем, – медленно проговорил Бомилькар. – У него проблема.

– Та же проблема, что и у тебя, приятель?

– Именно, та же.

– Чем же я могу помочь? – Декумий вытащил луковицу из миски и задумчиво принялся жевать.

– В Африке ответ был бы прост. Царь отдал бы приказ, и человек, который, собственно, и представляет собой проблему, был бы казнен. – Бомилькар замолчал, не зная, сколько еще пройдет времени, прежде чем Декумий поймет.

– Ага! Значит, у проблемы есть имя, так?

– Правильно. Массива.

– Больше похоже на латинское, чем Юба, – заметил Декумий.

– Массива – нумидиец, а не мавретанин. – Казалось, теперь Бомилькара чрезвычайно заинтересовал осадок на дне кубка. Он принялся размешивать его пальцем. – Трудность заключается в том, что Массива живет здесь, в Риме. И доставляет нам неприятности.

– Могу понять, какую роль играет в этом Рим, – произнес Декумий. Его тон говорил о многом.

Бомилькар испуганно посмотрел на Декумия. У этого маленького человечка ум пронизывающий и острый.

Нумидиец вздохнул:

– Моя доля в этой проблеме очень рискованная, потому что я совершенно не знаю Рима. Видишь ли, мне нужно найти римлянина, который согласится убить царевича Массиву. Здесь. В Риме.

Луций Декумий даже глазом не моргнул:

– Ну, это легко.

– Легко?

– За деньги, приятель, в Риме можно купить что угодно.

– Тогда, может, подскажешь, куда мне пойти?

– Не ищи больше нигде, приятель, не надо никуда ходить. Я бы перерезал глотки половине сената за возможность поесть устриц вместо лука, – сказал Декумий, проглотив последний кусочек. – И сколько же будет стоить эта работа?

– Сколько денариев в этом мешке? – Бомилькар высыпал содержимое кошелька на стол.

– Недостаточно, чтобы за это убить человека.

– А если монеты будут золотыми?

Декумий крепко ударил себя по бедрам:

– Вот теперь это разговор! Договорились, приятель.

У Бомилькара кружилась голова, но не от вина. В течение последнего часа он украдкой выливал его на пол.

– Половина – завтра, остальное после того, как дело будет закончено, – сказал он, собирая монеты обратно в кошелек.

Испачканная рука с грязными ногтями остановила его.

– Оставь это здесь в знак доверия, приятель. И приходи завтра. Только жди снаружи, у алтаря. Мы пойдем ко мне домой и поговорим.

Бомилькар поднялся:

– Я буду здесь, Луций Декумий.

Они направились к двери. Бомилькар остановился, посмотрел на плохо выбритое лицо квартального начальника.

– А тебе приходилось уже убивать? – спросил он.

Декумий дотронулся пальцем до крыла носа:

– Кивнуть – это как слепому брадобрею подмигнуть, приятель. В Субуре не принято хвастаться.

Удовлетворенный, Бомилькар улыбнулся Декумию и смешался с толпой Малой Субуры.

Марк Ливий Друз, бывший консулом два года назад, в середине второй недели января праздновал свой триумф. Во время своего консульства он был назначен правителем Македонии. Затем срок его правления продлили еще на год. Друз удачно закончил пограничную войну со скордисками, племенем умных и хорошо организованных кельтов, которые постоянно совершали набеги на римскую провинцию Македония. В лице Марка Ливия Друза они нашли исключительно опасного противника и потерпели сокрушительное поражение. Друзу удалось захватить один из самых сильных оплотов скордисков и обнаружить там тайник, где была спрятана значительная часть их богатства. Большинство правителей Македонии отмечали свои триумфы в конце своего срока, и все согласились, что Марк Ливий Друз как никто заслуживает этой чести.

На празднествах царевич Массива присутствовал в качестве гостя консула Спурия Постумия Альбина, поэтому ему было предоставлено самое лучшее место в Большом цирке, откуда он мог наблюдать, как длинное триумфальное шествие проходит по цирку. Снова и снова Массива убеждался в том, что римляне знают толк в театральных действиях. Лучше всех они умеют устраивать пышные спектакли. Царевич Массива, конечно, отлично говорил по-гречески, поэтому он понял, что именно ему предварительно объяснили перед парадом. Массива поднялся, готовый уйти до того, как последний легион Друза покинет арену через выход напротив Капенских ворот. Все гости консула проследовали через особую дверь на Бычий форум, вверх по Лестнице Кака, на Палатин и там прибавили шагу. Ведя почетных зрителей кратчайшим путем, двенадцать ликторов стучали по булыжнику почти пустынных аллей зимними сапогами, подбитыми гвоздями.

Десять минут спустя они уже спускались по лестнице храма Весты на Римский форум, направляясь к храму Кастора и Поллукса. Здесь, на верхней площадке лестницы этого величественного сооружения, должны были сидеть оба консула и их гости, наблюдая, как шествие будет спускаться по Священной дороге с холма Велия к Капитолию. Чтобы не оскорбить триумфатора, им надлежало ждать уже на месте, когда появится шествие.

– Все другие магистраты и члены сената идут во главе шествия, – объяснял Спурий Альбин царевичу Массиве. – Действующих консулов всегда официально приглашают принять участие в шествии и в угощении, которое триумфатор устраивает для сената в помещении храма Юпитера Всеблагого Всесильного. Но для консулов считается неприличным принимать приглашение. Это событие является великим днем триумфатора, и именно он должен быть самым важным человеком на празднике. Никто не должен затмевать его. Большую часть ликторов отдают в этот день ему. Поэтому консулы всегда любят шествием с почетного места, а триумфатор приветствует их, проходя мимо.

Царевич сделал вид, что понял, хотя слишком непродолжительное знакомство с римлянами и их традициями явно мешало ему охватить разумом всю картину происходящего. В отличие от Югурты, ему всю жизнь была ближе неримская Африка.

Когда гости консула прибыли на место соединения лестницы храма Весты с Новой дорогой, их движение замедлилось из-за огромной толпы народа. Сотни тысяч римлян вышли, чтобы увидеть триумф Друза. Молва об этом дошла даже до самых маленьких улочек Субуры. Всех уверяли, что триумф Друза будет самым великолепным из возможных.

Выполняя свои обязанности в пределах Рима, ликторы носили фасции и простые белые тоги. Сегодня их одежда казалась еще более неприметной, ибо весь Рим, идущий на триумф, становился белым. Все граждане надевали белые тоги вместо обычной туники. Трудно было ликторам расчищать дорогу для гостей консула среди нараставшей толпы. К тому времени, когда они подошли к храму Кастора и Поллукса, группа почетных гостей почти совсем распалась и царевич Массива, сопровождаемый только личным телохранителем, сильно отстал и потерял из виду остальных.

Его представление о своей исключительности и сознание того, что он принадлежит к царскому роду, вызвали у него крайнее недовольство. Как смеет римская толпа относиться к нему столь непочтительно? Его телохранителей оттерли – несколько минут Массива не видел даже их.

Этого короткого мига и ждал Луций Декумий. Он нанес удар – точно, быстро, уверенно. Притиснутый к царевичу Массиве стихийной волной толпы, он вонзил свой остро отточенный кинжал в левую сторону грудной клетки царевича, тут же резко крутанул лезвие и отпустил рукоятку, зная, что лезвие вошло в грудь на всю длину. Убийца смешался с толпой задолго до того, как показалась кровь.

Царевич Массива не кричал. Он просто упал там, где стоял. К тому времени, как подбежали стражники, отгоняя людей от убитого хозяина, Луций Декумий находился уже на середине нижнего Форума, направляясь к Аргилету, – просто капля в море белых тог.

Прошло минут десять, прежде чем кто-то догадался сообщить новость Спурию Альбину и его брату Авлу, уже находящимся на подиуме храма. Они пока еще не волновались по поводу отсутствия царевича Массивы. Ликторы поспешили оцепить место преступления. Спурий и Альбин стояли, глядя на тело и думая о своих рухнувших планах.

– Это подождет, – наконец сказал Спурий. – Мы не можем оскорбить Марка Ливия Друза, омрачив его триумф. – Он повернулся к начальнику охраны, которая специально для Массивы была организована из нанятых римских гладиаторов, и обратился к нему на греческом: – Унесите царевича Массиву в его дом и подождите там. Приду, как только смогу.

Тот кивнул. Из тоги Авла Альбина были сделаны носилки, и шесть гладиаторов унесли царевича.

Авл переживал случившееся куда сильнее, чем его старший брат. До сих пор большая доля щедрости Массивы доставалась именно ему. Спурий же считал, что своей доли милостей может подождать, пока в результате его африканской кампании Массива не воссядет на трон Нумидии. Кроме того, Авл был нетерпелив, амбициозен и очень хотел во всем обогнать Спурия.

– Югурта! – сквозь зубы процедил он. – Это Югурта!

– Мы никогда не сможем этого доказать, – вздохнул Спурий.

Братья поднялись по ступеням храма Кастора и Поллукса. Не успели они снова занять свои места, как магистраты и сенаторы появились из-за огромного «Общественного дома», принадлежавшего государству, в котором обитали жрицы-весталки и великий понтифик. Буквально сразу же на сцене возникли все. Большая процессия начала спускаться вниз по склону – туда, где Священная дорога заканчивалась у колодца комиций. Спурий и Авл сидели и смотрели, словно больше ни о чем не думали, а лишь получали удовольствие от спектакля. Так они демонстрировали свое уважение к Марку Ливию Друзу.

Бомилькар и Луций Декумий встретились, не привлекая ничего внимания, у прилавка переполненной закусочной в верхнем углу Большого рынка. Они купили по пирогу с куском чесночной колбасы, потом совершенно естественно встали рядом и стали медленно жевать, откусывая по кусочку от очень горячего пирога.

– Удачный день получился, – сказал Луций Декумий.

Одетый в накидку с капюшоном, скрывавшим его лицо, Бомилькар вздохнул:

– Надеюсь, он и закончится удачно.

– По крайней мере, приятель, я гарантирую, что этот день закончится идеально, – самодовольно произнес Луций Декумий.

Бомилькар порылся под накидкой, отыскал кошелек:

– Ты уверен?

– Как человек, у которого воняет подошва, – в том, что он наступил на дерьмо! – ответил Декумий.

Невидимо для других кошельки перешел из одних рук в другие. Бомилькар с легким сердцем повернулся, чтобы уйти.

– Благодарю, Луций Декумий, – сказал он.

– Нет, приятель, это я тебя благодарю!

И Луций Декумий остался доедать свой пирог.

– Устрицы вместо лука! – громко сказал он сам себе, направляясь по Субурскому коридору легкой, счастливой походкой и с мешочком золота, надежно припрятанным поближе к телу.

Бомилькар покинул город через Фонтинальские ворота и направился в сторону Марсова поля. Он шел быстро. Толпа уже расходилась, на улицах стало свободнее. Нумидиец вошел на виллу Югурты, никого не встретив, и с радостью скинул с себя накидку. В этот день царь был очень добр и всем рабам в доме дал выходной, чтобы те могли посмотреть триумф Друза. А еще он выдал им всем в подарок по серебряному денарию. Поэтому лишние свидетели не видели возвращения Бомилькара. В доме оставались только фанатично преданные телохранители и слуги-нумидийцы.

Югурта был на своем любимом месте – сидел в крытой галерее на втором этаже, как раз над входной дверью.

– Все в порядке, – сказал Бомилькар.

Царь схватил брата за руку, улыбнулся:

– Молодец!

– Я рад, что все прошло хорошо, – добавил Бомилькар.

– Он определенно мертв?

– Убийца сказал, что уверен, как человек, у которого воняет подошва, – в том, что он наступил на дерьмо. – Плечи Бомилькара затряслись от смеха. – Живописный парень этот мой бандит. Но чрезвычайно эффективен и с железными нервами.

Югурта расслабился:

– Как только услышим, что мой дорогой кузен Массива определенно мертв, мы встретимся со всеми нашими агентами. Мы должны нажать на сенат, чтобы он признал мое право на трон и разрешил нам вернуться домой. – Югурта поморщился. – Я никогда не должен забывать, что у меня еще остался сводный братец, этот несчастный недоумок, с которым надо бороться, – дорогой и любимый Гауда.

Когда агенты Югурты получили приглашение собраться на его вилле, явились все, кроме одного. Как только Марк Сервилий Агеласт узнал об убийстве царевича Массивы, он попросил аудиенции у консула Спурия Альбина. Консул передал через секретаря, что очень занят. Но Агеласт настаивал, настаивал, настаивал. Секретарь пришел в отчаяние от такого натиска

и решил отделаться от посетителя, отведя того к младшему брату консула Авлу. Последний сильно заинтересовался, услышав то, что хотел ему сообщить Агеласт. Позвали Спурия Альбина. Спурий спокойно слушал, как Агеласт повторяет свой рассказ, поблагодарил его, взял его адрес и письменное показание – для верности. Потом очень вежливо распрощался с ним, вызвав улыбку у всех присутствующих, кроме самого Агеласта.

– Мы примем меры через городского претора. Мы будем строго действовать по закону, принятому при данных обстоятельствах, – заявил Спурий, как только остался один с братом. – Дело слишком серьезное, чтобы разрешить этому Агеласту выдвинуть обвинение. Я сделаю это сам. Но он важен как единственный римский гражданин среди всех действующих лиц, если исключить таинственного убийцу. Претору надлежит решить, как следует поступить с Бомилькаром. Без сомнения, претор посоветуется со всеми сенаторами в поисках директивы, чтобы прикрыть свою задницу. Но если я увижусь с ним лично и выскажу свое мнение, то, думаю, смогу успокоить его. А мнение мое таково: факт совершения убийства в пределах Рима римским гражданином в день триумфа перевешивает статус Бомилькара как иностранца. Особо если я нажму на то обстоятельство, что царевич Массива был клиентом консула и находился под его защитой. Жизненно важно, чтобы Бомилькара судил и приговорил именно в Риме и именно римский суд. Сама наглость преступления принудит фракцию Югурты в сенате сидеть тихо. Ты, Авл, можешь подготовиться к слушанию в суде. Я прослежу, чтобы проконсультивировались с претором по делам иностранцев, поскольку он имеет дело с судебными законами, касающимися неграждан. Он может захотеть защитить Бомилькара – просто чтобы все было по закону. Но так или иначе, мы помешаем Югурте получить одобрение сената. Убийца не станет царем Нумидии. А потом подумаем, не можем ли мы подыскать другого претендента на престол.

– Например, царевича Гауду?

– Например, царевича Гауду. Хотя он совершенно не подходит для этого. Но в конце концов, он законный сводный брат Югурты. Мы просто постараемся, чтобы Гауда никогда сам не приехал в Рим претендовать на трон. – Спурий улыбнулся Авлу. – В этом году мы сколотим себе состояние в Нумидии, клянусь!

Но Югурта отказался играть по римским правилам. Когда городской претор и его ликторы прибыли на виллу, чтобы арестовать Бомилькара по обвинению в заговоре с целью убийства, в какой-то момент царь хотел решительно отказаться выдать Бомилькара и посмотреть, что из этого выйдет. Потом стал тянуть время, говорить, что ни жертва, ни обвиняемый не были римскими гражданами и поэтому он вообще не понимает, какое до этого дело Риму. Городской претор отвечал: мол, сенат решил, что обвиняемый должен ответить на обвинение в римском суде, поскольку истинный убийца был римским гражданином. Некий Марк Сервилий Агеласт, римский всадник, дал показания под присягой, что совершить это убийство предлагали сначала ему.

– В этом случае, – сказал Югурта, все еще сопротивляясь, – единственный магистрат, который имеет право арестовать моего приближенного, – это претор по делам иностранцев. Мой приближенный – не римский гражданин, а мое жилище – вне юрисдикции городского претора.

– Тебя неправильно информировали, – спокойно возразил городской претор. – Претор по делам иностранцев будет, конечно, извещен. Но власть городского претора простирается на расстоянии пяти миль от Рима, поэтому твоя вилла находится в пределах моей юрисдикции. А теперь, пожалуйста, выдай нам Бомилькара.

Бомилькар вышел и немедленно был отправлен в тюрьму Лаутумия, где должен был содержаться до слушания в специально созванном суде. Когда Югурта послал своих агентов потребовать, чтобы Бомилькара выпустили под залог или, по крайней мере, чтобы его содер-

жали в доме какого-нибудь высокопоставленного римского гражданина, а не в развалинах Лаутумии, – требование было отклонено.

Несколько сот лет назад Лаутумия была каменным карьером на вершине Капитолийского холма. Теперь она представляла собой беспорядочное скопление каменных блоков, сваленных со стороны утеса как раз позади нижнего Форума и не скрепленных между собой. Ее полуразрушенные камеры могли вместить, наверное, до пятидесяти узников. Собственно, обеспечить здесь строгую изоляцию было невозможно. Узники могли перемещаться везде, где им вздумается, в пределах стен этой тюрьмы. Выйти на волю им не позволяли лишь ликторы-охранники. В редких случаях, когда арестовывали действительно опасного преступника, на него надевали оковы.

Поскольку обычно это место пустовало, вид несущих стражу ликторов был новостью. Таким образом, известие о заключении Бомилькара быстро распространилось по Риму благодаря тем же ликторам, которые и сами были не прочь удовлетворить любопытство проходивших мимо жителей.

Низкий уровень Луция Декумия был чисто социальным. Он определенно не распространялся на его мыслительный аппарат. Думалка в голове Декумия исключительно хорошо сообщала. Получить должность квартального начальника было совсем не просто. Поэтому, когда слух дошел уже до самого сердца Субуры, Луций Декумий сложил два и два и получил ответ. Имя – Бомилькар, а не Юба, национальность – нумидиец, а не мавретанин. Он сразу понял, что за человек его нанял.

Скорее одобряя обман, чем сердясь на Бомилькара, Луций Декумий отправился в Лаутумию, куда получил доступ, широко улыбнувшись двум ликторам, стоявшим на страже у двери, а потом попросту растолкав их локтями и пройдя между ними.

– Невежа! Дерьмо! – крикнул один из них вдогонку, почесывая бок.

– Съешь его! – ответил Декумий, ловко, одним прыжком, спрятавшись за осыпавшуюся колонну и стал ждать, когда стихнет ворчание у двери.

Не имея ни военных, ни гражданских административных органов для отправления закона, Рим обычно обязывал коллегия ликторов выделять людей для обеспечения тех или иных мероприятий. Существовало около трехсот ликторов, которым государство платило очень мало. Поэтому они весьма зависели от щедрости людей, которых обслуживали. Они жили в здании, расположенном на небольшом открытом участке позади храма Ларов-Покровителей, на Священной дороге. Место им нравилось, потому что оно находилось как раз за лучшей гостиницей Рима, где они всегда могли напроситься на выпивку. Ликторы сопровождали всех магистратов, обладающих империем. Между ними возникало соперничество, когда заходила речь о службе одному из правителей, уезжавших за границу, поскольку в таком случае они принимали участие в дележе трофеев и побочных доходов. Ликторы составляли тридцать отрядов, которые назывались куриями. Ликторов можно было призвать охранять Лаутумию или расположенную по соседству подземную тюрьму Туллиан, где приговоренные к смерти ожидали прихода душителя. Курия состояла из десяти человек, начальник курии давал задания. Дежурство у тюрьмы было одним из наименее желательных поручений. В этом случае ни чаевых, ни взяток – ничего. Поэтому ни одному ликтору не хотелось гнаться за Луцием Декумием. Их работа заключалась в том, чтобы стоять на часах у двери. И больше ничего, Юпитер свидетель.

– Эй, приятель, где ты? – крикнул Декумий так громко, что его могли услышать даже банкиры в базилике Порция.

Волосы на руках и затылке Бомилькара встали дыбом. Он вскочил на ноги. «Вот оно, вот и конец», – подумал он. И застыл, ожидая, когда появится Декумий в сопровождении магистратов и других чиновников.

И Декумий появился. Но – один. Увидев Бомилькара, неподвижно стоявшего у стены, Декумий весело улыбнулся и вошел к нему в камеру. Там было незапертое и ничем не закрытое отверстие, достаточно большое, чтобы через него мог пробраться человек. И то, что Бомилькар до сих пор этого не сделал, свидетельствовало о его полном непонимании римского способа мыслить и действовать. Нумидиец не мог поверить в простую истину, что тюрьма как таковая была понятием, римлянам неизвестным.

– Кто донес на тебя, приятель? – спросил Декумий, усаживаясь на упавший блок кладки. Стараясь унять дрожь, Бомилькар облизнул губы.

– Если это был не ты с самого начала, дурак, то теперь уже наверняка ты! – огрызнулся он.

Декумий удивленно посмотрел на него. Медленно до него стал доходить смысл сказанного.

– погоди, погоди, приятель, во-первых, не волнуйся ты так, – стал он успокаивать Бомилькара. – Нас никто не слышит. У двери стоят только два ликтора, а это далеко. Я услышал, что тебя арестовали, вот и подумал: лучше бы мне прийти к тебе и узнать, что же пошло у нас не так.

– Агеласт, – сказал Бомилькар. – Марк Сервилий Агеласт!

– Хочешь, чтобы я сделал с ним то, что с Массивой?

– Послушай, может, ты уйдешь отсюда?! – в отчаянии закричал Бомилькар. – Разве ты не понимаешь, что они догадаются, почему ты пришел? Если хоть кто-то увидел твое лицо возле царевича Массивы, тебе конец!

– Да все нормально, приятель, все нормально! Не беспокойся. Обо мне никто ничего не знает, и никому и дела нет, что я сейчас здесь. Это не парфянская темница, дружище, поверь мне! Тебя поместили сюда, чтобы позлить твоего господина, вот и все. Им абсолютно все равно – сбежишь ты или нет. Это лишь подтвердит твою виновность. – И он показал на брешь в наружной стене.

– Я не могу убежать, – сказал Бомилькар.

– Ну как хочешь. – Декумий пожал плечами. – А как насчет этой пташки, Агеласта? Хочешь его убрать? Сделаю за ту же цену – заплатишь, когда дело будет сделано. Я доверяю тебе.

Восхищенный Бомилькар пришел к выводу, что Луций Декумий не только верил в то, что говорил, но и мог это сделать. Сомневаться не приходится. Если бы не Югурта, он воспользовался бы предложением бежать этой же ночью. Но если он поддастся искушению, только боги знают, что может случиться с Югуртой.

– Я дам тебе еще золота, – сказал он.

– А где он живет, этот парень, который никогда не улыбается?

– На Целийском холме, в Африканском квартале.

– О, прелестный новый район! – одобрительно воскликнул Декумий. – Агеласт неплохо устроился! Нетрудно будет найти его там, где пение птиц громче болтовни соседей. Не беспокойся, я быстро управлюсь. А когда твой господин вызволит тебя отсюда, ты мне заплатишь. Пришли золото в клуб. Я буду там.

– Откуда тебе известно, что мой господин непременно вызволит меня?

– Он сделает это, дружище! Еще пару дней – и они позволят ему заплатить за тебя залог. А тогда – мой тебе совет – как можно скорее возвращайся домой. Не болтайся в Риме, ладно?

– Оставить моего царя здесь, на их милость? Я не могу!

– Конечно можешь, приятель! Как ты думаешь, что они сотворят с ним здесь, в Риме? Стукнут по голове и бросят в Тибр? Нет! Никогда! – сказал Луций Декумий, опытный советник. – Есть только одно, за что они могут убить, – их драгоценная Республика. Законы, конституция и прочая ерунда. Они могут угрожать пару народных трибунов вроде Гракхов, но

никогда не убьют чужеземца в самом Риме. Так что не тревожься о своем господине, дружище. Ручаюсь, если ты исчезнешь, они отошлют его домой.

Бомилькар в изумлении посмотрел на Декумия.

– Но ты даже не знаешь, где находится Нумидия, – медленно произнес он. – Ты никогда не был в Италии! И откуда тебе знать, как поступает римская знать?

– Тут дело особое, – заявил Луций Декумий, поднимаясь с камня. – Молоко матери, приятель, молоко матери! Мы все впитываем вместе с молоком матери. Помимо всяких приятных неожиданностей – вроде знакомства с тобой, – где еще может римлянин получить удовольствие, как не на Форуме? Если нет игр, конечно. И даже не требуется находиться прямо там, чтобы испытывать волнение. Оно само наполняет тебя, как молоко матери.

Бомилькар протянул руку:

– Благодарю тебя, Луций Декумий. Ты единственный честный человек из всех, кого я встретил в Риме. Ты получишь свои деньги.

– Не забудь – в клуб! Да, кстати, – он коснулся своего носа пальцем, – если у тебя есть друзья, которые нуждаются в практической помощи, чтобы решить свои маленькие проблемы, скажи им, что я не прочь помочь. Мне нравится такая работа.

Итак, Агеласт умер. Бомилькар оставался в темнице. Никто из ликторов даже не подумал связать Декумия с причиной заточения Бомилькара. Поэтому обвинение, которое Спурий и Авл Альбины готовили против нумидийца, заглохло само собой. Они, конечно, располагали показаниями Агеласта, но, без сомнения, отсутствие главного свидетеля причинило непоправимый ущерб судебному преследованию.

Воспользовавшись смертью Агеласта, Югурта вновь обратился в сенат с просьбой отпустить Бомилькара под залог. Хотя Гай Меммий и Скавр с жаром выступали против, в конце концов Бомилькар был выпущен. Это произошло, однако, только после того, как Югурта передал римлянам пятьдесят своих слуг-нумидийцев. Они были распределены по домам пятидесяти сенаторов. К тому же Югурту вынудили внести в казну большую сумму денег – якобы на содержание его заложников.

Делу Югурты, конечно, был нанесен непоправимый урон. Но ему было все равно. Нумидийский полукровка уже оставил всякую надежду когда-либо получить согласие Рима на его царский титул. И вовсе не из-за смерти Массивы. Просто римляне и не собирались давать согласие. Они мучили его не один год – заставляли плясать под их дудку, смеялись над ним, прикрывая рот рукой. А теперь он уедет – безразлично, даст ли на это согласие римский сенат. Уедет домой, чтобы собрать армию и подготовить ее для встречи с римскими легионами, которые не замедлят явиться.

Освободившись, Бомилькар спешно уехал в Путеолы, сел там на корабль, отправлявшийся в Африку, – и след его простыл. После этого сенат умыл руки в отношении Югурты. «Уезжай-ка ты домой, – сказали римские аристократы, возвращая ему заложников (но не деньги, конечно). – Прочь из Рима, прочь из Италии, прочь из нашей жизни...»

Последний раз нумидийский царь взглянул на Рим с вершины Яникула, куда поднялся просто для того, чтобы окинуть взором место, где вершилась его судьба.

Рим. Вот он раскинулся на склонах холмов. Семь холмов и долины меж ними, море оранжево-красных черепичных крыш, ярко раскрашенные оштукатуренные стены, позолоченные орнаменты храмовых фронтонов, отбрасывающие в небо сверкающие лучи – дорожки для богов. Яркий, красочный город из терракоты, с зелеными пятнами деревьев и травы.

Но Югурту ничто не восхищало. Он долго смотрел на город, уверенный, что никогда больше не увидит Рима.

– Город на продажу, – наконец произнес Югурта. – Когда найдется покупатель, он исчезнет в мгновение ока.

И направил коня по Остийской дороге.

У Клитумны был племянник. Сын сестры. Он не носил родового имени – Клитумний, его звали Луций Гавий Стих, из чего Сулла заключил, что кто-то из предков его отца был рабом. Откуда бы еще взялся такой когномен – Стих? Это исконная кличка для раба, насмешливая, оскорбительная. Однако Луций Гавий настаивал: его род получил подобное имя из-за того, что издавна занимался работоторговлей. Как его отец, а может быть, и дед, Луций Гавий Стих постоянно имел дело с рабами. У него было небольшое агентство по продаже домашних слуг, расположенное в портике Метеллов, на Марсовом поле. Не процветающая фирма, снабжающая вышколенными слугами элиту общества, но вполне налаженный бизнес, обслуживающий тех, чьи кошельки позволяют приобрести трех-четырёх рабов.

Странно, что управляющий сообщил Сулле о визите племянника хозяйки как раз в тот момент, когда Луций Корнелий думал о Гавиях. Имя это довольно редкое, а все же Сулла знал троих. Был некий Марк Гавий Брокх, собутыльник его отца; был учитель риторики, старый добрый Квинт Гавий Миртон.

Гавий, что пил с его отцом, и Гавий, который дал Сулле неплохое образование, вызывали в нем чувства, против которых он не возражал. Но Стих! Если бы он знал, что Клитумну почтит визитом ее ужасный племянник, он вообще не пришел бы домой. Сулла немного постоял в атриум, раздумывая, как поступить: уйти из дому совсем или просто скрыться в ту его часть, куда Стих не сунет свой противный нос.

Сулла предпочел сад. Все-таки хорошо, что управляющий вовремя предупредил о неприятном госте. Улыбаясь, Сулла вышел в перистиль, нашел скамью, слегка согретую слабыми лучами солнца, сел и отсутствующим взглядом уставился на ужасную статую Аполлона, преследующего Дафну: та уже почти полностью превратилась в дерево. Клитумне нравилась эта композиция. Но разве светonosный бог мог иметь такие ярко-желтые волосы, глаза гнилой голубизны или кожу столь отвратительного розового цвета? И как можно восхищаться скульптором, настолько лишенным чувства меры? Пальцы рук Дафны он превратил в ярко-зеленые ветки, а пальцы ее ног – в грязно-коричневые корешки. Несчастный идиот – вероятно, он считал это находкой мастера! – замазал одну грудь бедной Дафны (вторая уже исчезла под корою) пурпурным соком, сочащимся из узловатого соска. Когда Сулла видел этот шедевр, то все в нем взывало к топору.

– Зачем я здесь? – спросил он бедную Дафну, которой приличествовало бы быть охваченной ужасом, а не глупо улыбаться.

Она не ответила.

– Что я здесь делаю? – спросил он у Аполлона.

И Аполлон не ответил тоже.

Закрыв глаза, Сулла надавил пальцами на веки и стал привычно настраивать себя... нет, не на одобрение, а скорее на долготерпение. Гавий... Думай о другом Гавии, не о Стихе... О Квинте Гавии Миртоне, который дал тебе образование.

Они встретились, когда Сулле было семь лет. Худощавый, крепкий мальчик помогал своему пьяному отцу добраться до дому – до единственной комнаты на Сандальной улице, где они жили в то время. Сулла-старший упал, и Квинт Гавий Миртон пришел на помощь мальчику. Вместе они привели пьяницу домой. Миртон был восхищен внешностью Суллы и чистотой латыни, на которой тот говорил. По дороге он засыпал мальчика вопросами.

Как только Сулла-старший был уложен на соломенный тюфяк, старый преподаватель риторики уселся на единственный имеющийся в комнате стул и стал выпытывать у мальчика все, что тот знал об истории своей семьи. В конце концов Миртон объяснил, кто он сам такой, и предложил бесплатно обучать мальчика чтению и письму. Бедственное положение Суллы ужаснуло его. Корнелий, патриций, вынужденный всю свою жизнь прозябать в нищете где-то

среди публичных домов в римских трущобах? Даже думать об этом невыносимо! По крайней мере, мальчик должен быть в состоянии зарабатывать на жизнь как служащий или писец. А что, если каким-то чудом судьба улыбнется Сулле и у него появится возможность вести достойный образ жизни? Неграмотность может стать этому помехой!

Сулла согласился учиться, но не бесплатно. Промышляя воровством, он мог платить старому Квинту Гавию Миртону то серебряным денарием, то жирной курицей. А когда подрос, за этот серебряный денарий он стал продавать себя. Если Миртон и подозревал, что эти платежи – цена чести, то никогда не говорил об этом. Он был достаточно умен, чтобы понять: отдавая деньги, мальчик демонстрировал, как высоко ценит он неожиданную возможность учиться. Поэтому Миртон всегда брал эти монеты с видимым удовольствием и благодарностью и никогда не давал Сулле повода догадаться, насколько болезненно воспринимает источник доходов мальчика.

Изучать риторику под руководством известного судебного адвоката – несбыточная мечта. Сулла знал, что ей не суждено осуществиться. И это придавало дополнительную ценность скромным усилиям Квинта Гавия Миртона. Благодаря Миртону он мог говорить на чистейшем классическом греческом и овладел основами риторики. У Миртона имелась огромная библиотека, и Сулла читал – Гомера, Пиндара, Гесиода, Платона, Менандра и Эратосфена, Евклида и Архимеда. Он читал и на латыни – Энния, Акция, Кассия Гемину, Катона Цензора. С трудом осиливая каждый свиток, попадающий в его руки, юноша открыл для себя мир, где мог на несколько драгоценных часов забыть о своей неприглядной жизни, – мир благородных героев и великих подвигов, научных фактов и философских фантазий. К счастью, единственной ценностью, не утраченной пьяницей-отцом задолго до рождения мальчика, был превосходный латинский язык. Поэтому Сулла не имел причины стыдиться своей латыни. Он великолепно говорил на жаргоне Субуры, беднейшей и наиболее перенаселенной части Рима, а также и на правильной латыни. Это давало ему возможность свободно вращаться в любых слоях римского общества.

Небольшая школа Квинта Гавия Миртона располагалась в тихом закоулке открытого продовольственного рынка, где продавали специи и цветы, позади Римского форума. Поскольку Миртон не мог позволить себе иметь собственное помещение, ему приходилось преподавать в общественном месте. Старый учитель частенько говаривал: «Где лучше вдалбливать знания в крепкие римские черепа, как не среди пьянящего аромата роз и фиалок, перца и корицы?»

Должность домашнего наставника какого-нибудь избалованного плебейского молокососа была не для Миртона. Не прельщала его и перспектива обучать полдюжины благородных отпрысков – в соответствующих классах, благопристойно изолированных от грохота улиц. Нет, Миртон просто приказывал своему единственному рабу водрузить для него высокий стул и расставить скамейки для учеников – там, где о них не будут спотыкаться. И принимался учить – чтению, письму, арифметике – на открытом воздухе, перебиваемый пронзительными выкриками торговцев и покупателей. Его любили; к тому же он брал со скидкой за обучение детей, чьи отцы владели палатками на рынке, – иначе его давно заставили бы перебраться куда-нибудь в другое место. И так продолжалось до самой его смерти. Миртон умер, когда Сулле исполнилось пятнадцать.

Миртон брал с каждого ученика десять сестерциев в неделю. У него всегда обучалось десять – пятнадцать детей (больше мальчиков, чем девочек, но девочки были всегда). Около пяти тысяч сестерциев в год. Две тысячи он платил за довольно приличную большую комнату в доме, принадлежащем одному из его бывших учеников. Около тысячи в год уходило на то, чтобы прилично питаться самому и кормить старого преданного раба. Остальное он тратил на книги. По случаю праздника или в те дни, когда рынок был закрыт, занятий в школе Миртона не проводилось. В такие дни учителя можно было найти в библиотеках или книжных магази-

нах и издательствах на Аргилете – широкой улице, пролегающей от Римского форума мимо базилики Эмилия и здания сената.

– Ты только подумай, Луций Корнелий, – бывало, говорил он, когда оставался с мальчиком наедине после окончания занятий, – где-то в этом огромном мире какой-нибудь мужчина или женщина прячет у себя работы Аристотеля! Если бы ты только знал, как я хочу прочесть произведения этого человека! Какие всеобъемлющие труды, какой ум! Ты только вообрази – наставник Александра Великого! Говорят, он писал абсолютно обо всем... Добро и зло, звезды и атомы, душа и преисподняя, собаки и кошки, листва и мускулы, боги и люди, системы мышления и хаос безумия – все занимало его мысли. Каким наслаждением было бы погрузиться в его утерянные труды!

Потом Миртон пожимал плечами, всасывал воздух сквозь зубы – раздражающая привычка, за которую десятилетиями ученики передразнивали его за спиной, – разочарованно хлопал ладонями и начинал копаться в книгах, вдыхая резкий запах кожаных переплетов и хорошей бумаги.

– Ничего, ничего, – говаривал он, – стоит ли жаловаться, когда у меня есть Гомер и Платон.

Он умер в холодную пору, вскоре после того, как его старый раб поскользнулся на обледенелых ступеньках и сломал себе шею. «Поразительно, – подумал Сулла тогда, – когда нить, издавна связывающая двух людей, резко обрывается, оба уходят». И после смерти старого учителя стало особенно видно, насколько все его любили. Не для Квинта Гавия Миртона было отвратительное, унижительное погребение за пределами городской стены в известковых ямах для неимущих. Внушительная процессия, профессиональные плакальщицы, надгробное слово... Погребальный костер источал аромат мирра и ладана, иерихонского бальзама. Красивая каменная гробница. Заплатили хранителям книг регистрации умерших в храме Венеры Либитины – это сделал владелец похоронного бюро. Похороны были организованы и оплачены двумя поколениями учеников, которые искренне оплакивали смерть своего старого наставника.

В толпе, провожающей Квинта Гавия Миртона из города к месту захоронения, Сулла шел с сухими глазами и высоко поднятой головой. Бросил несколько роз в разгоревшийся погребальный костер и внес свою долю – серебряный денарий. А позднее, после того как его отец вновь напился до бесчувствия, а его несчастная сестра, насколько могла, прибралась, Сулла сел в углу комнаты, где они жили в то время втроем, и задумался над неожиданно свалившимся на него богатством. Он просто не мог поверить своему счастью. Квинт Гавий Миртон оставил распоряжения относительно своей смерти так же четко и ясно, как раньше организовывал свою жизнь. Его завещание было зарегистрировано и отдано на хранение весталкам. Совсем небольшой документ, поскольку денег у старика не водилось. Все, что он мог завещать, – книги и его любимую модель Солнца, Луны и планет, вращающихся вокруг Земли, – он оставил Сулле.

Сулла горько заплакал: ушел его лучший, самый дорогой и искренний друг. Всю свою жизнь он будет помнить о маленькой библиотеке Миртона и о своем учителе.

– Придет день, Квинт Гавий, – с трудом проговорил он, – и я найду утраченные работы Аристотеля.

Конечно, ему не удалось сберечь книги и модель. Однажды Сулла пришел домой и обнаружил, что в углу, где он спал, не осталось ничего, кроме соломенного тюфяка. Отец забрал все сокровища Квинта Гавия Миртона и продал, чтобы купить себе выпивку. За всю их жизнь с отцом это был единственный случай, когда Сулла чуть не стал отцеубийцей. К счастью, сестра встала между ними – и он опомнился. Вскоре после этого она вышла замуж за своего Нония и уехала с ним в Пицен. А Сулла ничего не забыл и так и не простил отца. И даже в конце жизни, когда у него уже будут тысячи книг и полсотни моделей Вселенной, он все еще будет жалеть о потерянной библиотеке Квинта Гавия Миртона и помнить о своем горе.

Воспоминания пронесли. Сулла вернулся к настоящему – к размалеванной, топорной группе Аполлона и Дафны. Скользя взглядом далее, он наткнулся на еще более ужасную статую Персея с головой горгоны. Рывком вскочил он со скамьи, почувствовав в себе достаточно сил для встречи со Стихом. Твердой походкой Сулла прошел через сад в таблиний – кабинет, комнату, предназначенную исключительно для главы семьи. Но в силу отсутствия такового таблиний был предоставлен Сулле – единственному мужчине в доме.

Сулла вошел как раз в тот момент, когда прыщавый низкорослый бездельник набивал рот засахаренными фигами и тыкал липкими пальцами в книги, количество которых на стеллажах хоть и медленно, но увеличивалось.

Завидев Суллу, Стих поспешно отдернул руки, издав при этом звук, похожий на тонкое ржание.

– К счастью, мне известно, что ты слишком глуп, чтобы уметь читать, – сказал Сулла, щелкнув пальцами слуге, стоящему в дверях. – Поди сюда, – велел он смазливому греку, который не стоил и десятой доли той суммы, что отвалила за него Клитумна. – Принеси воду и чистую тряпку и убери грязь за господином Стихом.

Злобный, пугающий взгляд Суллы так и сверлил Стиха. Тот безуспешно пытался вытереть запачканные сиропом руки о свою дорогую тунику.

– Я хочу, чтобы ты наконец выкинул из головы мысль найти у меня книжки с похабными картинками! Их у меня нет. Мне они не нужны. Такие книжки – для людей, у которых кишка тонка что-либо сделать. Например, для таких, как ты, Стих.

– Настанет день, – сказал Стих, – когда этот дом и все, что в нем, будет моим. Тогда ты больше не будешь таким высокомерным!

– Надеюсь, ты много жертвуешь богам, чтобы отдалить этот день, Луций Гавий, потому что это будет твой последний день. Если бы не Клитумна, я давно уже разрубил бы тебя на мелкие кусочки и скормил собакам.

Стих, вскинув бровь, уставился на тогу, обтекающую мощную фигуру Суллы. Не то чтобы он боялся Суллы... Он слишком давно знает его. Но – чувствовал некую опасность и потому предпочел отступить. Благоразумие, усиленное сознанием того, что глупая стареющая тетка Клити рабски предана этому человеку.

Сегодня, приехав час назад, Стих застал свою тетку и ее наперсницу Никополис в полном расстройстве, потому что их дорогой Луций Корнелий, видите ли, покинул дом в гневе. Когда Стих выпытал у Клитумны всю историю, от Метробия до заключительного скандала, его чуть не стошнило.

Поэтому сейчас он плюхнулся в кресло Суллы и сказал:

– Ну-ну, сегодня мы выглядим как истинные римляне! Мы присутствовали на инаугурации консулов, да? Смех да и только! Твой род и вполнину не так знатен, как мой.

Сулла выдернул наглеца из кресла, так сильно сжав руками его челюсти, что жертва не смогла издать ни звука. Когда же Стих вновь обрел способность дышать, он увидел выражение лица Суллы, и желание закричать у него пропало. Он только стоял, оцепенев, как истукан.

– История моего рода, – проговорил почти вежливо Сулла, – тебя не касается. А теперь – вон из моей комнаты!

– Эта комната не вечно будет твоей! – задыхаясь, выкрикнул Стих, поспешно направился к двери и почти столкнулся с рабом, который возвращался с тазом и тряпкой в руках.

– Не рассчитывай на это! – крикнул ему вдогонку Сулла.

Дорогостоящий раб бочком втиснулся в комнату, стараясь быть как можно более незаметным. Сулла брезгливо посмотрел на него сверху вниз.

– Ты, жеманный цветочек, приberi здесь все, – сказал он и ушел искать женщин.

Стих быстрее Суллы оказался у Клитумны, которая закрылась со своим драгоценным племянником и, как доложил управляющий, не велела беспокоить. Поэтому Сулла прошел по колоннаде, окружающей внутренний сад, к анфиладе комнат, где обитала Никополис.

Из кухни, расположенной в дальнем конце сада, доносился аромат чабреца. В помещении, помимо кухни, имелись также ванная и прачечная. Как в большинстве домов на Палатине, дом Клитумны был подсоединен к водопроводу и канализации. Таким образом, не нужно было ходить за водой к общественному фонтану и нести ночные горшки в ближайшую общественную уборную.

– Знаешь, Луций Корнелий, – произнесла Никополис, откладывая вышивание, – если бы ты хоть иногда забывал о своих аристократических амбициях, это пошло бы тебе на пользу.

Вздыхнув, он удобно устроился на ложе, кутаясь в тогу, чтобы согреться, – в комнате было прохладно. Служанка по прозвищу Вифи сняла с него зимнюю обувь. Вифи была хорошенькая жизнерадостная девушка с труднопроизносимым именем, родом из далекой Вифинии. Клитумна взяла ее у племянника, заплатив недорого, но оказалось, что нечаянно приобрела сокровище.

Закончив расшнуровывать ботинки, девушка быстро вышла и почти сразу же вернулась с парой толстых теплых носков, которые натянула на красивые белоснежные ноги Суллы.

– Спасибо, Вифи. – Он улыбнулся девушке и небрежно взъерошил ей волосы.

Служанка вся так и засияла. «Смешное маленькое существо», – подумал он с нежностью, удивившей его самого. Но потом он понял, что она напоминает ему соседку – Юлиллу...

– Что ты имеешь в виду? – спросил он Никополис.

– Почему Стих, это маленькое, жадное пресмыкающееся, должен унаследовать все, когда Клитумна соединится со своими сомнительными предками? Если бы ты хоть чуть-чуть изменил тактику, Луций Корнелий, дорогой мой друг, большую часть она оставила бы именно тебе. А у нее много, поверь мне!

– Что он там делает? Скулит, что я побил его? – спросил Сулла, взяв у Вифи блюдо с орехами и вновь улыбнувшись ей.

– Конечно! Да еще приукрасил, я уверена. Я ни в коей мере не осуждаю тебя. Он отвратительный. Но он ее единственный кровный родственник, и она любит его, поэтому не видит его недостатков. Но тебя она любит больше, заносчивый ты негодник! Поэтому, когда ты в следующий раз с ней встретишься, не будь надменным и гордым. Лучше преподнеси сцену с Липучкой Стихом в таком виде, чтобы затмить все, что он наговорил.

Он смотрел на нее почти заинтригованный, однако не без доли скепсиса.

– Нет. Она не такая дура, чтобы клюнуть на это.

– О дорогой мой Луций! Когда ты захочешь, ты можешь заставить любую женщину проглотить любой крючок. Попробуй! Только разок! Ради меня! – умоляла Никополис.

– Нет. Я окажусь в дураках, Ники.

– Ты ведь знаешь, что не окажешься, – настаивала Никополис.

– Никакие деньги в мире не заставят меня унижаться перед такими, как Клитумна!

– Всех денег в мире у нее нет, но достанет на то, чтобы ты стал сенатором, – прошептала искусительница.

– Нет! Это не так. Да, у нее есть этот дом, но она все тратит, а что не тратит она – транжирит этот Липучка Стих.

– Да нет же! Как ты думаешь, почему банкиры ловят каждое ее слово, будто она – добродетельная Корнелия, мать Гракхов? Она вложила в их банки довольно приличное состояние. К тому же она не тратит и половины своего дохода. Кроме этого, отдадим должное Липучке Стиху, он тоже не нуждается. Пока счетовод и управляющий его покойного батюшки способны работать, бизнес Стиха будет процветать.

Сулла рывком вскочил с ложа, складки его тоги освободились.

– Ники, а ты уверена, что не рассказываешь мне сказки?

– Я охотно рассказала бы тебе сказочку-другую, но только не про это, – отозвалась она, вдевая в иголку пурпурную шерстяную и золотую нить.

– Она доживет до ста лет, – спокойно заметил он, вновь опускаясь на ложе. Не чувствуя больше голода, он отдал Вифи блюдо с орехами.

– Согласна, она может дожить до ста лет, – сказала Никополис, проткнув иглой ткань и очень осторожно протягивая блестящую нить. Ее большие черные глаза безмятежно смотрели на Суллу. – А может и не дожить. Ты знаешь, в ее роду не было долгожителей.

За дверью послышался шум. Очевидно, Луций Гавий Стих покидал наконец свою тетку Клитумну.

Сулла встал, служанка обула его в греческие сандалии. Его длинная и широкая тога спадала до самого пола, но он, кажется, не замечал этого.

– Хорошо, Ники, я попробую, но это будет единственный раз, – произнес он и усмехнулся. – Пожелай мне удачи!

Не успела она вымолвить слово, как он уже ушел.

Разговор с Клитумной не клеился. Стих знал, как преподнести историю, а Сулла не мог заставить себя унизиться до оправданий.

– Это ты виноват, Луций Корнелий, – раздраженно сказала Клитумна, нервно теребя унизанными кольцами пальцами дорогую бахрому своей шали. – Ты даже не хочешь постараться примириться с моим бедным мальчиком, в то время как он очень этого хочет!

– Он грязное маленькое ничтожество, – процедил Сулла сквозь зубы.

В этот момент Никополис, подслушивавшая за дверью, грациозно вплыла в комнату и устроилась на скамье рядом с Клитумной. Скромницей посмотрела на Суллу.

– В чем дело? – осведомилась Ники с невинным видом.

– Это все мои два Луция, – пожаловалась Клитумна. – Не хотят ладить... А я так хочу, чтобы они поладили между собой!

Никополис освободила пальцы Клитумны от бахромы, отцепила несколько нитей, зацепившихся за оправу колец, и поднесла ее руку к своей щеке.

– Бедняжка моя! – сочувственно проговорила она. – Твои Луции – просто парочка драчливых петухов.

– Но им придется договориться, – сказала Клитумна, – потому что мой дорогой Луций Гавий на будущей неделе переезжает к нам.

– Тогда съезжаю я! – объявил Сулла.

Обе женщины завизжали: Клитумна – пронзительно, Никополис – как маленький котенок, которому сделали бо-бо.

– Хватит строить из себя деточек! – прошептал Сулла на ухо Клитумне. – Он более или менее знает ситуацию в доме. Как он сможет жить в доме с женщиной, который спит между двух женщин, одна из которых – его собственная тетка?

Клитумна залилась слезами:

– Но он так хочет переехать ко мне! Как я могу отказать своему родному племяннику?

– Не беспокойся! Не будет меня – не станет и причин для недовольства, – сказал Сулла. Увидев, что Сулла хочет уйти, Никополис схватила его за руку.

– Сулла, дорогой Сулла, не делай этого! – воскликнула она. – Ты ведь можешь спать со мной, а когда Стиха не будет дома, Клитумна тоже присоединится к нам.

– Хитро придумала! – Клитумна вся напряглась. – Хочешь заграбастать его только для себя, жадная свинья!

Никополис побледнела:

– Ну а что еще ты посоветуешь? Все твоя глупость! Из-за тебя мы попали в такое положение!

– Заткнитесь вы обе! – тихо прорычал Сулла. Все, кто знал его, боялись этого шепота больше, чем крика любого другого мужчины. – Вы так много таскались в театр, что приучились ломать комедию в жизни. Пора взрослеть. Довольно вульгарщины. Меня тошнит от всей этой ситуации, я устал быть мужчиной наполовину!

– Но ты вовсе не наполовину мужчина! Просто ты две половинки. Одна – моя, другая – Ники! – капризно возразила Клитумна.

Трудно сказать, что причиняло большую боль – ярость или горе. Находясь на грани помешательства, Сулла смотрел на своих мучительниц, не в состоянии ни думать, ни видеть.

– Я не могу так больше! – произнес он вдруг с удивлением в голосе.

– Чепуха! Конечно можешь, – самодовольно возразила Никополис, нисколько не сомневаясь в том, что ее мужчина никуда не денется из-под ее каблука. – А теперь иди и сделай что-нибудь стоящее. Завтра ты почувствуешь себя лучше. У тебя всегда так бывает.

Вон из дома, куда угодно! Сулла не соображал, куда идет. Ноги сами несли его по переулку с Гермала к той части Палатина, что выходила к Большому цирку и Капенским воротам.

Здесь дома стояли реже, было больше зелени. Палатинский холм – не очень модный район, слишком далеко от Римского форума. Не замечая холода, в одной только домашней тунике, Сулла опустился на камень. Он не видел пустых рядов Большого цирка и красивых храмов Авентина. Мысленно он разглядывал перспективу, которая лежала перед ним и терялась в бесконечности. Его будущее было ужасно, отвратительно. Он видел кривую дорогу, по которой ему предстояло идти до самой смерти – без всякой надежды подняться наверх, с тоской, с полуголодным существованием. Пронзившая его боль была невыносима, его трясло. Он вдруг услышал скрежет зубов и понял, что громко стонет.

– Ты болен? – послышался чей-то голос, тихий и робкий.

Сначала, подняв голову, он ничего не увидел. Боль застила глаза. Потом взгляд медленно прояснился, и он разглядел заостренный подбородок, золотистые волосы, лицо с широкими скулами, огромные глаза цвета меда.

Девушка опустилась перед ним на колени, закутанная в кокон домашней пряжи, – точно такая же, как на пустыре Флакка.

– Юлия! – вздрогнув, воскликнул он.

– Нет, Юлия – моя старшая сестра. А меня зовут Юлилла, – откликнулась она с улыбкой. – Ты болен, Луций Корнелий?

– Болезнь мою не может вылечить врач. – Рассудок и память возвращались. Он осознал досадную правду последних слов Никополис. Завтра ему будет лучше. И это он ненавидел больше всего. – Я очень-очень хотел бы сойти с ума, – добавил он, – но, кажется, не смогу.

Юлилла так и не поднялась с колен.

– Если не можешь, значит Фурии не хотят этого.

– Ты здесь совсем одна? – спросил он неодобрительно. – О чем думают твои родители, отпуская тебя гулять одну в такой час?

– Со мной моя служанка, – спокойно ответила она, откидываясь назад, на пятки. Вдруг глаза ее сверкнули озорно, уголки рта взлетели вверх. – Она хорошая девушка. Самая преданная и здравомыслящая.

– Ты хочешь сказать, что она разрешает тебе идти куда хочешь и не доносит на тебя. Но когда-нибудь тебя поймут... – И это говорил человек, которого не поймали – до конца его дней!

– Но пока-то меня не поймали, так зачем беспокоиться?

Замолчав, она без всякого смущения принялась рассматривать его лицо, явно довольная тем, что видела.

– Ступай домой, Юлилла, – вздохнул он. – Если тебя застукают, пусть это будет не со мной.

– Потому что ты плохой человек? – спросила она без обиняков.

Сулла слабо улыбнулся:

– Можно сказать и так.

– А вот я не думаю, что ты плохой!

Какое божество послало ее в этот недобрый час? Благодарю тебя, неизвестный бог! Вдруг ему стало легко, словно действительно какой-то светлый гений, милостивый и добрый, пролетая, коснулся его. Странное чувство для человека, который почти не ведал добра.

– Нет, я плохой, Юлилла, – повторил он.

– Неправда! – Голос девочки прозвучал твердо и решительно.

Он уже распознал признаки нарождающегося девичьего обожания и знал, как можно убить его грубым словом или пугающим жестом. Но... не мог. Только не с ней. Она не заслуживала этого. Для нее он готов был порваться в своем заветном мешке, где хранил всякие трюки, ухватки и приемы, и вынуть из него самого лучшего Луция Корнелия Суллу, свободного от фальши, грязи, вульгарности.

– Что ж, спасибо тебе за веру в меня, маленькая Юлилла, – произнес он нерешительно, не зная, что она хотела услышать.

– У меня есть еще время, – серьезно сказала она. – Мы можем поговорить?

Он подвинулся на камне:

– Хорошо. Сядь сюда, земля слишком сырая.

– Говорят, ты позоришь свое имя. Но я не понимаю, как это возможно. У тебя просто не было возможности доказать обратное.

– Думаю, именно твой отец – автор этих слов.

– Каких слов?

– Что я позорю свое имя.

Она возмутилась:

– О нет! Это не папа! Он самый умный человек на свете.

– А мой был самым глупым. Мы с тобой находимся на противоположных концах римского общества, малышка Юлилла.

Разговаривая, она выдергивала длинную траву вокруг камня, обрывала корневища и тонкими проворными пальчиками плела венки.

– Вот, – наконец сказала она, протягивая венок ему.

У него перехватило дыхание. Будущее сжалось, приоткрылось, чтобы показать ему нечто, и вновь померкло. Боль вернулась.

– Венок из трав! – воскликнул он удивленно. – Нет! Это не для меня!

– Конечно для тебя, – возразила она и, поскольку он не протянул руку за венком, наклонилась и возложила венок на голову Суллы. – Это должны быть цветы, но в это время года цветов нет.

Она не понимала! Ладно, он ничего не скажет ей. И все-таки сказал:

– Венок из цветов вручают только любимому.

– Ты и есть мой любимый, – тихо отозвалась она.

– Это ненадолго, девочка. Это пройдет.

– Никогда!

Он встал с камня, засмеялся, глядя на нее:

– Перестань! Ведь тебе не больше пятнадцати!

– Шестнадцать! – быстро уточнила она.

– Пятнадцать, шестнадцать, какая разница? Ты же еще ребенок.

Она покраснела от негодования, черты лица ее заострились.

– Я не ребенок! – закричала она.

– Конечно ребенок! – Он снова засмеялся. – Посмотри на себя, вся спеленутая, маленькая пухлая глупышка.

Ну вот! Так-то лучше! Это должно поставить ее на место.

Да. Это поставило ее на место. И если бы только... Теперь это был цветок, убитый морозом, – сморщенный, мертвый. Свет померк в ней.

– Я некрасивая? – спросила она. – А я всегда думала, что красивая.

– Взросление – жестокая вещь, – резко произнес Сулла. – Думаю, почти во всех семьях родители говорят своим дочкам, что они красивые. Но мир судит по другим меркам. Когда ты станешь взрослой, у тебя будет муж.

– Я хочу только тебя, – прошептала она.

– Ну вот еще! Выбрось это из головы, откормленный глупенький шенок. Беги прочь, пока я не прищемил тебе хвостик. Давай! Кыш!

Она помчалась так быстро, что служанка не могла догнать ее, напрасно умоляя остановиться. Сулла стоял, глядя им вслед, пока они не исчезли за склоном холма.

Венок все еще оставался у него на голове. Рыжевато-коричневая трава оттеняла огненно-рыжие кудри. Сулла снял венок, но не бросил, а долго глядел на него, держа в руках. Потом спрятал в складках туники и пошел прочь.

Бедняжка. Он все-таки обидел ее. Но ее надо было отговорить. В его и без того сложной жизни не хватало только вздыхающей по нему соседской девчонки, да еще дочки сенатора.

С каждым шагом сухие стебли венка кололи его, напоминая о себе. Corona Graminea. Венец из трав. Награда спасителю. Возложенная на его голову здесь, на Палатине, где сотни лет назад стоял первый город Ромула, – несколько хижин под соломенными крышами, наподобие той, которая сохранилась возле Лестницы Кака. Венец из трав, подаренный ему олицетворением Венеры – Юлией. Предзнаменование.

– Если это осуществится, я построю тебе храм, Венера Победительница! – громко крикнул Сулла.

Ибо наконец он увидел свой путь. Опасный. Отчаянный. Но терять ему нечего, а получить он может много. И это – невзирая на все препоны – на самом деле возможно.

Зимние сумерки уже опустились на город, когда Сулла вернулся в дом Клитумны и спросил, где женщины. Они были в столовой. О чем-то, как всегда, шептались в ожидании его. Еще не ужинали. Без сомнения, предметом разговора был он. При его появлении они быстро отодвинулись друг от друга с невинным выражением лица.

– Мне нужны деньги, – смело заговорил он.

– Но Луций Корнелий... – начала было Клитумна, насторожившись.

– Заткнись, старая шлюха! Мне нужны деньги!

– Луций Корнелий!

– Я уезжаю отдохнуть, – заявил он, не сдвинувшись с места. – Тебе решать. Если ты хочешь, чтобы я вернулся, если ты хочешь, чтобы все продолжалось, как прежде, дай мне тысячу денариев. Иначе я покидаю Рим навсегда.

– Каждая из нас даст тебе по половине этой суммы, – неожиданно вмешалась Никополис, пристально глядя на Суллу своими тревожными черными глазами.

– Сейчас же! – добавил он.

– Но в доме нет таких денег, – возразила Никополис.

– Лучше, если они каким-нибудь образом найдутся, потому что ждать я не намерен.

Пятнадцать минут спустя, когда Никополис вошла к нему в комнату, Сулла упаковывал вещи. Сев на его кровать, она молча смотрела, ожидая, когда он обратит на нее внимание.

И все-таки первая прервала молчание:

– Деньги у тебя будут. Клитумна послала управляющего к своему банкиру... Куда ты едешь?

– Не знаю, мне все равно. Только бы подальше отсюда.

– Ты складываешь вещи, как солдат.

– Откуда ты знаешь, как солдат собирает свои вещи?

– О, одно время я была любовницей военного трибуна. Поверишь ли, всюду ездила за ним! Чего только не сделаешь из-за любви – в молодости... Я обожала его. Я поехала за ним в Испанию, потом в Азию. – Она вздохнула.

– И что случилось потом? – спросил он, не переставая заниматься своим делом.

– Он был убит в Македонии, и я вернулась домой.

Жалость наполнила ее сердце, но не к погибшему любовнику, а к Луцию Корнелию. К пойманному в ловушку красивому льву, которому суждена грязная, отвратительная арена. Почему человек любит? Это так больно... Она улыбнулась, но улыбка не украсила ее.

– Он оставил мне по завещанию все, что имел, и я стала довольно богатой. В те дни было много трофеев.

– Сердце мое истекает кровью, – фыркнул Сулла, положил бритвы в полотняный футляр и сунул в переметную суму.

По ее лицу пробежала судорога.

– Это мерзкий дом! – сказала она. – О, как я ненавижу его! Все мы злые и несчастные. Много ли истинно приятных слов говорим мы друг другу? Оскорбления, унижение, раздражение, злоба. Почему я здесь?

– Потому, дорогая моя, что ты стареешь, – пояснил он, хотя она и так это знала. – Ты уже не та молоденькая девица, которая таскалась за солдатами по Испании и Азии.

– И ты ненавидишь нас, – продолжала она. – В этом причина? В тебе? И становится все хуже и хуже.

– Согласен. Становится хуже. Поэтому я и уезжаю – на время. – Он связал вместе оба мешка, легко их поднял. – Хочу побыть свободным. Хорошо провести время в каком-нибудь сельском городишке, где меня никто не знает. Жрать там, пить до блевоты, обрюхатить хотя бы полдюжины девок, раз пятьдесят подраться с мужиками, которые думают, что со мной можно справиться одной левой. Попробую задницы всех симпатичных мальчиков. – Он зло усмехнулся. – А потом, дорогая моя, обещаю, покорно вернусь домой. К тебе, Липкому Стиху и тете Клити. И заживем мы счастливо.

Он умолчал о том, что берет с собой Метробия. Старому Скилаксу он тоже ничего об этом не скажет.

И уж вообще никому, даже Метробию, Сулла не сообщил, что он на самом деле собирается предпринять. У него не было намерения отдохнуть. Поездка задумывалась как познавательная. Сулле предстояло познакомиться с фармакологией, химией и ботаникой.

Он вернулся в Рим лишь в конце апреля. Оставив Метробия у Скилакса, на Целийском холме, Сулла отправился в Капену, чтобы вернуть двуколку и мулов, которых там арендовал. Заплатив по счету, он перекинул через левое плечо переметные сумы и направил стопы в Рим. С ним не было слуги. Они с Метробием вынуждены были довольствоваться услугами персонала гостиниц и постоялых дворов, где останавливались, путешествуя по полуострову.

Сулла медленно шел по Аппиевой дороге, туда, где в кирпичной кладке крепостного вала находились Капенские ворота. Рим нравился Сулле. Согласно легенде, Сервиева стена была воздвигнута царем Сервием Туллеем еще до установления Республики, но, как большинство

патрициев, Сулла знал, что по крайней мере триста лет назад, когда галлы разграбили город, этих фортификаций еще не было. Несметными ордами галлы спустились с западных склонов Альп, наводнили долину реки Пад на далеком севере. Многие так и осели в тех краях, особенно в Умбрии и Пицене. Но те, кто прошел по Кассиевой дороге через Этрурию, направились прямо в Рим. Достигнув Рима, галлы изгнали почти всех исконных жителей. И только после этой катастрофы была возведена городская Сервиева стена. Итальянцы же из долины Пада, всей Умбрии и Северного Пицена смешали свою кровь с кровью галлов и стали презренными полукровками. С тех пор Рим всегда следил, чтобы крепостной вал содержался в порядке. Урок они получили суровый, и страх перед вторжением варваров все еще жил в душе каждого римлянина.

Хотя на Целийском холме имелось несколько дорогих высоких домов, местность до самых Капенских ворот в основном оставалась сельской. Здесь располагались скотный двор, скотобойня, курильни, пастбища для скота, который потом отсылали на самый большой рынок во всей Италии.

А вот за Капенскими воротами начинался уже настоящий город. Не перенаселенное скопление домов, как Субура и Эсквилин, но тем не менее город. Сулла миновал Большой цирк, поднялся по Лестнице Кака на Гермал. Оттуда уже недалеко до дома Клитумны.

У входа в дом он глубоко вздохнул – и постучал. И мгновенно очутился среди визжащих женщин. Никополис и Клитумна плакали и верещали от восторга, они висели у него на шее, а когда он стяхнул их, продолжали кружить возле, не желая ни на мгновение оставить его в покое.

– Где теперь я буду спать? – спросил он, отказываясь отдать свои переметные сумы слуге, которому очень хотелось их забрать.

– Со мной, – ответила Никополис, бросив победный взгляд на вдруг поникшую Клитумну.

Дверь в кабинет была плотно закрыта. Следуя за Никополис к колоннаде, Сулла заметил это. Он оставил мачеху в отчаянии ломать себе руки в атриум.

– Я так понимаю, что Липучка Стих теперь хорошо устроился? – спросил он Никополис.

– Сюда, – сказала она, не отвечая на его вопрос: ей не терпелось показать ему его новое жилище.

Она решила отдать ему свою просторную гостиную, оставив себе спальню и вторую комнату – маленькую. Сулла ощутил прилив благодарности. С едва уловимой печалью он посмотрел на нее, испытывая к ней в этот момент более теплые чувства, чем когда-либо.

– Это мне? – спросил он.

– Тебе, – ответила она, улыбаясь.

Сулла швырнул сумки на кровать.

– А Стих? – осведомился он, желая поскорее услышать худшее.

Конечно, она хотела, чтобы он поцеловал ее, занялся с ней любовью, но она слишком хорошо знала его, чтобы понимать: длительная разлука с ней и Клитумной – еще не повод. Любовь должна подождать. Вздохнув, Никополис смирилась с ролью информатора.

– Стих и правда основательно устроился, – признала она и прошла к сумкам, чтобы распаковать их.

Он решительно отстранил ее, затолкал сумки за сундук для одежды и направился к своему любимому креслу – оно было здесь. Никополис присела на кровать.

– Я хочу знать все новости, – сказал он.

– Стих здесь. Спит в спальне хозяина и пользуется кабинетом, конечно. С одной стороны, это даже лучше, чем мы ожидали. Видеть Стиха рядом каждый день – невыносимо даже для Клитумны. Еще несколько месяцев – и, я уверена, она выгонит его. Умно ты поступил, что уехал. – Она рассеянно поглаживала подушки. – Признаюсь, что зимой я так не думала, но

ты оказался прав, а я не права. Стих въехал как триумфатор, а тебя нет. Омрачить его славу некому... Что тут началось! Твои книги были отправлены в мусорный ящик... Нет-нет, все в порядке, слуги спасли их! За книгами последовали все твои личные вещи и одежда. Поскольку слуги тебя любят, а его терпеть не могут, твои вещи сохранились. Они здесь, в этой комнате.

Его тусклый взгляд скользнул по стенам, по красивому мозаичному полу.

– Хорошая комната, – одобрил он. – Продолжай.

– Клитумна пришла в отчаяние. Она не предполагала, что Стих выкинет твои вещи. Вообще, я не думаю, что она сама хотела, чтобы он въехал, но, когда он запросился к ней жить, не нашла способа отказать. Родная кровь, последний родственник и все такое... Клитумна умом не блещет, но она очень хорошо знала: единственной причиной его переезда была надежда вышвырнуть тебя на улицу. Ведь Стих ни в чем не нуждается. Но тебя здесь не было, чтобы видеть, как выбрасывают твои вещи. Радость Стиха подкисла. Ни ссор, ни сопротивления, ни твоего присутствия. Лишь угрюмые вялые слуги, плачущая тетя Клити – и я. Но я смотрела на него как на пустое место.

Маленькая служанка Вифи робко вошла в комнату с подносом сдобных булочек, пирожков с мясом, сладких пирожных, поставила закуски на угол стола, застенчиво улыбнулась Сулле. Заметила за сундуком кожаный ремешок, соединяющий две сумки, направилась туда, желая распаковать вещи.

Сулла метнулся к девушке, чтобы перехватить ее, – так быстро, что Никополис поначалу ничего даже не понял. Только что он сидел, удобно развалившись в кресле, – и в следующее мгновение уже спокойно отстраняет девушку от сундука. Улыбнувшись служаночке, Сулла слегка ущипнул ее за щеку и выпроводил за дверь.

Никополис удивилась:

– В чем дело? Ты беспокоишься о своих сумках? Что в них? Ты как собака, стерегущая кость.

– Налей мне немного вина, – велел он, вновь опускаясь в кресло и беря с блюда пирожок с мясом.

Вина-то она налила – неразбавленного, но тему менять не собиралась.

– Ну же, Луций Корнелий, что там такого, в этих сумках, что ты никому не хочешь показывать?

Уголки губ его опустились. Он раздраженно всплеснул руками:

– Как ты думаешь, что там может быть? Я почти четыре месяца провел вдали от моих девочек! Признаюсь, не все время я думал о вас, но все-таки думал! Особенно когда видел какую-нибудь безделушку, которая могла бы глянуться кому-нибудь из вас.

Черты лица ее смягчились, лицо засветилось. Дарить подарки – это не в духе Суллы. Никополис не могла припомнить случая, чтобы Сулла подарил им что-нибудь, пусть даже самую пустяковую грошовую вещицу. Она хорошо разбиралась в людях и знала, что это не было признаком жадности или бедности. Щедрые люди дают, даже когда им нечего дать.

– О Луций Корнелий! – воскликнула она, вся сияя. – Правда? Когда я могу посмотреть?

– Когда я сделаюсь добреньким и буду готов показать, – ответил он, повернув кресло, чтобы выглянуть в окно. – Который час?

– Не знаю... около восьми, наверное. Во всяком случае, ужина еще не подавали, – сказала она.

Он встал, прошел к сундуку, зацепил пальцем ремешок и вытащил сумки. Перекинул их через плечо.

– Я вернусь к ужину, – сообщил он.

С открытым ртом она смотрела, как он идет к двери:

– Сулла! Ты самый невыносимый человек на всем белом свете! Клянусь! Не успел вернуться домой – и уже уходишь куда-то! Сомневаюсь, что ты идешь навестить Метробия, потому что брал его с собой!

При этих словах Сулла остановился. Усмехнувшись, он пристально посмотрел на женщину:

– О, понимаю! Скилакс приходил жаловаться, да?

– Можно сказать и так. Пришел как трагик, играющий Антигону, а ушел как комик, исполняющий роль евнуха. Клитумна определенно способствовала повышению его голоса! – Она засмеялась.

– Так ему и надо, старому развратнику. Ты знаешь, что он нарочно не разрешал мальчику учиться читать и писать?

Но сумки все-таки не давали Никополис покоя.

– Не доверяешь нам, боишься их оставить здесь? – спросила она.

– Я не дурак, – ответил он кратко – и отбыл.

Женское любопытство. Все-таки он дурак. Не предусмотрел этого. Целый час Сулла транжирил на рынке свой последний серебряный денарий из тысячи. Хотел оставить его на будущее... Женщины! Любопытные, во все сующие свой нос свиньи! Почему он не подумал об этом раньше?

Сумки наполнились шарфами, браслетами, легкомысленными восточными туфлями без задников, всякой ерундовой мишурой для волос. Слуга открыл Сулле, сообщив, что обе госпожи и господин Стих в столовой. Но он решил еще выждать и пока не встречаться с ними.

– Доложи, что я скоро присоединюсь к ним, – распорядился он и направился в комнаты Никополис.

В комнатах никого не было. На всякий случай Сулла закрыл ставни и запер дверь на засов. Наспех купленные подарки вывалил кучей на стол вместе с несколькими новыми книгами. Выложил на кровать одежду. Затем с самого дна сумки извлек две пары носков, в них были завернуты два небольших флакона, пробки которых были густо запечатаны воском. Вслед за флаконами появилась простая деревянная шкатулка – совсем небольшая, она могла уместиться на ладони. Не удержавшись, Сулла приподнял плотно прилегающую крышку. Там не было ничего особенного: только несколько унций белесого порошка. Сулла опустил крышку и решительно прихлопнул ее. Потом хмуро оглядел комнату. Куда?

Рядком выстроились на длинном узком столе старинные деревянные ларцы, выполненные в форме храмов. Реликвии дома Корнелия Суллы. Все, что он унаследовал от отца. Все, что отец не сумел выменять на вино – больше из-за того, что не мог найти покупателя, чем из нежелания продавать. Пять кубов со стороны в два фута, между колоннами – расписные деревянные дверцы. У каждого фронтон украшен резными храмовыми фигурками на коньке и на сливах. На простом антаблементе под фронтоном написано мужское имя. Первое – имя предка, общего для всех семи ветвей патрицианского дома Корнелиев. Второе – Публий Корнелий Руфин, консул и диктатор, который жил и умер около двухсот лет назад. Затем – его сын, дважды консул и один раз диктатор в период Самнитских войн, впоследствии изгнанный из сената за утайку серебряного блюда. Первый Руфин, названный Суллой, – этот всю свою жизнь был фламинном Юпитера Всеблагого Всесильного. И последнее имя – сын претора, Публий Корнелий Сулла Руфин, известный как основатель *ludī Apollinares* – Аполлоновых игр.

Реликвию первого Суллы открыл Сулла теперешний – очень осторожно, ибо дерево за долгие годы совершенно обветшало. Когда-то краска была яркой, миниатюрные рельефные фигурки имели четкие очертания. Теперь же краски потускнели, облупились, фигурки обтерлись.

Конечно, Сулла никогда не отказывался от мысли найти наконец деньги и подновить семейные реликвии. Он бы хотел иметь дом с внушительным атрием, где мог бы с гордостью выставить ларарии. Но сейчас его волновала иная мысль: как спрятать два флакона и шкатулку с порошком? Ему сразу пришло на ум, что для этого отменно подходит обиталище *flamen Dialis* – фламينا Юпитера Всеблагого Всесильного, самого почитаемого человека в Риме тех дней.

Внутри находилась восковая маска в парике, выполненная с большим искусством, почти живое лицо. На Суллу смотрели глаза – голубые, в отличие от его собственных, бледно-серых. Кожа Руфина была светлой, но не такой белой, как у Суллы; волосы, густые и кудрявые, были скорее морковно-красного цвета, чем золотисто-рыжего. Маска была надета на деревянную болванку в форме головы, с которой ее можно было снять.

Последний раз ее извлекали во время похорон отца. Сулла оплатил эти похороны неприятной ценой нескольких свиданий с человеком, которого презирал.

Нежно, осторожно Сулла закрыл дверцу. Потрогал ступени подиума, которые выглядели гладкими и бесшовными. Но, как и у настоящего храма, на самом деле этот подиум был полым. Сулла нажал на нужное место – и из передних ступеней выдвинулся ящик. Он не предназначался для тайного хранения чего-либо. Просто служил надежным местом, где можно держать летопись подвигов предка, а также подробное описание его роста, походки, осанки, физических привычек, особых примет. Когда какой-нибудь очередной Корнелий Сулла умирал, родственники покойного нанимали актера. Он надевал маску и имитировал умершего предка настолько точно, что можно было подумать, будто тот нарочно вернулся, дабы увидеть, как усопшего потомка его патрицианского рода провожают из мира, украшением которого он сам когда-то был.

В ящике находились документы, относящиеся к Публию Корнелию Сулле Руфину-жрецу, но оставалось еще довольно места для флаконов и шкатулки. Сулла положил их туда и задвинул ящик. Руфин сбережет его тайну.

Успокоившись, Сулла открыл ставни, снял с двери засов. Сгреб безделушки, раскиданные по всему столу, и злобно усмехнулся, вынув нужный свиток из стопки других.

Уж конечно, Луций Гавий Стих занимал место хозяина на левом конце среднего ложа. Это была одна из немногих столовых, где женщины скорее возлежали, чем сидели на стульях с высокими спинками, поскольку ни Клитумна, ни Никополис не желали следовать устаревшим правилам.

– Это вам, девочки, – сказал Сулла.

Прямо на ходу он кинул двум обожающим его женщинам горсть подарков. Он хорошо выбрал: такие вещи могли быть куплены где угодно, не только на римском рынке.

Прежде чем опуститься на первое ложе между Клитумной и Никополис, он швырнул перед Стихом свиток.

– И кое-что для тебя, Стих, – добавил он.

Пока Сулла устраивался между женщинами, хихикающими и мурлыкающими от удовольствия, пораженный Стих развязал тесьму и развернул свиток. Два алых пятна вспыхнули на его желтовато-бледных прыщавых щеках, когда он увидел великолепно нарисованные и раскрашенные мужские фигуры. Они выполняли друг с другом атлетические упражнения. И у каждого была эрекция. Трясущимися пальцами Стих свернул папирус и перевязал его тесьмой. После этого он еще должен был собраться с силами и взглянуть на дарителя. Страшные глаза Суллы презрительно смеялись поверх головы Клитумны.

– Спасибо, Луций Корнелий, – пропищал Стих.

– Пожалуйста, Луций Гавий, – ответил Сулла низким голосом.

В этот момент внесли закуски, приготовленные наскоро, как подозревал Сулла, в честь его приезда. Помимо обычных оливок, латука и яиц, сваренных вкрутую, подали также фаза-

нии сосиски и куски тунца в масле. Сулла ел с удовольствием, бросая злобные взгляды на Стиха, одиноко сидящего на своем ложе, в то время как его тетя старалась придвинуться поближе к Сулле, а Никополис без всякого стыда оглаживала его пах.

– Ну и какие же новости на домашнем фронте? – осведомился он, когда с первым блюдом было покончено.

– Ничего особенного, – сказала Никополис, которую больше интересовало то, что происходило под ее рукой.

Сулла повернулся к Клитумне.

– Я не верю ей, – заявил он, взял Клитумну за руку и стал покусывать ей пальцы. Заметив на лице Стиха выражение отвращения, он начал демонстративно их лизать. – Скажи ты мне, любовь моя... – лизнул, – потому что я отказываюсь верить... – лизнул, – что ничего не случилось. – Лизнул, лизнул, лизнул.

К счастью, в этот момент внесли главное блюдо. Жадная Клитумна вырвала руку, чтобы схватить кусок жареной баранины в тимьяновом соусе.

– Наши соседи, – сказала она между глотками, – вполне компенсировали ту тишину, которая установилась в нашем доме, пока тебя не было. – Она вздохнула. – Жена Тита Помпония родила мальчика в феврале.

– Боги! Еще один будущий скряга-банкир! – прокомментировал событие Сулла. – Цецилия Пилия в порядке, надеюсь?

– В полном! Никаких осложнений вообще.

– А что у Цезаря? – Он думал о восхитительной Юлилле и о венце из трав, который она возложила на его голову.

– Там большие новости! – Клитумна облизала пальцы. – У них была свадьба. Собралось все высшее общество.

Что-то случилось с сердцем Суллы. Казалось, оно упало, словно камень, в самый низ живота, да так и осталось там, болтаясь среди еды. Очень странное ощущение.

– Да? – переспросил он равнодушно.

– Правда! Старшая дочь Цезаря вышла замуж, и не за кого-нибудь, а за Гая Мария! Противный тип, правда?

– Гай Марий...

– Ты должен знать его, – заметила Клитумна.

– Не думаю. Марий... Должно быть, «новый человек».

– Именно. Пять лет назад он был претором, но стать консулом ему так и не удалось. Зато он получил наместничество в Дальней Испании и там сколотил крупное состояние: рудники и тому подобное, – пояснила Клитумна.

Почему-то Сулла вспомнил человека с лицом орла, которого видел на инаугурации новых консулов. На нем тогда была тога с пурпурной полосой.

– Как он выглядит?

– Гротескно, мой дорогой! Особенно брови! Как волосатые гусеницы. – Клитумна протянула руку к тушеной брокколи. – И, кроме того, он лет на тридцать старше Юлии, бедняжки!

– Что в этом такого необычного? – резко спросил Стих, чувствуя, что пора и ему вставить словцо. – По крайней мере половина девиц в Риме выходят замуж за мужчин, которые годятся им в отцы.

Никополис нахмурилась.

– Я бы не сказала, что половина, – возразила она. – Правильнее было бы сказать, четверть.

– Но это же отвратительно! – воскликнул Стих.

– Отвратительно? Вздор! – энергично заявила Никополис, выпрямляясь, чтобы взгляд ее казался более эффектным. – Позволь заметить тебе, что старик многое может дать молодой девушке! Во всяком случае, более пожилые люди умеют быть заботливыми и благоразумными!

Моим худшим любовникам было меньше двадцати пяти. Думают, что всё об этом деле знают, а сами-то не знают ничего. Новобранцы! Кончают, не успев начать! Словно бык тебя боднул.

Поскольку Стиху было двадцать три года, он не сдержался.

– А ты? Полагаешь, ты все в этом деле постигла? – насмешливо осведомился он.

Она спокойно посмотрела на него:

– Да уж побольше тебя, недоносок.

– Ну хватит! Сегодня давайте только веселиться! – воскликнула Клитумна. – Ведь наш дорогой Луций Корнелий вернулся!

Их дорогой Луций Корнелий тут же схватил свою мачеху, повалил ее на ложе и стал щекотать, пока она не завизжала, высоко вскинув ноги. Никополис в ответ принялась щекотать Суллу, и на ложе образовалась настоящая свалка.

Это уже было слишком. Схватив подаренную ему книгу, Стих поднялся с ложа и твердой походкой вышел из комнаты. А они даже не заметили, что он уходит! Как же все-таки изгнать этого человека? Тетка просто с ума по нему сходит! Даже когда Суллы не было, Стиху так и не удалось убедить ее выбросить его вещи. Она только плакала, жалуясь, что два ее дорогих мальчика не могут поладить.

Хотя Стих почти ничего не ел за обедом, расстраиваться он не стал. В таблички у него имелся хороший склад съестных припасов: полный кувшин его любимых фиг в сиропе, небольшой поднос медовых пирожков, который повар должен был все время пополнять, несколько видов ароматного желе, доставленного из Парфии, коробка крупного сочного изюма, медовые пряники, вино на меду. Стих вполне мог обойтись без жареной баранины и тушеной брокколи. Он был сладкоежкой.

Подперев подбородок рукой, при свете пяти свечей, рассеивающих вечерние сумерки, Луций Гавий Стих жевал засахаренные фиги и внимательно рассматривал иллюстрации в книге. Читал короткие пояснения на греческом. Конечно, этим подарком Сулла хотел сказать, что сам он не нуждается в подобных книгах, потому что все это уже проделал на практике. Но это не умаляло интереса; Стих не был таким гордым. Ах! Ах, ах, ах! Что-то происходило под его расшитой туникой! И он незаметно опустил руку на колени с таким невинным видом... Даже жаль становилось, что свидетелем этого был лишь кувшин с засахаренными фигами.

Поддавшись импульсу – и ненавидя себя за это, – Луций Корнелий Сулла на следующее утро шел через Палатин к тому месту, где встретился с Юлиллой. Был самый разгар весны. То и дело попадались яркие пятна цветов: нарциссы, анемоны, гиацинты, фиалки, даже местами ранние розы. Дикие яблони в бело-розовом цвету. Камень, на котором он сидел тогда, в январе, теперь стал почти невидим среди буйно разросшейся травы.

Юлилла со служанкой была там. Она похудела, медовый цвет ее волос поблек. Когда она увидела его, дикая радость залила краской ее лицо, кожу, волосы – она стала красивой! О, никогда в мире ни одна женщина не была такой красивой! От этого зрелища волосы зашевелились на голове. Сулла остановился как вкопанный. Его охватил благоговейный страх, граничащий с ужасом.

Венера. Она была Венерой. Повелительницей жизни и смерти. Ибо для чего дается жизнь, как не для продолжения рода, и что такое смерть, как не прекращение этой жизни? Все остальное – декорация, безвкусные украшения, которые придумали мужчины, чтобы убедить себя, что жизнь и смерть должны значить больше.

О, она была Венерой!.. Но делало ли это его Марсом, равным ей божеством? Или же он – Анхиз, простой смертный, которого она остановила, только вообразив, будто полюбила его?

Нет, Марсом он не был. Жизнь определила его быть лишь украшением. И при этом – самым дешевым, мишурой, блесткой. Кем же он может быть, как не Анхизом, человеком, чья настоящая слава заключалась лишь в том, что Венера на какой-то момент снизошла до него?

Его трясло от ярости. И он направил всю свою злость и разочарование против нее. В нем возникло желание ударить ее, низвести Венеру до Юлиллы.

– Я слышала, что ты вчера вернулся, – сказала она, не двигаясь с места.

– Шпионов разослала? – осведомился он, не приближаясь к ней.

– На нашей улице этого не требуется, Луций Корнелий. Слуги знают все, – возразила Юлилла.

– Надеюсь, ты не воображаешь, что я пришел сюда в поисках тебя? Потому что это не так. Я пришел сюда в поисках покоя.

Она действительно еще больше похорошела, хотя он не думал, что это возможно. «Моя девочка-мед», – подумал он. Юлилла... Имя сорвалось с губ, как капля меда. Как имя Венеры.

– Значит ли это, что я нарушила твой покой? – спросила она.

И до чего уверена в себе – необычайно для такой молодой девушки!

Он засмеялся. Ему удалось сделать так, что смех прозвучал легко, весело.

– О боги! Девочка, сколько же тебе еще расти! – воскликнул он, смеясь. – Я сказал, что пришел сюда в поисках покоя. Это значит, что я надеялся здесь его найти. Если подумать хорошенько, то ни на йоту ты не нарушаешь моего покоя.

Она все еще сопротивлялась:

– И вовсе нет! Это должно означать, что ты не ожидал увидеть меня здесь.

– Вот мы и пришли к тому, с чего начали, – к равнодушию, – сказал он.

Конечно, состязание было не на равных. У него на глазах она съежилась, потускнела – бессмертная стала смертной.

Лицо ее сморщилось, но ей удалось сдержать слезы. Юлилла только смотрела на него – озадаченно. То, как он выглядел и что говорил, никак не соотносилось с тем, что чувствовало ее сердце. А сердце говорило, что он попал в ее сети.

– Я люблю тебя! – сказала она, словно это все объясняло.

Он опять засмеялся:

– Что ты можешь знать о любви в пятнадцать лет?

– Мне уже шестнадцать!

– Послушай, дитя, – резко сказал Сулла, – оставь меня в покое! Ты не только назойлива и несносна, но уже становишься обременительной. – Он повернулся и пошел прочь, ни разу не оглянувшись.

Юлилла не разразилась слезами; но было бы лучше, если бы она заплакала. Неистовые и мучительные рыдания помогли бы ей понять, что она была не права. Что у нее нет ни шанса заполучить его.

Она направилась туда, где ждала Хрисеида, ее служанка, делая вид, будто разглядывает пустынный Большой цирк. Юлилла шла с высоко поднятой головой. Она была гордой.

– С ним будет трудно, – сказала она, – но ничего. Рано или поздно он будет моим, Хрисеида.

– Не думаю, что он хочет тебя, – сказала Хрисеида.

– Конечно он хочет меня! – фыркнула Юлилла. – Он отчаянно хочет меня!

Зная Юлиллу, Хрисеида предпочла смолчать. Вместо того чтобы попытаться урезонить хозяйку, она лишь вздохнула, пожала плечами:

– Поступай как знаешь.

– Я всегда так и делаю, – отрезала младшая дочь Юлия Цезаря.

Они молча направились домой. Это было для них необычно – обе считались болтушками. Госпожа и служанка были почти ровесницами – они и выросли вместе. Возле огромного храма Великой Матери Юлилла решительно сказала:

– Я откажусь есть.

Хрисеида остановилась:

– И как ты думаешь, к чему это приведет?

– Ну, в январе он сказал, что я толстая. Я и была толстой.

– Юлилла, ты не толстая!

– Толстая. Поэтому с января я не ела сладостей. И похудела, но еще недостаточно. Ему нравятся худые женщины. Посмотри на Никополис. У нее руки как палочки.

– Но она старая! – воскликнула Хрисеида. – Что хорошо для тебя, нехорошо для нее. Кроме того, твои родители забеспокоятся, если ты перестанешь есть. Они подумают, что ты заболела!

– Вот и хорошо, – молвила Юлилла. – Если они решат, что я заболела, так же подумает и Луций Корнелий. И забеспокоится обо мне.

Лучших и более убедительных аргументов Хрисеиды не могла и придумать, ибо она не блистала ни умом, ни здравомыслием. Поэтому она попросту залилась слезами, чем доставила Юлилле большое удовольствие.

Спустя четыре дня после возвращения Суллы в дом Клитумны Луций Гавий Стих слег с несварением желудка. Встревоженная Клитумна созвала полдюжины самых известных докторов Палатина; общий диагноз гласил: отравление пищей.

– Рвота, колики, понос – классическая картина, – озвучил общее заключение их спикер, римский врач Публий Попиллий.

– Но он же не ел ничего, чего не ели бы и мы! – возразила Клитумна с неподдельным страхом в голосе. – Он вообще ест куда меньше, чем мы, и это меня тревожит больше всего!

– Ах, госпожа, думаю, ты заблуждаешься, – еле слышно пробормотал длинноносый грек Афинодор Сикул, практикующий врач, известный своим стремлением всегда докопаться до самой сути. Он прошелся по дому, заглянул в каждую комнату, в атрий, в покои, расположенные вокруг внутреннего сада. – Тебе, разумеется, известно, что у Луция Гавия в кабинете целая лавка сладостей?

– Фи! – взвизгнула Клитумна. – Ну уж и лавка! Несколько фиг да пирожков, вот и все. Да он почти и не притрагивается к ним!

Шестеро ученых мужей переглянулись.

– Госпожа, он поглощает их весь день и еще полночи – так мне сообщили твои слуги, – сказал Афинодор-сицилиец. – Настоятельно советую убедить его отказаться от кондитерских изделий. Если он будет питаться надлежащей пищей, не только исчезнут проблемы с желудком, но и общее состояние существенно улучшится.

Луций Гавий Стих слушал все это, простертый на своем ложе. Он был слишком слаб, чтобы что-то сказать в свою защиту. Его слегка выпученные глаза перебежали с одного лица на другое.

– У него прыщи, кожа плохого цвета, – заметил другой врач, грек из Афин. – Он делает упражнения?

– Ему этого не требуется, – сказала Клитумна, но в голосе ее прозвучало едва уловимое сомнение. – По роду своих занятий он гоняется по всему городу, постоянно на ногах, уверяю вас!

– И чем же ты занимаешься, Луций Гавий? – поинтересовался врач-испанец.

– Я работорговец, – сказал Стих.

Поскольку все участники консилиума, кроме Публия Попиллия, начинали свою жизнь в Риме как рабы, в их глазах вспыхнула злость. Они отошли подальше от больного – под тем предлогом, что им пора уходить.

– Если он захочет сладкого, пусть ограничится медовым вином, – рекомендовал напоследок Публий Попиллий. – Дня два-три лучше воздержаться от еды, а потом, когда он вновь

почувствует голод, давай ему нормальную пищу. Обрати внимание, госпожа, я сказал: нормальную! Бобы, а не засахаренные фрукты. Холодные закуски, а не сладости.

Через неделю состояние Стиха улучшилось, но полностью он так и не поправился. Хотя он и ел теперь только питательную и здоровую пищу, его иногда мучили тошнота, рвота, боль и диарея. Приступы были не так сильны, как вначале, но изнурительны. Он начал понемногу терять в весе, но пока этого в доме никто не замечал.

К концу лета он уже не мог дойти до своей конторы в портике Метеллов. Потрясающая книга с иллюстрациями, которую подарил ему Сулла, перестала его интересовать. Он не мог проглотить пищу. Единственное, что ему иногда удавалось, – это выпить медового вина.

К сентябрю у него перебывали все врачи Рима. Диагнозы ставились самые разнообразные, не говоря уже о средствах лечения, особенно после того, как Клитумна прибегла к помощи знахарей.

– Давайте ему кушать все, что он хочет, – советовал один врач.

– Не давайте ему ничего, пусть поголодает, – рекомендовал другой.

– Только бобы! – настаивал врач, последователь Пифагора.

– Успокойтесь, – сказал домашним Стиха носатый Афинодор Сикул. – Что бы это ни было, оно не заразно. Я считаю, что у больного злокачественное образование в пищеводе. Однако следует проследить, чтобы те, кто контактирует с больным, и те, кто чистит его горшок, после этого тщательно мыли руки. Не допускайте их к кухне и к приготовлению пищи.

Прошло еще два дня – и Луций Гавий Стих умер. Вне себя от горя Клитумна после похорон сразу же покинула Рим, умоляя Суллу и Никополис поехать с ней в Цирцею. Там у нее была вилла. Сулла проводил ее до побережья Кампании, однако он и Никополис отказались покинуть Рим.

Возвратившись из Цирцеи, Сулла поцеловал Никополис и выехал из ее комнат.

– Я возвращаюсь в таблиний и свою спальню, – объявил он. – В конце концов, теперь, когда Липкий Стих помер, я ближайший наследник Клитумны, почти сын.

Он бросил иллюстрированные свитки в ведро и сжег их. С искаженным от омерзения лицом он жестом пригласил Никополис, которая стояла на пороге кабинета.

– Полюбуйся! В этой комнате нет ни пяди чистого, не липкого пространства!

Кувшин медового вина стоял на бесценной консоли из тетраклиниса. Подняв кувшин, Сулла увидел липкие пятна, вьезшиеся в изысканный рисунок древесины. Процедил сквозь зубы:

– Что за таракан! Прощай же, Липкий Стих!

И швырнул кувшин в открытое окно на колоннаду перистилия. Но кувшин пролетел дальше и разбился на тысячу осколков о цоколь «любимой» статуи Суллы – Аполлона, преследующего Дафну. Огромное пятно густого вина разлилось по гладкому камню и длинными струйками стало стекать на землю.

Метнувшись к окну, Никополис захихикала.

– Ты прав, – сказала женщина. – Сущий таракан!

И послала свою маленькую служанку Вифи помыть пьедестал и вытереть тряпкой насухо.

Никто не заметил следов белого порошка, приставшего к мрамору, потому что мрамор был тоже белый. Вода сделала свое дело: порошок исчез.

– Я рада, что ты не попал в саму статую, – сказала Никополис, сидя у Суллы на коленях. Оба смотрели, как Вифи отмывает скульптуру.

– А мне жаль, – сказал Сулла, но вид у него был очень довольный.

– Жаль? Луций Корнелий, эти восхитительные краски статуи были бы испорчены! Хорошо, что цоколь каменный и не раскрашен.

Верхняя губа Суллы вздернулась, обнажив зубы.

– Ох! Почему так получается, что меня всегда окружают безвкусные дураки? – воскликнул он, сталкивая Никополис со своих колен.

Пятно исчезло полностью. Вифи выжала тряпку и вылила воду из таза на анютины глазки.

– Вифи! – крикнул Сулла. – Вымой руки, девочка, очень хорошо вымой! Неизвестно, от чего умер Стих, а он очень любил медовое вино. Давай, иди!

Вся засияв от счастья, что Сулла заметил ее, Вифи ушла.

– Сегодня я обратил внимание на очень интересного молодого человека, – сказал Гай Марий Публию Рутилию Руфу.

Они стояли возле храма Теллус в Каринах – одном из самых богатых кварталов Рима, по соседству с домом Рутилия Руфа. В этот ветреный день здесь приветливо светило солнышко.

– Тут солнца больше, чем в моем перистиле, – заметил Рутилий Руф, подводя своего гостя к деревянной скамье возле просторного, но обветшалого храма. – Исконными древними богами пренебрегают в наши дни, особенно моей дорогой Теллус, – продолжал он. – Все нынче бьют поклоны Великой Матери Азиатской и забыли, что Риму лучше бы молиться собственной богине!

Гай Марий заговорил о своей встрече с интересным человеком, чтобы предотвратить угрожающую ему проповедь об исконных римских богах – самых древних, самых призрачных и таинственных. Прием сработал. Рутилий Руф всегда был неравнодушен к интересным людям любого возраста и пола.

– И кто же это был? – спросил он, подставляя лицо лучам солнца и жмурясь от удовольствия, словно старый пес.

– Молодой Марк Ливий Друз. Ему лет семнадцать-восемнадцать.

– Мой племянник Друз?

Марий изумленно повернулся:

– Как? Он?..

– Да, если, конечно, твой интересный молодой человек – сын Марка Ливия Друза, который одержал победу в январе и намерен выставить свою кандидатуру на должность цензора на следующий год, – сказал Рутилий Руф.

Марий засмеялся, качая головой:

– О, как неловко! Почему я никогда не запоминаю таких вещей?!

– Просто моя жена Ливия никогда не выходила на люди. Никогда не обедала со мной в присутствии гостей. Она умерла несколько лет назад. Она – это я говорю так, просто чтобы освежить твою рассеянную память, – была сестрой отца интересующего тебя юноши... Ливии Друзы склонны, к сожалению, подавлять своих женщин. Замечательная у меня была жена. Подарила мне двух чудесных детей, никогда мне не перечила. Я высоко ценил ее.

– Знаю, – смущенно проговорил Марий. Ему не нравилось, когда его так «ловили». Неужели он никогда их всех так и не запомнит? Но действительно, хотя Рутилий Руф и был его давним другом, Марий ни разу не видел его застенчивую жену. – Ты должен снова жениться, – наконец сказал он, поскольку был в восторге от собственной недавней женитьбы.

– Чтобы составить тебе компанию? Нет уж, спасибо! Я нашел выход своим чувствам – пишу письма. – Руф открыл свой синий глаз и посмотрел на Мария. – Кстати, чем тебе так приглянулся мой племянник Друз?

– За последнюю неделю ко мне обратилось несколько групп италийских союзников. Все они принадлежат к разным народам, и все горько жаловались, что Рим злоупотребляет рекрутами, – медленно произнес Марий. – Я считаю, что у них есть веские основания для жалоб. Вот уже лет десять, если не более, почти каждый консул бездумно жертвует жизнями своих солдат, словно люди – скворцы или воробьи! И всегда первыми гибнут италийские союзники, потому что вошло в привычку пускать их в бой впереди римлян в любом столкновении, где

предполагаются большие потери. Редкий консул считается с тем обстоятельством, что итальянские солдаты принадлежат своему народу и именно он платит за них, а не Рим.

Рутилий Руф никогда не возражал против завуалированных дискуссий. Он слишком хорошо знал Мария, чтобы понять: то, о чем сейчас говорил старый друг, не имело никакого отношения к его племяннику Друзу. И охотно поддержал это явное отклонение от темы:

– Итальянские союзники стали частью римской армии, чтобы объединить все силы по обороне полуострова. Они поставляют солдат и за это получили особый статус наших союзников – в дополнение ко многим другим выгодам. И не последнее дело – объединение наций полуострова. Итальянские рекруты нужны Риму, чтобы вместе бороться за общее дело. В противном случае один маленький народ шел бы войной на другой – и, без сомнения, урон был бы куда значительнее, чем от потерь любого римского консула.

– С этим можно поспорить, – возразил Марий. – Они сами могли бы объединиться и образовать единую итальянскую нацию!

– Поскольку союз с Римом существует уже на протяжении трехсот лет, мой дорогой Гай Марий, я не понимаю, к чему ты сейчас клонишь, – сказал Рутилий.

– Депутации, которые обращаются ко мне, утверждают, что Рим использует их войска в иностранных войнах, абсолютно невыгодных для Италии, – терпеливо объяснил Марий. – Начальной наживкой для итальянцев было обещание римского гражданства. Но, как тебе известно, прошло почти восемьдесят лет с тех пор, как последняя итальянская или латинская община получала гражданство. Понадобилось восстание вольсков во Фрегеллах, чтобы добиться от сената уступок для латинских общин!

– Ты упрощаешь, – заметил Рутилий Руф. – Мы и не обещали итальянским союзникам римских гражданских прав – немедленно и полностью. Мы предложили им постепенное предоставление этих прав в ответ на лояльность. В первую очередь – латинские привилегии.

– Латинские привилегии значат очень мало, Публий Рутилий! В лучшем случае они дают довольно ничтожные, второстепенные права. Итальянцы не имеют голоса на выборах в Риме.

– Ну да, но спустя пятнадцать лет после мятежа во Фрегеллах ты должен признать: положение с латинскими привилегиями несколько улучшилось, – упрямо продолжал Рутилий Руф. – Каждый, кто занимает должность судьи в латинском городе, теперь автоматически получает полное римское гражданство для себя и своей семьи.

– Знаю, знаю. Это также означает, что теперь в каждом латинском городе наберется значительное количество римских граждан, которое к тому же все время увеличивается! Не говоря уже о том, что закон обеспечивает Рим новыми гражданами. Причем именно такими, какими им надлежит быть, – состоятельными людьми, важными персонами местного значения. Людьми, которые будут правильно голосовать на римских выборах, – съязвил Марий.

Рутилий Руф вскинул брови:

– И что в этом плохого?

– Знаешь, Публий Рутилий, хотя ты и человек прогрессивных взглядов, в глубине души ты такой же консервативный римский аристократ, как Гней Домиций Агенобарб! – резко прервал его Марий, стараясь все же сдерживаться. – Почему ты отказываешься видеть, что Рим и Италия – это одно и то же, союз равных?

– Потому что это не так, – ответил Рутилий Руф. Ощущение безмятежного благополучия стало улетучиваться. – Послушай-ка, Гай Марий! Как ты можешь сидеть здесь, в стенах Рима, и ратовать за политическое равенство между римлянами и итальянцами? Рим – не Италия! Рим не случайно занимает первое место в мире, и добился он этого без итальянских солдат! Рим – это нечто особое!

– Ты хочешь сказать, что Рим исключительный, превыше всего? – уточнил Марий.

– Да! – Казалось, Рутилий Руф раздулся от гордости. – Рим – это Рим. Рим действительно исключительный. И он превыше всего!

– А тебе никогда не приходило в голову, Публий Рутилий, что если бы Рим взял всю Италию – даже италийских галлов на реке Пад – под свою гегемонию, то стал бы только сильнее? – спросил Марий.

– Вздор! Рим перестал бы быть римским, – возразил Рутилий.

– И это, по-твоему, его ослабит?

– Конечно.

– Но сегодняшнее положение – это фарс! – настойчиво произнес Марий. – Италия похожа на лоскутное одеяло! Регионы с полным гражданством, регионы с латинскими привилегиями, регионы просто со статусом союзников – все смешалось. Альба-Фуценция и Эсерния, наделенные латинскими привилегиями, окружены италийцами, марсами и самнитами... Колонии, разбросанные вдоль Пада среди галлов... Какое там может быть реальное чувство единства с Римом?

– Образуя римские и латинские колонии среди италийцев, мы добиваемся их покорности, – объяснил Рутилий Руф. – Люди с полным гражданством или обладающие латинскими привилегиями нас не предадут. Им это невыгодно, если учесть альтернативу.

– Ты, наверное, имеешь в виду войну с Римом? – спросил Марий.

– Ну это уж слишком. Я так не сказал бы, – ответил Рутилий Руф. – Скорее, потеря привилегий для римских и латинских общин будет невыносимой. Не говоря уже об утрате социальной значимости и положения.

– Dignitas – это все, – произнес Марий.

– Именно.

– Значит, ты считаешь, что влиятельные люди из этих римских и латинских общин не допустят мысли о союзе с италийцами против Рима?

Рутилий Руф был в шоке:

– Гай Марий, что ты говоришь? Ты же не Гай Гракх! Ты ведь не сторонник реформ!

Марий поднялся со скамьи, несколько раз прошелся взад-вперед, бросил свирепый взгляд из-под свирепых бровей на Рутилия – тот был значительно ниже ростом, а тут еще как-то сжался, словно готовясь защищаться.

– Ты прав, Рутилий Руф, я не реформатор. Смешно даже сравнивать меня с Гаем Гракхом. Но я практичный человек и, смею надеяться, обладаю толикой разума. Кроме того, я не патриций, не римлянин из римлян, о чем всякий рад лишней раз мне напомнить. Возможно, мои сельские предки одарили меня своеобразной независимостью, какой никогда не было ни у одного римского патриция. Я предвижу неприятности в нашей шахматной Италии. Да, Публий Рутилий, предвижу! Я слушал то, что недавно говорили мне италийские союзники. Я чую перемены. Ради Рима, я надеюсь, наши консулы впредь будут мудрее использовать италийские войска, нежели консулы прошлых лет.

– Я тоже надеюсь, хотя не совсем по тем же причинам, – отозвался Рутилий Руф. – Плохое командование в принципе преступно. Особенно когда приводит к напрасной гибели солдат, римских или италийских. – Он раздраженно глянул вверх на маячившего перед ним Мария. – Да сядь ты, прошу тебя! Твоя ходьба меня раздражает.

– Это ты меня раздражаешь, – ответил Марий, но покорно сел, вытянув ноги.

– Ты набираешь клиентов среди италийцев, – сказал Рутилий Руф.

– Правильно. – Марий внимательно смотрел на свое сенаторское кольцо, золотое, а не из железа. Только старейшие сенаторские семьи традиционно носили железные кольца. – Однако я не один так поступаю. К примеру, Гней Домиций Агенобарб целые города числит среди своих клиентов, главным образом защищая уменьшение их налогов.

– Или даже освобождая их от налогов.

– А Марк Эмилий Скавр? Его клиентура – северные италийцы, – продолжал Марий.

– Да, но согласись: он все-таки более цивилизованный по сравнению с Гнеем Домицием, – возразил Рутилий Руф, бывший сторонником Скавра. – По крайней мере, он делает много хорошего для своих городов-клиентов. Там осушит болото, здесь построит новый дом свиданий.

– Допустим. Не забывай, кстати, Цецилиев Метеллов из Этрурии. Эти тоже деловые! Рутилий Руф глубоко вздохнул:

– Гай Марий, ты очень много говоришь, но я так и не пойму, что ты хочешь сказать.

– Да я и сам не знаю, – ответил Марий. – Просто чую скрытое волнение среди известных семей и все больше убеждаюсь в значимости италийских союзников. Не думаю, чтобы сами они сознавали ее или понимали, какую опасность создает это для Рима. Они действуют, движимые инстинктом. Каким-то чувством, в котором едва ли отдают себе отчет. Что-то витает в воздухе...

– Да ты прозорливец, Гай Марий! – воскликнул Рутилий Руф. – И хотя я тебя и рассердил, но все же хорошо запомнил то, что ты сказал. На первый взгляд клиент не так уж и полезен. Патрон дает клиенту куда больше, чем клиент – патрону. Разве что на выборах или при угрозе какого-то бедствия... Может быть, клиент сможет помочь, не поддержав кого-либо, кто действует против интересов его патрона. Инстинкты очень важны, тут я с тобой согласен. Они как маяки – высвечивают скрытые факты задолго до того, как их обнаружит логика. Так что, может, ты и прав, когда говоришь о скрытом волнении. Возможно, приписать всех италийских союзников в качестве клиентов к какой-нибудь известной римской фамилии – один из способов предотвратить грозящую опасность. Честно говоря, я попросту не знаю.

– И я не знаю, – признался Марий. – Но набираю клиентов.

– И сохраняешь спокойствие, – улыбнулся Рутилий Руф. – Мы начали разговор, как я помню, с моего племянника Друза.

Марий подобрал ноги и вскочил со скамьи так быстро, что даже напугал Рутилия, который вновь подставил лицо солнцу и зажмурил глаза.

– Да, мы начали с этого! Пошли, Публий Рутилий, может быть, мы не опоздали и я покажу тебе пример нового отношения знатных семей к италийским союзникам!

– Иду, иду! А куда?

– На Форум, конечно! – Марий направился вниз по склону, чтобы выйти на улицу. По пути он продолжал говорить: – Сейчас идет суд, и, если нам удастся, мы успеем увидеть финал.

– Удивляюсь, что ты вообще обратил на это внимание, – сухо произнес Рутилий Руф, так как обычно Марий не интересовался судебными процессами.

– А я удивляюсь, что ты не посещаешь их каждый день, – парировал Марий. – В конце концов, это дебют твоего племянника Друза в качестве адвоката.

– Нет! Его дебют состоялся несколько месяцев назад, когда он защищал главного трибуна казначейства по делу о возмещении определенной суммы, которая непонятно куда подевалась.

Марий пожал плечами, прибавив шагу:

– Тогда это объясняет то, что я считал твоим упущением. Однако, Публий Рутилий, тебе следует повнимательнее следить за карьерой молодого Друза. Если бы ты делал это, мои слова об италийских союзниках имели бы для тебя больший смысл.

– Просвети меня, – сказал Рутилий Руф, немного задыхаясь, поскольку Марий всегда забывал, что его ноги длиннее.

– Однажды я услышал, как кто-то говорит на прекрасной латыни, да к тому же прекрасным голосом. Я подумал, что это новый оратор, и остановился посмотреть. Это и был твой молодой племянник Друз, ни больше ни меньше! Удивляюсь, как это я не связал его имя с твоим.

– Кого он обвиняет на этот раз? – поинтересовался Рутилий Руф.

– В том-то и дело, что не обвиняет, – ответил Марий. – Он защищает, причем перед претором по делам иностранцев. Как тебе это нравится? Очень серьезное дело. Присутствуют присяжные.

– Убийство римлянина?

– Нет. Банкротство.

– Странно, – задыхаясь, проговорил Рутилий Руф.

– Думаю, это должно послужить примером, – сказал Марий, не убавляя шага. – Истец – банкир Гай Оппий, обвиняемый – марс, деловой человек из города Маррувий, по имени Луций Фравк. По словам моего осведомителя, профессионального завсегдатая судов, Оппий устал от больших долгов на италийских счетах и решил, что настало время устроить показательный процесс над италийцем здесь, в Риме. Его истинная цель – поугатать остальных италийцев, чтобы они продолжали выплачивать эти непомерные проценты.

– Налог, – пропыхтел Рутилий Руф, – установлен в десять процентов.

– Если ты римлянин, – сказал Марий, – и предпочтительно римлянин из обеспеченных.

– Продолжай в том же духе, Гай Марий, – и ты закончишь, как братья Гракхи: будешь трупом.

– Ерунда!

– Пойду-ка я лучше домой, – произнес Рутилий Руф.

– Ты совсем размяк, – констатировал Марий, глядя на своего спутника, бегущего вялой рысцой. – Хороший поход наладил бы твое дыхание, Публий Рутилий.

– Хороший отдых способствовал бы этому лучше, – замедляя бег, проговорил Рутилий Руф. – Я действительно не понимаю, зачем мы туда идем.

– Во-первых, потому, что, когда я покидал Форум, у твоего племянника оставалось еще два с половиной часа, чтобы подготовить заключительную речь, – сказал Марий. – Понимаешь ли, это экспериментальный процесс, на котором внесены изменения в процедуру суда. Сначала заслушиваются свидетели, потом дают два часа для подготовки обвинителю, затем три часа защитнику, после чего приглашенный претор спросит жюри, какой вердикт они вынесли.

– Старый способ тоже был неплох, – заметил Рутилий.

– Думаю, новый способ ведения сделал весь процесс более интересным для зрителей, – отозвался Марий.

Они спустились по Священной дороге, дошли до Римского форума. Пока Марий отсутствовал, в расстановке фигур на суде никаких изменений не произошло.

– Отлично, мы успели к заключительной речи, – сказал Марий.

Марк Ливий Друз все еще говорил. Его слушали в полной тишине, затаив дыхание. Адвокат был явно моложе двадцати лет, среднего роста, коренастый, с приятным лицом.

– Разве он не удивительный? – прошептал Марий Рутилию. – Он заставляет тебя думать, что обращается именно к тебе лично – и больше ни к кому.

Марий был, несомненно, прав. Даже на расстоянии – ибо Марий и Рутилий Руф стояли позади большой толпы – казалось, будто черные глаза Друза смотрят в твои глаза. И только в твои.

– Нигде не сказано, что факт римского гражданства автоматически делает человека правым, – говорил молодой человек. – Я произношу это не в защиту Луция Фравка, обвиняемого, я говорю это в защиту Рима! В защиту чести! В защиту честности! В защиту справедливости! Не той фальшивой справедливости, которая толкует закон буквально, а той, что толкует его согласно логике. Закон не должен превращаться в громоздкий и тяжелый груз, который обрушивается на человека и сминает отдельные личности в общую однородную массу. Люди не однородная масса! Закон должен быть мягкой простыней, которая обволакивает человека, не скрывая неповторимости каждого. Нам надлежит помнить – помнить всегда! – что мы, граждане Рима, являемся примером для остального мира – особенно в части наших законов и судов.

Где еще вы встретите такую умудренность? Такие отточенные формулировки? Такой интеллект? Такую тщательность? Такую мудрость? Разве не признают этого даже афинские греки? Александрийцы? Пергамиты?

Язык его тела был великолепен, даже при недостатках роста и фигуры, которые мало подходили для ношения тоги. Чтобы красиво носить тогу, требуется высокий рост, широкие плечи, узкие бедра, нужно двигаться с необходимой грацией. Марк Ливий Друз не отвечал ни одному из этих требований. Но он замечательно владел своим телом – от малейшего движения пальца до широкого взмаха руки. Поворот его головы, выражение лица, то, как он ходит при этом, – все было замечательно!

– Луций Фравк, италиец из Маррувия, – продолжал он, – элементарная жертва, а не преступник. Никто – включая самого Луция Фравка! – не оспаривает факта недостачи крупной суммы, полученной им от Гая Оппия в качестве займа. Не оспаривается и то, что эта очень большая сумма должна быть возвращена Гаю Оппию вместе с процентами. Так или иначе, долг будет выплачен. Если это необходимо, Луций Фравк согласен продать своих лошадей, земли, инвестиции, рабов, мебель – все, чем владеет! Более чем достаточно, чтобы возместить ущерб.

Он подошел к переднему ряду, где сидели присяжные, и обратил свой взор на тех, кто сидел позади них:

– Вы выслушали свидетелей. Выслушали моего коллегу-обвинителя. Луций Фравк взял заем. Но он не вор. Поэтому, говорю я, Луций Фравк – вот настоящая жертва этого обмана. Он, а не Гай Оппий, его кредитор! Если вы приговорите Луция Фравка, уважаемые присяжные, вы подвергнете его полному наказанию в соответствии с римским законом – как человека, который не является гражданином нашего великого города и не пользуется латинскими привилегиями. Все имущество Луция Фравка будет выставлено на распродажу. Вы знаете, что это значит. С молотка будет продано все – и притом значительно ниже истинной стоимости, так что денег может и не хватить на полное погашение долга.

Последние слова сопровождалось красноречивым взглядом в сторону, где на складном стуле, окруженный целой свитой служащих и счетоводов, сидел банкир Гай Оппий.

– Итак, все продано ниже фактической стоимости! После чего, уважаемые присяжные, Луций Фравк отдается в долговое рабство до тех пор, пока не выплатит разницу между требуемой суммой и суммой, вырученной от продажи его имущества. Предположим, Луций Фравк плохо разбирался в людях при найме своих служащих, но в своем деле он очень проницательный и преуспевающий человек. Но как же он сможет уплатить долг, если, не имея больше ничего, опозоренный, он будет отдан в рабство? Будет ли он хоть как-то полезен Гаю Оппию – даже в качестве служащего? Кто выиграет от этого так называемого правосудия?

Молодой адвокат теперь направил свое красноречие на римского банкира, человека лет пятидесяти, кроткого с виду и явно потрясенного словами адвоката.

– Человека, не являющегося римским гражданином и обвиненного в преступлении, первым делом секут. Это не порка обычными прутьями, как в случае с римским гражданином, – больно, конечно, но страдает прежде всего достоинство. Нет! Его секут колючим кнутом, пока от кожи и мышц ничего не остается, – и он искалечен на всю жизнь, весь в шрамах, хуже, чем рудничный раб.

У Мария волосы на затылке встали дыбом. Если молодой человек не смотрел прямо на него – одного из крупнейших в Риме владельцев рудников, – тогда глаза сыграли с Марием злую шутку. И все же как удалось молодому Друзу отыскать его, пришедшего позже всех, в самом последнем ряду огромной толпы?

– Мы римляне! – воскликнул молодой человек. – Италия и ее граждане находятся под нашей защитой. Неужели мы проявим себя владельцами рудников перед теми, для кого мы призваны служить примером? Неужели мы осудим невиновного человека на формальном основании, просто потому, что его подпись стоит на заемном документе? Неужели мы проигнори-

руем тот факт, что он хочет полностью возместить сумму долга? Неужели мы будем к нему менее справедливы, чем к гражданину Рима? Неужели мы станем сечь человека, который должен был бы носить бумажный колпак за глупость, потому что доверился вору? Неужели его жену мы превратим во вдову? Неужели мы лишим детей любящего отца, сделав их сиротами? Конечно нет, уважаемые присяжные! Ибо мы римляне. Мы люди высшего сорта!

Резко повернувшись, так что полы его белой шерстяной тоги завернулись вокруг него, Друз отошел от банкира. Изумленные зрители оторвали взоры от банкира и как замороженные проследовали взглядами за оратором. Кроме нескольких присяжных, сидящих в первом ряду, все остальные не отрывали от адвоката глаз. Гай Марий и Публий Рутилий Руф тоже неотрывно следили за каждым движением молодого человека. Только один присяжный тупо смотрел на Оппия, указательным пальцем проводя по горлу, словно хотел почесаться. Последовал немедленный ответ: еле уловимое покачивание головы банкира. Гай Марий заулыбался.

– Благодарю тебя, уважаемый претор, – сказал Друз, поклонившись претору по делам иностранцев. Он вдруг превратился в неловкого, застенчивого юношу, совсем не похожего на того мощного оратора, который несколько минут назад владел умами и чувствами присутствующих.

– Благодарю тебя, Марк Ливий, – отозвался претор и перевел взгляд на присяжных. – Граждане Рима, напишите на ваших табличках приговор и разрешите суду увидеть его.

Все зашевелились. Присяжные вынули белые глиняные таблички и угольные палочки. Но вместо того, чтобы что-то писать, продолжали сидеть неподвижно, глядя на затылки сидящих в середине первого ряда. Человек, безмолвно переговоривший с банкиром Оппием, взял палочку и начертил букву на своей табличке. Затем шумно зевнул, заломив руки над головой. Табличку он держал в левой руке. При этом движении многочисленные складки его тоги упали на левое плечо. После этого и остальные немедленно зачертили по своим табличкам, передавая их ликторам, которые прохаживались среди присяжных в ожидании их решения.

Претор сам подсчитывал голоса. Каждый ждал приговора, затаив дыхание. Претор брал таблички, смотрел на них и бросал в одну из двух корзин на столе. В одной оказались почти все таблички, в другой их было совсем немного. Когда была рассмотрена пятьдесят одна табличка, претор поднял голову.

– ABSOLVO! – провозгласил он. – Оправдать! Сорок три голоса – за, восемь – против. Луций Фравк из Маррувия, марс, суд оправдал тебя, однако при условии, что ты, как и обещал, полностью возместишь необходимую сумму. До конца этого дня ты должен согласовать все вопросы с Гаем Оппием, твоим кредитором.

Вот и все. Марий и Рутилий Руф ждали, когда толпа закончит поздравлять молодого Марка Ливия Друза. Наконец остались только его друзья. Возбужденные, они стояли тесным кольцом вокруг молодого адвоката. Но когда к ним приблизились высокий человек с насупленными бровями и маленький человечек, которого знали как дядю Друза, все скромно удалились.

– Мои поздравления, Марк Ливий, – произнес Марий, протягивая руку.

– Спасибо, Гай Марий.

– Молодец! – воскликнул Рутилий Руф.

Они направились в сторону Велия в конце Форума, где начиналась Священная дорога.

Рутилий Руф не вмешивался в разговор. Он был доволен тем, что юный племянник превращается в великолепного адвоката, но видел и недостатки, скрытые за его невозмутимой внешностью. Молодой Друз, по мнению его дяди Публия, совершенно не обладал чувством юмора. Очень способный юноша, но странно мрачный, как будто ему не хватает легкости, которая помогла бы разглядеть гротескность реальности, а в будущем – избежать сильной боли. Серьезный. Упорный. Амбициозный. Не отступится от труднорешаемой проблемы. Да. Но при всем этом, сказал себе Публий Рутилий Руф, молодой Друз остается еще совсем щенком. Правда, породистым.

– Для Рима было бы очень плохо, если бы твоего италийского клиента осудили, – говорил в это время Марий.

– Я согласен. Фравк – один из наиболее значимых людей в Маррувии, старейшина марсов. Конечно, он уже не будет пользоваться таким влиянием, когда выплатит деньги, которые задолжал Гаю Оппию, но, думаю, он оправится от удара, – сказал Друз.

Они дошли до Велия. Остановившись перед храмом Юпитера Статора, Друз спросил:

– Хотите взойти на Палатин?

– Конечно нет, – ответил Публий Рутилий Руф, очнувшись от своих мыслей. – Гай Марий идет ко мне обедать.

Юноша торжественно поклонился старшим и стал подниматься к Палатину. Из-за спин Мария и Рутилия Руфа вынырнула не располагающая к себе фигура Квинта Сервилия Цепиона Младшего, лучшего друга молодого Друза. Он старался догнать приятеля, который хотя и услышал его, но не замедлил шага, чтобы подождать.

– Не нравится мне эта дружба, – заметил Рутилий Руф, наблюдая, как два молодых человека удаляются от них.

– Вот как? – хмыкнул Марий.

– Сервилии Цепионы знатны и ужасно богаты. Мозгов у них мало, а высокомерия много. Получается дружба неравных, – объяснил Рутилий Руф. – Мой племянник, кажется, предпочитает своеобразный стиль почитания и лести, предложенный Цепионом Младшим, более стимулирующему – и даже снисходительному! – стилю отношений с ровней себе. Жаль. Боюсь, Гай Марий, что преданность Цепиона Младшего внушит молодому Друзу ложное представление о своих лидерских способностях.

– В бою?

Рутилий Руф остановился:

– Гай Марий, но ведь существуют и другие дела, кроме войны, другие организации, кроме армии! Нет, я имел в виду лидерство на Форуме.

В конце недели Марий опять пришел к своему другу Рутилию Руфу и застал его в невменяемом состоянии, упаковывающим вещи.

– Панций умирает, – объяснил Рутилий, смахивая слезы.

– Ох, как нехорошо! – воскликнул Марий. – Где он? Ты успеешь к нему?

– Надеюсь. Он в Тарсе, зовет меня. Представляешь, он зовет меня – только одного из всех своих римских учеников!

Взгляд Мария смягчился.

– А почему бы ему тебя не позвать? В конце концов, ты был лучшим.

– Нет-нет... – рассеянно возразил коротышка.

– Пойду-ка я домой, – сказал Марий.

– Ерунда, – возразил Руф, направляясь в кабинет.

Комната находилась в ужасном беспорядке – переполненная столами, на которых громоздились горы свитков, и почти все частично были развернуты. Некоторые крепились за один конец к столу. Драгоценный египетский папирус каскадом свисал до пола.

– Лучше пошли в сад, – предложил Марий, не видя места, куда бы встать среди этого хаоса.

Только Рутилий Руф мог сразу же отыскать здесь нужную ему книгу, как бы глубоко ни была она похоронена в этой – на взгляд непосвященного – свалке.

– Что ты сейчас пишешь? – спросил Марий, увидев на столе длинную полосу бумаги. Та была обработана по методу Фанния и уже наполовину исписана безупречным почерком Рутилия Руфа, аккуратным и легко читаемым.

– Кое-что, о чем я хотел бы посоветоваться с тобой, – ответил Рутилий Руф, направляясь к выходу. – Военный справочник. После нашего разговора о бездарных полководцах, которых в последние годы Рим направляет на поля сражений, я подумал: настало время, чтобы кто-нибудь компетентный в подобных вопросах составил полезный трактат на данную тему. До сих пор дело ограничивалось вопросами материально-технического обеспечения и размещения войск, но теперь я перехожу к тактике и стратегии. В этих вопросах ты разбираешься лучше меня. Поэтому я собираюсь подоить твои мозги.

– Считаю, что подоил. – Марий сел на деревянную скамью в крошечном тенистом, довольно запущенном саду, посреди которого скучал неработающий фонтан. – К тебе приходил Метелл Свин? – спросил он.

– Да. Сегодня, в начале дня, – сказал Рутилий, опускаясь на скамью напротив Мария.

– Он и ко мне приходил нынешним утром.

– Поразительно, как мало он изменился, наш Квинт Цецилий, наш Свин, – засмеялся Рутилий Руф. – Если бы у меня была свинарня или мой фонтан оправдывал свое название, думаю, я бы опять его макнул.

– Знаю, что ты чувствуешь, но не думаю, что это хорошая идея, – проговорил Марий. – Что он тебе сказал?

– Он собирается баллотироваться в консулы.

– То есть если у нас когда-нибудь будут выборы! Что взбрело в голову нашим двум дуракам? Зачем выставлять по второму разу свои кандидатуры на должность народных трибунов? Печальный конец Гракхов ничему его не научил?

– Это не должно сорвать выборы в центуриатные комиции – или в трибутные, – ответил Рутилий Руф.

– Выборы, конечно, будут сорваны! Наша парочка претендентов на второй срок вынудит своих коллег наложить вето на все выборы, – сказал Марий. – Ты ведь знаешь, каковы народные трибуны! Что попало им в зубы, то уже никто не сможет вырвать.

Рутилий затрясся от смеха:

– Думаю, что знаю! Я был самым худшим из них. Да и ты тоже, Гай Марий.

– Ну да...

– Не бойся, выборы состоятся, – успокоил его Рутилий Руф. – Догадываюсь, что трибуны от плебса пойдут к урнам для голосования за четыре дня до декабрьских ид, а все остальные последуют за ними после.

– И Метелл Свин станет консулом, – сказал Марий.

Рутилий Руф подался вперед, сложив руки:

– Он кое-что затевает.

– Ты недалек от истины, дружище. Он определенно знает нечто, чего мы с тобой не знаем. Есть какие-нибудь догадки?

– Югурта. Он замышляет войну против Югурты.

– Я тоже так думаю, – согласился Марий. – Только он ли собирается начать ее? Или Спурий Альбин?

– Я бы не сказал, что Спурий Альбин способен на это. Но время покажет, – спокойно произнес Рутилий.

– Он предложил мне должность старшего легата в его армии.

– Мне он предложил то же самое.

Старые друзья переглянулись и усмехнулись.

– Тогда нам лучше поточнее выяснить, что же, в конце концов, происходит. – Марий встал. – Предполагается, что Спурий Альбин прибудет сюда на днях, чтобы провести выборы. Но до сих пор никто не сказал ему, что еще некоторое время никаких выборов не будет.

– Он выехал из провинции Африка до того, как новость дошла до него, – сказал Рутилий Руф, проходя мимо кабинета.

– Ты собираешься принять приглашение Свина?

– Приму, Гай Марий, если примешь ты.

– Что ж, подумаем.

Рутилий сам открыл входную дверь:

– Как поживает Юлия? У меня не будет возможности повидаться с ней до отъезда.

Марий весь засиял:

– Чудесная, красивая, великолепная!

– Ты глупый старикан. – Рутилий подтолкнул Мария на улицу. – Следи за событиями, пока меня не будет в Риме, и сразу напиши мне, если учуешь приготовления к войне.

– Я так и сделаю. Счастливого путешествия!

– Это осенью-то? В такую погоду корабль может оказаться склепом.

– Только не для тебя, – усмехнувшись, возразил Марий. – Отец Нептун тебя не захочет.

У него не хватит смелости нарушить планы Свина.

Юлия была беременна, и это ей очень нравилось. Единственное, что ее утомляло, – это чрезмерная забота Мария.

– Правда, Гай Марий, я очень хорошо себя чувствую, – в тысячный раз повторила она.

Был ноябрь, ребенку предстояло родиться в марте следующего года, так что живот был уже заметен. Однако Юлия расцвела, как расцветают все будущие матери. Ее не беспокоила ни тошнота, ни полнота.

– Ты уверена? – озабоченно спросил муж.

– Иди же, ну пожалуйста, – с улыбкой, нежно попросила она.

Успокоенный глупый муж оставил ее со служанками в рабочей комнате и направился в свой кабинет. Это было единственное место в огромном доме, где не чувствовалось присутствия Юлии, где он мог не думать о ней. Не то чтобы он старался забыть ее – просто были периоды, когда ему требовалось поразмыслить о других вещах.

Например, о том, что происходит в Африке.

Сев за письменный стол, Марий положил перед собой бумагу и стал писать своим четким, без завитушек, почерком письмо Рутилию Руфу, благополучно уже приплывшему в Тарс.

Я посещаю каждое заседание сената и каждое собрание плебеев, и создается впечатление, что в ближайшем будущем выборы все-таки состоятся. Теперь о сроках. Как ты и говорил – за четыре дня до декабрьских ид. Публий Лициний Лукулл и Луций Анний начинают сдавать позиции. Не думаю, что им удастся избраться на второй срок в качестве народных трибунов. Общее впечатление теперь такое, будто они только создавали видимость. Словно все делается лишь для того, чтобы их имена почаще мелькали перед глазами избирателей. Оба они метят в консулы, но ни одному в бытность свою трибуном не удалось произвести сенсацию – неудивительно, учитывая, что они не реформаторы. Как же еще наделать шума, если не всполошить весь голосующий Рим? Должно быть, я становлюсь киником. Возможно ли это для италийца-деревенщины, по-гречески не понимающего?

Как ты знаешь, в Африке пока все спокойно, хотя наши разведчики сообщают, что Югурта действительно набирает и тренирует очень большую армию. И к тому же – в римском стиле! Однако спокойствие закончилось, когда месяц назад Спурий Альбин вернулся домой, чтобы провести выборы. Он сделал в сенате доклад, упомянув о сокращении своей армии до трех легионов: один состоит из местных; другой – римские войска, уже размещенные в Африке; третий он привел прошлой весной из Италии. Новобранцы крови не нюхали. Кажется, Спурий Альбин вообще не склонен воевать. А вот насчет Свина я бы этого не ска-

Но что рассердило наших уважаемых коллег в сенате – так это новость, что Спурий Альбин назначил своего младшего брата Авла Альбина наместником провинции Африка и командующим африканской армией в его отсутствие! Вообрази! Думаю, если бы Авл Альбин был его квестором, такое еще могло бы пройти в сенате незамеченным, но (тебе это известно, однако я повторяюсь) квестор – недостаточно большая должность для Авла Альбина. Посему он был введен в штаб своего брата в качестве старшего легата. Без одобрения сената! В результате – сидит наша римская провинция Африка, управляемая в отсутствие наместника тридцатилетней горячей головой. Ни опыта, ни выдающегося ума! Марк Скавр был в ярости и так отчитал консула, что тот в жизни не забудет, будь уверен. Но дело сделано. Можно только надеяться, что Авл Альбин будет вести себя благоразумно. Скавр сомневается. Я тоже. Прощай.

Это письмо было отправлено Публию Рутилию Руфу до выборов. Марий думал, что это его последнее письмо, надеясь, что к Новому году Руф уже будет в Риме. Потом пришла эпитагола от Рутилия, в которой говорилось, что Панеций все еще жив и при виде своего старого ученика так воспрянул духом, что кажется, проживет на несколько месяцев дольше, чем предполагалось, насколько это позволит злокачественная опухоль. Рутилий писал: «Жди меня весной, как раз перед тем, как Свин отправится в Африку».

Итак, после Нового года Марий опять сел за письменный стол и снова написал в Тарс.

Ты, конечно, не сомневался, что Свин будет избран консулом, и ты был прав. Как бы то ни было, народ и плебеи закончили голосование до того, как проголосовали центурии. Все прошло без сюрпризов. Квесторы заняли свои должности в пятый день декабря, а новые трибуны от плебеев – на десятый. Единственный интересный новый народный трибун – Гай Мамиллий Лиметан. Еще довольно перспективны три новых квестора – наши знаменитые молодые ораторы и судейские звезды Луций Лициний Красс и его лучший друг Квинт Муций Сцевола. Но куда занимательнее третий – довольно дерзкий парень из плебейской семьи Гай Сервилий Главция. Он умеет вызвать раздражение. Его, я уверен, ты помнишь еще с того времени, когда он выступал на суде. Сейчас говорят, что он лучший автор судебных законопроектов во всем Риме. Мне он не нравится. При подсчете голосов Свин занял первое место на выборах в центуриатные комиции, так что он будет старшим консулом на следующий год. Не намного отстал от него и Марк Юний Силан. Голосование проходило, как всегда, консервативно. Никаких «новых людей» среди преторов. Из шести двое – патриции и еще один патриций, усыновленный плебейской семьей, – не кто иной, как Квинт Лутаций Катул Цезарь. По мнению сената, выборы прошли отлично и вселяли определенные надежды на новый год.

И тут, мой дорогой Публий Рутилий, грянул гром. Кажется, до Авла Альбина дошли слухи о том, что в нумидийской крепости Сутул хранятся огромные сокровища. Дождавшись, когда брат-консул уедет в Рим, откуда наверняка не вернется до окончания выборов, Авл вторгся в Нумидию! Во главе трех слабых и неопытных легионов – как тебе это нравится! Осада Сутула, конечно, провалилась. Жители города попросту закрыли ворота и посмеялись над Авлом с городских стен. Но вместо того, чтобы признать свою неспособность провести даже непродолжительную осаду, не говоря уже о целой кампании, что же сделал Авл Альбин? Вернулся в Римскую провинцию? – слышу я твой ответ, мнение здравомыслящего человека. Так поступил бы ты, будь ты на месте Авла Альбина, но Авл Альбин решил иначе. Он снял осаду и двинулся маршем в Западную Нумидию! Опять же во главе все тех же трех неопытных легионов. Югурта атаковал его на середине пути ночью, где-то возле Каламы, и нанес Авлу Альбину такое сокрушительное поражение, что младший брат нашего консула сдался нумидийцу безоговорочно. Югурта прогнал под ярмом каждого римлянина и каждого союзника из легионов Авла Альбина, заставляя признать свое поражение. После этого Югурта заставил Авла Альбина подписать договор, согласно которому Югурта получает все, чего не мог добиться от сената!

Мы, в Риме, узнали об этом не от Авла Альбина, а от Югурты, который прислал в сенат копию договора с сопроводительным письмом. В нем он резко обвиняет Рим в предательстве, во вторжении в дружественную страну, которая даже пальцем никогда не погрозила Риму. Когда я говорю, что Югурта написал в сенат, то имею в виду, что он набрался наглости написать своему старейшему и злейшему врагу Марку Эмилию Скавр, занимающему пост принцепса сената. Разумеется, это было сделано как преднамеренное оскорбление – выбрать принцепса сената в качестве адресата подобной эпистолы! Как же разгневался Скавр! Он немедленно собрал сенат и заставил Спурия Альбина выложить многое из того, что прежде было скрыто. Включая и тот факт, что Спурий все-таки знал о планах своего младшего брата, хотя сначала и утверждал обратное.

Сенат был в шоке. Сенаторы обозлились. Сторонники Альбина покинули его, оставив в полном одиночестве. Он признался, что узнал новость из письма Авла, которое получил несколько дней назад. Спурий также сообщил нам, что Югурта приказал Авлу вернуться в римскую Африку и запретил ему переступить границы Нумидии. В результате жадный Авл Альбин ждет указаний своего брата. Что ему еще остается?

Марий вздохнул, пошевелил затекшими пальцами. Он не любил писать письма. Что доставляло Рутилию Руфу удовольствие, для него было сущей пыткой. «Ну продолжай же, Гай Марий», – приказал он себе. И продолжил.

Естественно, большее всего было то, что Югурта прогнал римскую армию под ярмом. Такое случается редко, но всегда вызывает бурную реакцию всего города, от мала до велика. На моем веку это происходит впервые. Я чувствую себя униженным и опустошенным, как и все истинные римляне. Смеею сказать, для тебя это тоже было бы невыносимо. Поэтому я рад, что тебя здесь нет и ты не видишь всего этого: людей в темных одеждах, рыдающих, рвущих на себе волосы... всадников без пурпурных полос на туниках, сенаторов с узкой полосой вместо широкой... Вся территория у стен храма Беллоны завалена требованиями проучить Югурту. Фортуна преподнесла Свину хорошенькую кампанию на следующий год! Нам с тобой предстоят маневры – при условии, конечно, если мы сможем поладить со Свином в качестве нашего командира.

Новый народный трибун Гай Мамилий жаждет крови Постумиев Альбинов. Он хочет, чтобы Авл Альбин был казнен за измену, а Спурий Альбин предан суду, раз Спурий оказался настолько глуп, назначив Авла наместником в свое отсутствие. Фактически Мамилий выступает за проведение специального суда и хочет, чтобы был допрошен каждый римлянин, который когда-либо имел сомнительные дела с Югуртой, начиная со времен Луция Оппимия. Подумай только! Настроение сенаторов таково, что, похоже, он добьется своего. Все в основном возмущены тем, что Авл позволил прогнать себя под ярмом, и сходятся на том, что армия и ее командующий должны были умереть на поле боя, а не подвергать свою страну такому унижению! С этим я не согласен – конечно, как и ты. Я думаю, армия хороша только при хорошем командующем, как бы ни был высок ее изначальный потенциал.

Сенат послал Югурте жесткое письмо, ставя его в известность, что Рим не может признать и ни за что не признает договор, заключенный с человеком, не обладающим властью и не имеющим полномочий от сената и народа Рима.

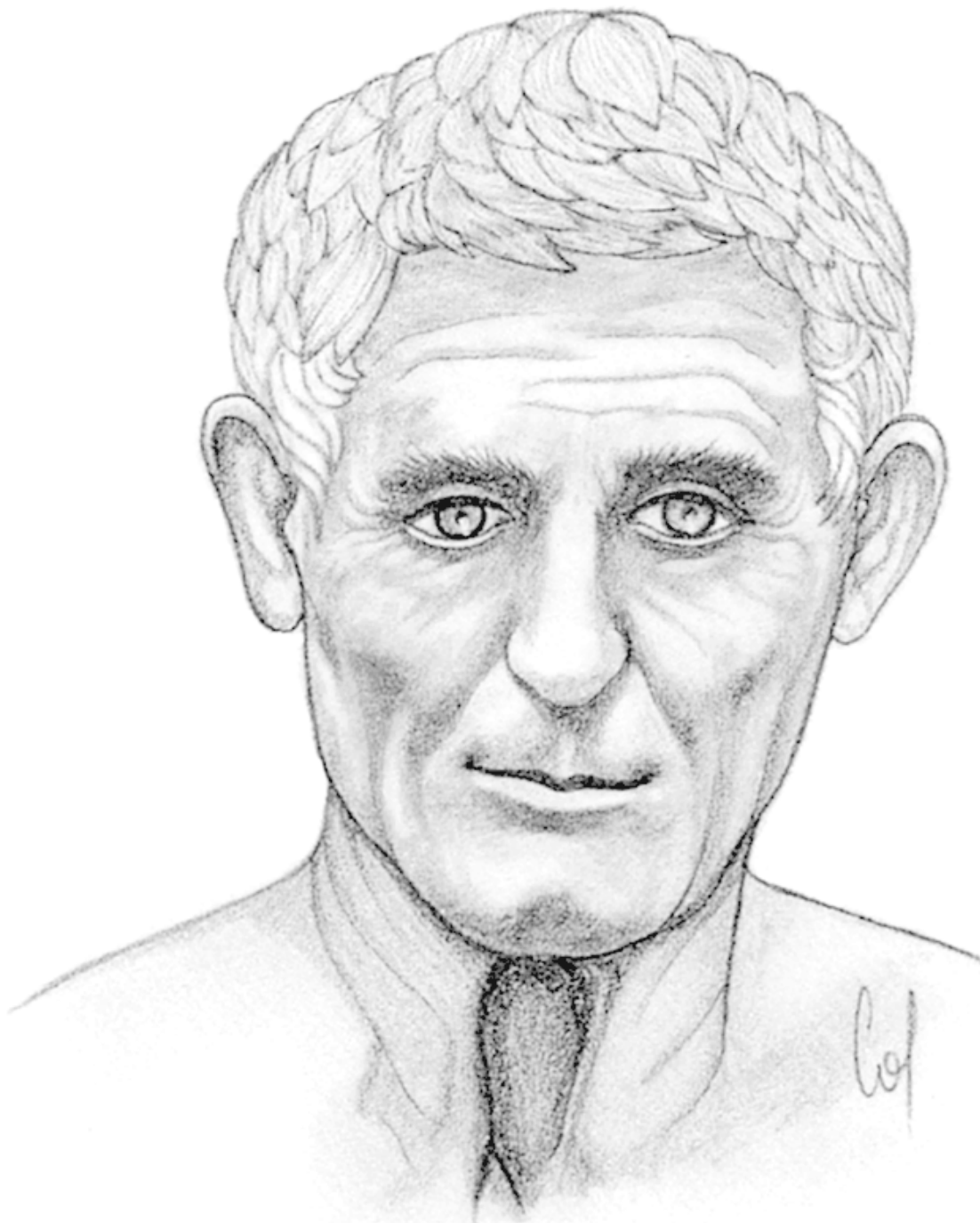
И последнее, но не менее важное. Гай Мамилий получил мандат от народного собрания устроить специальный суд. Всех, кто имел какие-либо дела с Югуртой, или тех, кто только подозревается в этом, будут судить за предательство. Это постскриптум, написанный в самый последний день старого года. На этот раз сенат одобрил законодательную инициативу плебеев. Скавр занят тем, что составляет список людей, которые предстанут перед судом. Ему с радостью помогает в этом Гай Меммий – наконец-то реабилитированный. И более того, на этом специальном суде Мамилия шансы быть осужденным за предательство куда выше, чем на традиционном, проводимом цензуриатными комициями. Пока рассматри-

ваются дела Луция Опимия, Луция Кальпурния Бестии, Гая Порция Катона, Гая Сульпиция Гальбы, Спурия Постумия Альбина и его брата. Однако происхождение сказывается. Спурий Альбин собрал внушительное число адвокатов, чтобы доказать сенату: что бы его брат ни сделал, он не может легально подвергаться суду, потому что никогда легально не обладал властью. Из этого ты можешь сделать вывод, что Спурий Альбин собирается принять на себя долю вины Авла – и будет, конечно, осужден. Странно, что, если все случится так, как я предполагаю, главный виновник – Авл Альбин – выйдет сухим из воды с незапятнанной карьерой!

Кстати, Скавр будет одним из трех глав комиссии Мамилия, как именуют этот новый суд. Он примет этот пост с готовностью.

Вот и все, что произошло в уходящем году, мой Публий Рутилий. Все говорят, что это был очень важный год. После узкого залива голова моя вынырнула наконец на просторную поверхность политических вод Рима и держится на плаву благодаря моей женьитьбе. Метелл Свин обхаживает меня, и люди, которые раньше проходили мимо, теперь говорят со мной как с равным. Будь осторожен по пути домой и скорее возвращайся. Прощай.

**Год второй
(109 г. до н. э.)
Консульство Квинта Цецилия
Метелла и Марка Юния Силана**

GAIUS JULIUS CAESAR

Панеций умер в Тарсе в середине февраля, и у Публия Рутилия оставалось совсем мало времени, чтобы попасть домой до начала кампании. Сначала он предполагал большую часть пути проделать по суше, но сроки вынудили его и на этот раз плыть морем.

– Мне повезло, – сказал он Гаю Марию на следующий день после приезда, как раз перед мартовскими идами. – Хотя бы на этот раз ветер дул в нужную сторону.

Марий усмехнулся:

– Я же говорил тебе, Публий Рутилий, даже у Отца Нептуна не хватило духу нарушить планы Свина! Тебе повезло не только в этом: если бы ты находился в Риме, тебе непременно пришлось бы обхаживать итальянских союзников и убеждать их дать нам войска.

– Я так полагаю, что именно тебе пришлось этим заниматься?

– С первых чисел января, когда Метеллу выпал жребий возглавить войну против Югурты. Набрать войско было нетрудно. Вся Италия горела желанием отомстить за оскорбление. Но настоящие мужчины сейчас редкость.

– Тогда нам лучше надеяться, что в будущем Риме не грозят поражения, – сказал Рутилий Руф.

– Согласен.

– А как к тебе относится Свин?

– Вполне цивилизованно, если учесть все обстоятельства, – ответил Марий. – На следующий день после инаугурации он пришел ко мне и был довольно откровенен относительно своих мотивов. Я спросил, почему он хотел именно меня – и тебя, кстати, – после того как мы зло посмеялись над ним тогда, в Нуманции. А он ответил, что ему наплевать на прошлое. Единственное, что его сейчас волнует, – как одержать победу в Африке. Лучшего способа выиграть войну он придумать не мог, ведь мы с тобой лучше всех понимаем стратегию Югурты.

– Умно, – отметил Рутилий Руф. – В качестве командующего он ошиплет все лавры. Какое значение имеет, кто для него выиграл войну? Воссесть на победной колеснице будет он! Ни тебе, ни мне сенат не предложит прозвище Нумидийский. А ему – предложит.

– Ну что ж, ему оно нужнее, чем нам. Он ведь Цецилий, наш Свин! А это значит, его голова управляет сердцем, особенно когда дело касается его шкуры.

– Точно сказано! – оценил Рутилий Руф.

– Он уже лоббирует всюю, чтобы сенат продлил его командование в Африке на следующий год, – продолжал Марий.

– Это свидетельствует о том, что он достаточно изучил Югурту за эти годы. И понял: подчинить Нумидию не так-то просто. Сколько легионов он берет с собой?

– Четыре. Два римских и два итальянских.

– Плюс войска, уже находящиеся в Африке, – скажем, еще два легиона. Да, мы должны справиться, Гай Марий.

– Согласен.

Марий встал из-за стола, чтобы налить вина.

– А что с этим Гнеем Корнелием Сципионом? – спросил Рутилий Руф, принимая протянутый ему бокал. Как раз вовремя, потому что Марий тотчас расхохотался и расплескал свое вино.

– О Публий Рутилий, это было великолепно! Честно говоря, я никогда не перестану поражаться комичности старых римских аристократов. Сципион выбран претором и награжден должностью наместника Дальней Испании. Что же он делает? Он поднимается в сенате и торжественно объявляет, что отказывается от чести быть наместником Дальней Испании! «Почему?» – удивленно спрашивает Скавр – он наблюдал за жребиями. «Потому что, – произносит Сципион с подкупающей откровенностью, – я разграблю это место». Что тут началось! Крики, смех, топанье ног, аплодисменты. И когда шум наконец стих, Скавр только одно и ска-

зал: «Я согласен, Гней Корнелий, ты действительно разграбишь». И теперь управлять Дальней Испанией они посылают Квинта Сервилия Цепиона.

– Он ведь тоже разграбит Испанию, – улыбаясь, заметил Рутилий Руф.

– Конечно-конечно! Каждый знал это, включая Скавра. Но у Цепиона, по крайней мере, хватило ума не объявлять об этом открыто. Так что Рим может закрыть глаза на Испанию и жить спокойно, – сказал Марий, опять садясь за стол. – Я люблю этот город, Публий Рутилий, правда люблю.

– Я рад, что хоть Силана держат в Риме.

– К счастью. Кто-то ведь должен управлять Римом! Какое избавление! Сенат с трудом добился продления срока наместничества Минуция Руфа в Македонии, уверяю тебя. А так как эта ниша уже занята, Силану ничего не оставалось, кроме Рима, где более-менее спокойно. Силан во главе армии – сам Марс побледнеет!

– Вот уж правда! – горячо подтвердил Рутилий Руф.

– И все же год неплохой, – сказал Марий. – Не только Испания спасена от нежных милостей Сципиона, но и Македония избавлена от Силана. Однако сам Рим – гнездо преступников, если мне позволено будет точно охарактеризовать наших консулов.

– Ты имеешь в виду комиссию Мамилия?

– Именно. Бестия, Гальба, Опимий, Гай Катон, Спурий Альбин – все были осуждены. И еще много судов предстоит, хотя стоит ли этому удивляться! Гай Меммий усердно помогал Мамилию в сборе доказательств тайного сговора патрициев с Югуртой, а Скавр – безжалостный председатель суда. Хотя он и выступал в защиту Бестии, но голосовал за приговор.

– Человек должен быть гибким, – улыбнулся Рутилий Руф. – Скавр оправдывался перед коллегой, выступая в его защиту, но это не помешало ему выполнить свой долг перед судом. Таков уж Скавр.

– Да! Таков уж Скавр.

– А куда направились осужденные? – поинтересовался Рутилий Руф.

– Некоторые избрали местом ссылки Массилию, а Луций Опимий предпочел Западную Македонию.

– А Авл Альбин выкарабкался?

– Да. Спурий Альбин взял всю вину на себя, и сенат голосованием позволил ему это, – вздохнул Марий. – Ничего себе юридический казус!

Схватки у Юлии начались на мартовские иды, и, когда повитухи сказали Марию, что роды будут трудными, он немедленно позвал родителей жены.

– Наша кровь слишком старая и жидкая, – раздраженно сказал Марию Цезарь, когда они устроились в таблиннии – муж и отец, которых связывала взаимная приязнь и страх за жену и за дочь.

– Моя кровь помоложе и погуще, – отозвался Марий.

– Но это не может помочь ей! Это когда-нибудь поможет ее дочери, если она у нее будет. Возблагодарим за это богов! Я надеялся, что Марция добавит моему роду немного плебейской силы, но, кажется, Марция слишком еще знатна. Ее мать была патрицианкой из рода Сульпициев. Я знаю, есть люди, которые считают, что кровь должна сохраняться чистой, но я много раз замечал, что девушки старинных фамилий склонны во время родов к кровотечениям. В чем же причина более высокой смертности среди женщин знатных семей по сравнению со смертностью женщин более низкого происхождения? – И Цезарь провел рукой по своим волосам цвета позолоченного серебра.

Марий больше не мог усидеть на месте. Он поднялся из-за стола и стал мерить кабинет шагами.

– У нее лучшие врачи, денег я не пожалел. – Он кивнул в сторону комнаты роженицы, откуда пока еще не доносилось ни звука.

– Но прошлой осенью эти лучшие врачи не смогли спасти племянника Клитумны, – сказал уныло Цезарь.

– Ты имеешь в виду твою неутешную соседку?

– Да, эту самую Клитумну. Ее племянник скончался в прошлом сентябре после продолжительной болезни. Но этот молодой человек всегда казался совершенно здоровым. Врачи сделали все, что только могли придумать, а он все равно умер. С тех пор я постоянно об этом думаю.

Марий недоуменно взглянул на своего тестя:

– С какой стати ты должен об этом думать?

Цезарь пожевал губу.

– Все повторяется трижды, – проговорил он безрадостно. – Смерть племянника Клитумны случилась совсем рядом со мной и моими близкими. Следует ожидать еще двух смертей.

– Если и так, то смерти должны постигнуть семью Клитумны.

– Не обязательно. Просто – три смерти, каким-либо образом связанные между собой. Но пока не случится второй, я не поверю предсказательнице, что связь существует.

Марий всплеснул руками в отчаянии:

– Гай Юлий, Гай Юлий! Постарайся быть оптимистом, умоляю тебя! Никто еще не пришел и не сказал, что Юлия умирает. Мне просто сообщили, что роды ожидаются трудные. Я послал за тобой, чтобы ты помог мне перенести это ужасное ожидание, а не пугал меня!

Пристыженный, Цезарь сделал над собой усилие.

– На самом деле я рад, что Юлия уже рожает, – с наигранной бодростью произнес он. – В последнее время я не хотел беспокоить ее. Но как только она родит, надеюсь, у нее найдется минута поговорить с Юлиллой.

Лично сам Марий считал: единственное, что требовалось Юлилле, – это крепкая отцовская рука. Отшлепать баловницу по первое число. Но Марий постарался продемонстрировать интерес. В конце концов, он должен себе признаться, что сам может превратиться в такого же сумасшедшего отца, как Гай Юлий Цезарь.

– А что такого с Юлиллой? – спросил он.

– Она ничего не ест, – вздохнул Цезарь. – Мы уже давно не можем заставить ее проглотить хотя бы кусочек. Но за последние четыре месяца стало значительно хуже. Она все худеет и худеет! А теперь еще и обмороки. Идет, идет – и вдруг падает как камень. Врачи ничего не находят.

«Неужели я тоже буду таким отцом? – спросил себя Марий. – У этой избалованной девчонки ничего серьезного. Хорошая доза безразличия быстро ее вылечит!»

Однако это была хотя бы какая-то тема для разговора, поэтому Марий решил поддержать беседу.

– Я так думаю, ты хочешь, чтобы Юлия узнала у нее, в чем дело?

– Именно!

– Вероятно, она влюбилась в неподходящего для нее человека, – предположил Марий, случайно попав в точку.

– Чепуха! – резко возразил Цезарь.

– Почему тебе знать, что это чепуха?

– Потому что врачи тоже подумывали об этом, и я навел справки, – пояснил Цезарь.

– И у кого же ты навел справки? У нее?

– Естественно!

– Будет больше пользы, если расспросишь как следует ее служанку.

– Но Гай Марий!

– А она, часом, не беременна?

– Ты что, Гай Марий!

– Послушай, тесть, не надо смотреть на меня как на насекомое, – равнодушно произнес Марий. – Я член семьи, а не посторонний. Если даже я, при моем крайне ограниченном опыте общения с шестнадцатилетними девицами, могу предположить такое, то тем более можешь и ты. Вызови ее служанку и выколоти из нее всю правду. Гарантирую, она доверенное лицо Юлиллы, и, если ты правильно допросишь ее, она выложит все. Пригрози ей пытками, смертью!

– Гай Марий, но я не могу так! – возмутился Цезарь, придя в ужас от одной мысли о таких драконовских мерах.

– Тебе достаточно только прибить ее, – терпеливо объяснил Марий. – Пара ударов палкой по заднице и лишь упоминание о пытках – и ты будешь знать все, что знает она.

– Я не смог бы этого сделать, – повторил Цезарь.

– Ну, тогда поступай как хочешь, – вздохнул Марий. – Но не думай, что тебе известна вся правда только потому, что ты задавал вопросы Юлилле.

– Но мы никогда друг от друга ничего не скрывали! – кипятился Цезарь.

Марий не ответил, лишь бросил скептический взгляд.

В дверь постучали.

– Войдите! – отозвался Марий, довольный, что разговор прервали.

Это был маленький врач, грек из Сицилии Афинодор.

– Господин, твоя жена хочет тебя видеть, – обратился он к Марию. – Думаю, для нее будет полезно, если ты придешь.

Марий почувствовал, что внутри его все упало куда-то вниз. Он издал звук, похожий на рыдание, и протянул руку. Цезарь вскочил на ноги, с болью глядя на врача.

– Она... она?.. – Цезарь не мог закончить вопрос.

– Нет-нет! Успокойся, господин, с ней все хорошо, – заверил грек.

Гай Марий никогда не присутствовал при родах и теперь пришел в неопишумый ужас. Он спокойно мог смотреть на убитых и покалеченных на поле боя. Это были товарищи по оружию, независимо от того, на чьей стороне они сражались. Он всегда знал: если бы не Фортуна, он мог бы оказаться среди них. Но в случае с Юлией – жертвой была его любимая, которую он обязан защищать, избавлять от любой боли. Кроме того, Юлия была его жертвой. Она страдала по его вине. Эти мысли сильно тревожили Гая Мария.

Однако, когда он вошел в комнату, все выглядело как обычно. Юлия лежала в кровати. Специальный родильный стул, на который ее посадят на последней стадии родов, стоял в углу, прикрытый куском ткани. Марий даже не заметил его. К его великому облегчению, она не выглядела ни изможденной, ни тяжелобольной. Увидев мужа, Юлия радостно улыбнулась, протянула к нему руки.

Он взял их в свои и поцеловал.

– С тобой все хорошо? – глуповато спросил он.

– Конечно! Просто мне сказали, что это займет немного больше времени, чем обычно, и есть небольшое кровотечение. Но пока беспокоиться не о чем.

Вдруг ее лицо исказилось от боли. Она вцепилась в руки мужа с силой, какой он не подозревал в ней, и не отпустила почти целую минуту, пока боль не ушла.

– Я просто хотела с тобой повидаться, – продолжила она, словно их разговор и не прерывался. – Можно иногда я буду видеть тебя или это слишком для тебя мучительно?

– Я с удовольствием побуду с тобой, любовь моя, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать то место надо лбом, где прилипли влажные завитушки волос. Лоб ее был тоже влажным. Бедняжка!

– Все будет хорошо, Гай Марий, – сказала она, отпуская его руки. – Постарайся не слишком беспокоиться. Я знаю, что все будет хорошо! Папа еще у тебя?

– У меня.

Повернувшись, чтобы уйти, он натолкнулся на бешеный взгляд Марции, стоявшей в стороне в обществе трех старых повитух. О боги! Вот кто еще не скоро простит его за то, что он сделал с ее дочерью!

– Гай Марий! – окликнула Юлия, когда он уже был у двери, и он оглянулся. – Астролог здесь?

– Нет еще. Но за ним послали.

Она вроде бы успокоилась.

– Вот и хорошо.

Сын Мария родился через двадцать четыре часа, весь в крови. Он почти стоил своей матери жизни. Но она отчаянно хотела жить, и после того, как врачи ввели ей тампоны и приподняли бедра, кровотечение уменьшилось и наконец остановилось.

– Он станет знаменитым, господин, его жизнь будет полна великих событий и интересных приключений, – сказал астролог, искусно избегая неприятных аспектов, которых родители новорожденных сыновей слышать не хотят.

– Значит, он будет жить? – резко спросил Цезарь.

– Без сомнения, он будет жить, господин. – Астролог ловко накрыл ладонью неблагоприятные знаки, чтобы их никто не заметил. – Он займет самый высокий пост в стране – это хорошо читается в его гороскопе.

– Мой сын станет консулом, – с огромным удовлетворением произнес Марий.

– Непременно, – подтвердил астролог и добавил: – Но не таким великим, как его отец, о чем говорит расположение звезд.

Это еще больше понравилось Марию.

Цезарь налил два кубка лучшего фалернского, неразбавленного, и протянул один своему зятю, сияя от гордости:

– За твоего сына и моего внука, Гай Марий! Я приветствую вас обоих!

Таким образом, когда в конце марта консул Квинт Цецилий Метелл отправился в провинцию Африка с Гаем Марием, Публием Рутилием Руфом, Секстом Юлием Цезарем, Гаем Юлием Цезарем Младшим и четырьмя многообещающими легионами, Гай Марий мог уехать спокойно, зная, что жена вне опасности, а сын набирает вес. Даже теща снизошла до разговора с ним!

– Потолкуй с Юлиллой, – попросил Марий Юлию перед своим отъездом. – Твой отец очень беспокоится за нее.

Юлия чувствовала себя намного лучше. Ее радовал сын – очень крупный и здоровый мальчик. Юлия печалилась лишь об одном: ее состояние пока не позволяло ей сопровождать Мария. А как ей хотелось побыть с ним еще несколько дней, прежде чем он покинет Италию...

– Ты, наверное, имеешь в виду эту ее непонятную голодовку? – спросила Юлия, устраиваясь поудобнее в объятиях мужа.

– Я знаю только то, что рассказал твой отец, – ответил Марий. – Прости, но меня не интересуют молоденькие девочки.

Его жена, тоже довольно молодая, про себя улыбнулась. Она знала, что Марий никогда не думал о ней как о молодой. Скорее, как о женщине своего возраста, такой же зрелой и умной.

– Я поговорю с ней, – обещала Юлия, подставляя лицо для поцелуя. – Гай Марий, как жаль, что я еще недостаточно здорова, чтобы сделать братика или сестричку маленькому Марию!

Но прежде чем Юлия собралась поговорить со своей немощной сестрой, на Рим обрушилось известие о германцах. Город объяла паника. С тех пор как триста лет назад галлы вторглись в Италию и почти покорили недавно созданное Римское государство, Италия с ужасом ожидала нового вторжения варваров. Именно поэтому италийские союзники и решились связать свою судьбу с Римом. Именно защищаясь от возможной варварской угрозы, Рим и его италийские союзники вели постоянные войны по всей длине македонской границы между Адриатическим морем и фракийским Геллеспонтом. Чтобы защититься от врага, около десяти лет назад Гней Домиций по прозвищу Агенобарб (Рыжебородый) прошел между Италийской Галлией и испанскими Пиренеями и покориł племена, жившие по берегам Родана. Он ослабил их, заставил жить по римским законам и взял под опеку Рима.

Еще пять лет назад римляне больше всего боялись галлов и кельтов, но вот появились германцы – и по сравнению с ними галлы и кельты показались цивилизованными, кроткими и сговорчивыми. Как и все пугала, страх перед германцами порождалься более всего неизвестностью. Германцы возникли ниоткуда (во время консульства Марка Эмилия Скавра) и, нанеся сокрушительное поражение огромной, великолепно обученной римской армии (во время консульства Гнея Папирия Карбона), исчезли, словно их никогда и не было. Загадочно. Непредсказуемо. Чуждо обычным нормам поведения, понятным и уважаемым всеми средиземноморскими народами. В самом деле, почему, когда после страшного поражения Италия лежала перед ними, беспомощная, как женщина в захваченном городе, германцы ушли, скрылись неведомо куда? В этом не было смысла! Но они действительно ушли, они действительно исчезли. Шли годы, все более отдаляя день сегодняшний от дня страшного поражения Карбона, – и германцы стали для римлян Ламией, Мормоликой – чудовищами, которыми пугают детей. Давний страх перед варварским вторжением был не таким уже сильным, застрял где-то между трепетом опасения и улыбкой неверия.

А теперь, снова будто ниоткуда, германцы вернулись. Сотни тысяч их хлынули в Заальпийскую Галлию, где река Родан вытекала из озера Леман. Галльские земли, владения данников Рима – эдуев и амбарров, – наводнили эти страшные, все ростом десять футов, с мертвенно-бледной кожей, гиганты римских легенд, духи подземного мира северных варваров. Германцы спустились в теплую, плодородную долину Родана, сметая на своем пути все живое, от человека до мыши, от целых лесов до ничтожного папоротника. Посевы интересовали их не больше, чем перелетные птицы.

Новость опоздала на несколько дней. Уже нельзя было отзывать консула Квинта Цецилия Метелла и его армию, достигшую Африки. Таким образом, консул Марк Юний Силан, которого держали в Риме, где он мог принести наименьший вред, хотя и был дураком, а становился лучшей кандидатурой на роль командующего. Таковы были традиции, таков был закон. Ибо правящий консул в подобной ситуации не мог быть заменен никем другим, если этот консул сам изъявляет желание идти на войну. А Силан просто горел желанием пойти войной на германцев. Как и Гней Папирий Карбон пять лет назад, Силан воображал германские повозки, груженные золотом. И жаждал этого золота.

После поражения Карбона германцы не стали подбирать оружие и доспехи, которые побежденные римляне оставили на своих погибших или побросали на бегу, чтобы легче было уносить ноги. Таким образом, не забывчивые германцы, а именно практичный Рим направил команды собрать с поля боя все оружие и доспехи. Эта военная добыча до сих пор лежала на складах по всему городу, ожидая, когда ею воспользуются. Ограниченные ресурсы оружейников были исчерпаны Метеллом в самом начале подготовки к африканской экспедиции. Спешно набранные легионы Силана можно было вооружить только с этих складов. Рекрутам, у кого не было ни оружия, ни доспехов, пришлось выкупать их у государства. Так что государство немножко подзаработало на новых легионах Силана.

Набрать войска для Силана оказалось значительно труднее, чем для Метелла. Вербовщики старались как могли, но их поджимали сроки. На имущественный ценз зачастую попросту закрывали глаза. Торопливо заносили в списки людей с низким имущественным цензом, но желающих воевать. Вооружали их со складов Карбона, а стоимость оружия вычитали из компенсационных выплат. Призывали даже ветеранов, которые безмятежно проводили дни в сельской местности, честно отслужив свои десять сезонов.

И наконец все было готово. Марк Юний Силан отправился в Заальпийскую Галлию во главе великолепной армии из семи легионов, с многочисленной кавалерией фракийцев и галлов из более оседлых районов Римской Галлии. Был конец мая, не прошло и восьми недель с тех пор, как новость о вторжении германцев достигла Рима. За это рекордно короткое время Рим набрал, вооружил и частично обучил армию в пятьдесят тысяч человек. Только такое чудовище, как германцы, могло вызвать столь героические усилия.

– Вот живое свидетельство того, на что мы, римляне, способны, если проявим волю, – сказал Гай Юлий Цезарь своей жене Марции, когда они возвращались домой.

Семья Цезаря уезжала посмотреть, как легионы выступят по Фламиниевой дороге в сторону Итальянской Галлии. Великолепное и ободряющее зрелище.

– Да, если Силан справится, – заметила Марция, истинная жена сенатора, активно интересующаяся политикой.

– Думаешь, он не справится? – спросил Цезарь.

– Ты тоже так думаешь, признайся. И все же, глядя, как множество подбитых железом сапог маршируют по Мульвиеву мосту, я радовалась, что у нас теперь есть такие цензоры, как Марк Эмилий Скавр и Марк Ливий Друз. – Марция удовлетворенно вздохнула. – Марк Скавр прав: Мульвиев мост шатается и еще одного наводнения не переживет. И что тогда мы будем делать, если все наши войска окажутся на южном берегу Тибра, а потребуются спешно переправить их на северный? Хорошо, что выбрали его, поскольку с него взяли клятву отстроить Мульвиев мост заново. Замечательный человек!

Цезарь улыбнулся немного кисло, но сказал, пытаясь быть справедливым:

– Скавр! Его имя у всех на устах, чума на его голову! Он фигляр, ловкач и на три четверти мошенник. Но одна его четверть все-таки стоит больше, чем иной человек весь целиком. И за это можно простить ему все остальное. Кроме того, он прав: нам действительно нужна новая программа общественных работ, а не только поддержание занятости на должном уровне. Все эти скряги, которых в последнее время мы вынуждены терпеть в качестве цензоров, едва ли стоят той бумаги, где царапают свои цензы! Отдадим должное Скавру: он намеревается пересмотреть некоторые пункты, которым давно следовало уделить внимание. Хотя лично я не могу смириться с его идеей осушения болот вокруг Равенны или с его планами относительно системы каналов и дамб между Пармой и Мутиной.

– Да будет тебе, Гай Юлий, будь великодушен! – воскликнула Марция немного резко. – По-твоему, это так ужасно, что он собирается укротить Пад? Германцы в Заальпийской Галлии – разве это не достаточная причина озаботиться тем, чтобы наши армии не оказались отрезанными от альпийских перевалов разлившимся Падом!

– Я уже сказал, что согласен, идея хорошая, – ответил Цезарь, а потом упрямо добавил: – И все же я считаю, что в целом ему удалось осуществить свою программу общественных работ именно в тех местах, где у него в изобилии клиентов. И к концу этих работ их число возрастет раз в шесть. Эмилиева дорога тянется от Аримина на Адриатике до Таврасии в предгорьях Западных Альп – триста миль клиентов, прижатых друг к другу, как камни на мостовой.

– Ну и пожелаем ему удачи, – не менее упрямо сказала Марция. – Думаю, ты найдешь, над чем посмеяться, когда он будет мостить дорогу на западном побережье.

– Ты забыла еще упомянуть ветку к Дертоне, которая свяжет дорогу восточного побережья с Эмилиевой, – съязвил Цезарь. – Вот когда он добьется, чтобы его именем назвали все дороги! Представляешь – Эмилиева дорога имени Скавра!

– Брюзга, – произнесла Марция.

– Ханжа, – не остался в долгу Цезарь.

– Бывают минуты, когда мне хочется, чтобы ты не нравился мне так сильно, – сказала Марция.

– Бывают минуты, когда мне хочется того же, – отрезал Цезарь.

В этот момент вошла Юлилла. Она очень похудела, но еще не превратилась в ходячий скелет. В этом состоянии она находилась уже два месяца. Юлилла нашла компромиссную диету, которая позволяла ей вызывать своим видом острую жалость к себе, но при этом не умереть – ни от голода, ни от болезней. Смерть в планы Юлиллы никак не входила.

У нее было две цели: первая – заставить Луция Корнелия Суллу признаться, что он любит ее, а вторая – довести семью до отчаяния. Она знала, что только тогда у нее появится шанс уговорить отца разрешить ей выйти замуж за Суллу. Очень молодая, но уже сильно избалованная, она тем не менее не переоценивала свою власть, не ставила ее выше власти отца. Гай Юлий Цезарь любил младшую дочь до безумия, потакал всем ее прихотям, не жалея денег. Но когда дело коснется ее замужества – будет так, как решит он. И еще она знала: он выберет ей в мужа того, в ком будет уверен. Но Луций Корнелий Сулла в качестве ее супруга? Никогда, никогда, никогда Гай Юлий Цезарь не согласится на это. Никакой аргумент – ее или Суллы – не заставит его передумать. Она могла бы рыдать, умолять, могла бы говорить о вечной любви, могла бы вывернуться наизнанку – и все равно ее отец не даст своего согласия. Особенно теперь, когда помещенное в банк ее приданое составляет почти сорок талантов – миллион сестерциев! Это делает ее желанной партией и лишает Суллу последней возможности когда-либо убедить ее отца в том, что он хочет жениться не из-за денег. Если, конечно, Сулла признается себе, что все-таки хочет жениться на ней.

Еще ребенком Юлилла никогда не показывала, что обладает огромным терпением, но сейчас, когда это стало необходимо, она продемонстрировала его. Терпеливая, как птица, высиживающая пустое яйцо, Юлилла приступила к выполнению своего главного плана. Она была уверена, что если хочет добиться своего, то должна ждать и все вытерпеть. Переждать и перетерпеть всех – от своей жертвы Суллы до своего надсмотрщика Гая Юлия Цезаря. Она даже сознавала, что на ее пути к успеху могут возникнуть ловушки: Сулла, например, мог жениться на ком-нибудь, уехать из Рима, заболеть, умереть. Но она делала все, что могла.

Главный план развивался медленно. Началом ему послужил результат той первой встречи, когда он обозвал ее толстухой и прогнал прочь. Она перестала объедаться сладостями, немного похудела, а он даже внимания не обратил. Потом, когда он вернулся в Рим и был еще грубее с ней, она утвердилась в своем решении и стала отказываться от еды. Сначала приходилось очень трудно, но потом она обнаружила, что после долгого соблюдения полуголодного режима аппетит существенно уменьшился и голодные спазмы прекратились.

Итак, с того времени, как Луций Гавий Стих умер в результате продолжительной болезни, прошло восемь месяцев, и главный план Юлиллы был почти в полном разгаре. Осталось разрешить некоторые досадные проблемы. Например, требовалось добиться, чтобы Сулла непрерывно думал о ней; нужно было поддерживать себя в правильной весовой категории и при этом не отдавать концы.

Проблему Суллы она решала с помощью писем.

Я люблю тебя и никогда не устану говорить тебе об этом. Если письма – единственный способ заставить тебя слушать меня, тогда пусть это будут письма. Десятки. Сотни. Тысячи, если будут проходить годы. Я завалю тебя письмами, утоплю тебя в письмах, раздавлю тебя письмами. Что еще остается римлянке, кроме писем? Я насыщаюсь ими, когда

пищу тебе. Ведь ты отказываешь мне в той единственной пище, которой жаждет мое сердце, моя душа!

Мой самый жестокий, самый безжалостный и беспощадный возлюбленный! Как можешь ты оставаться вдали от меня? Разрушь стену между нашими домами, проберись тайком в мою комнату, целуй меня, целуй, целуй меня! Но ты этого не сделаешь. Я так и слышу, как ты говоришь мне это. А я лежу здесь, слишком слабая, не в состоянии покинуть эту ужасную, ненавистную кровать. Что я сделала такого, чтобы заслужить твою безразличие, твою холодность? А где-то там, под твоей белой, под твоей молочной кожей, свернулась клубочком крохотная женщина – моя суть, данная тебе на хранение. Та Юлилла, что живет по соседству с тобой, – лишь выжатое, высушенное подобие, и оно становится все слабее и призрачнее. И однажды я исчезну, и все, что останется от меня, – это та маленькая крошечка под твоей белой, под твоей молочной кожей. Приди посмотри на меня, посмотри на дело рук твоих! Целуй меня, целуй меня, целуй меня! Ибо я люблю тебя.

Невзирая на все свои усилия поддерживать нужный вес, Юлилла продолжала терять его. Однажды врачи, которые в течение нескольких месяцев толклись в доме Гая Юлия Цезаря, пошли к хозяину и заявили, что больную следует кормить насильно. Но, как в обычае у врачей, эту неблагоприятную обязанность они переложили на семью. Поэтому домашние собрались с духом и мобилизовали все силы, начиная от недавно купленного раба и заканчивая Марцией и самим Цезарем. Это была пытка, о которой никто потом не хотел вспоминать. Юлилла кричала, словно ее убивали, а не пытались спасти. Она слабенько отбивалась, плевалась, давилась. Наконец Цезарь приказал прекратить этот ужас. Семья удалилась на совещание и приняла решение – при одном голосе против: что бы ни ждало Юлиллу в будущем, насильно кормить ее не будут.

Но шум, поднятый Юлиллой во время принудительного кормления, раскрыл тайну дома Цезаря. Все соседи теперь были осведомлены о неприятностях в этом доме. Не то чтобы семья скрывала происходящее из чувства стыда... Просто Гай Юлий Цезарь ненавидел сплетни и старался не давать к ним повода.

Положение спасла не кто иной, как соседка – Клитумна. Она принесла рецепт еды, которую, она ручалась, Юлилла проглотит и ее не вырвет. Цезарь и Марция горячо приветствовали советчицу и внимательно ее выслушали.

– Найдите, у кого есть коровье молоко, – важно начала Клитумна, радуясь необычному ощущению: она оказалась в центре внимания самого Цезаря. – Я знаю, это нелегко, но думаю, что такие сыщутся в долине Камен за Капенскими воротами. В чашу с молоком надлежит вбить одно куриное яйцо и положить три ложки меда. Взбить до появления пены и потом добавить полчаши крепкого вина. Если вино влить прежде, то пены не получится. Если у вас есть стеклянный кубок, дайте ей напиток в этом кубке, потому что сквозь стекло он выглядит очень красиво – насыщенный розовый цвет с желтой пеной сверху. Если она выпьет и ее не вырвет – она будет жить и поправится, – сказала Клитумна, поскольку очень хорошо помнила, как голодала ее сестра, когда ей не позволяли выйти замуж за самого неподходящего человека из Альбы-Фуценции – заклинателя змей, ни больше ни меньше!

– Мы попробуем, – произнесла Марция сквозь слезы.

– Это помогло моей сестре, – добавила Клитумна и вздохнула. – Она забыла своего заклинателя и вышла за отца моего дорогого, незабвенного Стиха.

Цезарь встал:

– Я сейчас же пошлю кого-нибудь в долину Камен. – Он исчез за дверью, но тут же вернулся. – А какие яйца брать? Как можно крупнее или подойдет обычное?

– Мы брали обычные, – спокойно ответила Клитумна, развалившись в кресле. – Слишком крупные яйца могут нарушить соотношение частей в напитке.

– А мед? – опять уточнил Цезарь. – Обычный, местный, или с горы Гимет, или хотя бы добытый без окуривания?

– Подойдет самый обычный латинский мед, – твердо ответила Клитумна. – Кто знает? Может быть, наличие дыма в обычном меду сыграло определенную роль. Не будем отходить от рецепта, Гай Юлий.

– Правильно, – согласился Цезарь и опять исчез.

– Только бы ее не вырвало! – дрожащим голосом проговорила Марция. – Соседка, мы уж и не знаем, что делать!

– Представляю себе. Но не следует так суетиться. По крайней мере, не стоит, чтобы Юлилла слышала, – посоветовала Клитумна, которая могла быть разумной, когда это не касалось ее. С каким удовольствием Клитумна дала бы умереть Юлилле, знай она о письмах в кабинете Суллы! Лицо ее сморщилось, и она шмыгнула носом. – Мы не хотим второй смерти в наших домах.

– Еще бы, конечно не хотим! – воскликнула Марция в ужасе. И тут же деликатно спросила: – Надеюсь, Клитумна, ты немного утешилась после потери племянника? Я знаю, как это бывает трудно.

– Стараюсь, – отозвалась Клитумна, горе которой по Стиху было многослойным.

Но на одном очень важном уровне жизнь ее существенно облегчилась: не было постоянных ссор между покойным Стихом и ее дорогим, дорогим Суллой. Она очень глубоко вздохнула.

Этот визит стал первым из многих, ибо, когда напиток и впрямь подействовал, все семейство Цезаря оказалось в неоплатном долгу перед своей вульгарной соседкой.

– Благодарность может обернуться ужасной обузой, – сказал Гай Юлий Цезарь, который взял за правило прятаться в своем кабинете всякий раз, когда из атрия опять доносился резкий голос Клитумны.

– Гай Юлий, умерь гордыню! – воскликнула Марция, защищая соседку. – Клитумна действительно очень добра к нам, и мы не имеем права ранить ее чувства, а ты можешь ее серьезно обидеть, постоянно прячась от нее.

– Я знаю, что она ужасно добрая! Именно этим я и недоволен! – воскликнул глава семейства в ярости.

Главный план Юлиллы невероятно осложнил жизнь Суллы. Какое огромное удовольствие доставило бы это девушке, знай она об этом! Но она не знала. Он скрывал пытку от всех, кроме себя самого, старательно притворяясь безразличным к состоянию соседской девчонки. Это помогало вводить в заблуждение Клитумну, которая теперь была осведомлена о происходящем в соседском доме, поскольку носила мантию чудесного спасителя.

– Я очень хочу, чтобы ты зашел в тот дом и навестил бедняжку. – Клитумна завела разговор примерно тогда, когда Марк Юний Силан вел семь великолепных легионов на север по Фламиниевой дороге. – Она часто спрашивает о тебе, Луций Корнелий.

– У меня есть занятия получше, чем расхаживать на задних лапках перед дочкой Цезаря! – огрызнулся он.

– Вздор! – решительно вмешалась Никополис. – Тебе абсолютно нечего делать!

– По-твоему, я в этом виноват?! – возмутился он, так резко повернувшись к своей любимице, что та испуганно отпрянула. – У меня могло бы быть дело! Я мог бы сейчас идти с Силаном на войну с германцами.

– Ну и почему же ты не пошел? – спросила Никополис. – Они так снизили ценз, что ты, с твоим именем, быстро попал бы в списки.

Он хищно улыбнулся, обнажив длинные острые клыки:

– Я, патриций из рода Корнелиев, буду топтать – ать-два! – как простой солдат в легионе? Да лучше пусть меня германцы продадут в рабство!

– Это вполне возможно, если германцев не остановят. Правда, Луций Корнелий, иногда ты очень хорошо демонстрируешь, что самый главный твой враг – ты сам! Клитумна лишь попросила тебя сделать одолжение – навестить умирающую девушку, а ты ворчишь, что у тебя нет ни времени, ни желания. Ты поражаешь меня! – Ее глаза хитро блеснули. – В конце концов, Луций Корнелий, признай: твоя жизнь стала намного комфортнее с тех пор, как Луций Гавий так кстати скончался. – И она замурлыкала мелодию популярной песенки, в которой говорилось о том, что певец убил своего соперника и сбежал со своей любовью. – Кста-а-а-ти сконча-а-ался! – пропела она.

Лицо Суллы окаменело.

– Дорогая моя Никополис, почему бы тебе не спуститься к Тибру и не оказать мне огромную услугу, прыгнув в него?

Тема Юлиллы была благоразумно закрыта. На время. То и дело она возникала – вновь и вновь. В глубине души Сулла тайно мучился, сознавая свою уязвимость. В любой момент глупую служанку Юлиллы могут поймать, когда она будет пробираться к нему с письмом. Или саму Юлиллу застанут за написанием письма... И тогда – что будет с ним? Кто поверит, что он, с его-то прошлым, не был замешан ни в какой интриге? Одно дело – иметь сомнительную репутацию, и совсем другое, если цензоры объявят его виновным в соращении дочери сенатора. Он уже никогда, никогда не сможет стать сенатором. А войти в сенат было его целью.

Он очень хотел уехать из Рима, но не смел. Что еще могла вытворить строптивая девушка в его отсутствие? Признаваться в этом даже себе самому было противно, но он не мог покинуть ее сейчас, когда она так больна. Мысли крутились в его голове, словно сбитое с толку животное, не способные остановиться, выстроиться.

Он вынимал увядший венец, который прятал в одной из своих семейных реликвий, и сидел, держа его в руках и чуть не плача от страстного желания. Он знал, куда собирается идти и что намерен сделать. Эта несчастная девушка невыносимо осложняла его жизнь, и все же она была началом всего – со своим венцом из трав. Что делать, что делать? Выход из путаницы намерений требовалось отыскать один-единственный – сразу безошибочный. И без дополнительного осложнения в виде Юлиллы.

Он даже подумывал о самоубийстве. Это он-то, последний человек в мире, способный это сделать! А потом его мысли вновь возвращались к Юлилле. Всегда к Юлилле. Почему? Он не любил ее, он не способен был любить. И все же наступали минуты, когда он жаждал ее, страстно желал кусать ее, целовать ее, пронзать до тех пор, пока она не закричит в экстазе. Но были и другие минуты – особенно когда он лежал без сна между любовницей и мачехой. Тогда он ненавидел ее, хотел ощутить свои руки на ее тощем горле, увидеть ее багровое лицо и выпученные глаза, когда последний вздох вылетит из ее обессиленных легких.

Потом приходило новое письмо. Почему он не выбрасывал эти послания или не относил их ее отцу с требованием прекратить эту агрессию? Ни разу он так не сделал. Он читал письма, эти страстные и отчаянные мольбы, которые ее служанка продолжала прятать в складках его тоги. Это происходило в слишком людных местах и не привлекало внимания. Он перечитывал каждое письмо десятки раз, потом складывал вместе с другими.

Но никогда не менял своего решения – не видеть ее.

Весна перешла в лето, и летом наступили жаркие дни секстилия, когда Сириус из созвездия Псов мрачно мерцал над Римом, парализованным жарой. А потом, когда Силан уже двигался вверх по течению Родана навстречу несметным полчищам германцев, в Центральной Италии начались затяжные дожди. Для жителей солнечного Рима это было хуже невыносимой жары. Началась депрессия, все боялись наводнения. Рынки закрывались, политическая жизнь остановилась, судебные процессы откладывались, преступность росла. Мужчины заста-

вали своих жен с любовниками и убивали их. Зернохранилища протекали, зерно мокло, Тибр поднялся настолько, что затопил общественные уборные – их содержимое выплеснулось на улицы. Не стало овощей, когда затопило Марсово и Ватиканское поле. Построенные наспех высокие дома рушились, по стенам и фундаментам змеились огромные трещины. Все простужались. Старые и хворые умирали от воспаления легких, молодые – от крупы и гнойного тонзиллита. И независимо от возраста люди заболевали таинственной болезнью, которая парализовала тело, а если человек и выживал, то нога или рука у него усыхала, мертвела.

Клитумна и Никополис ежедневно ссорились. Каждый день Никополис не забывала шепнуть Сулле, как кстати для него умер Стих.

Потом, после двух недель беспощадного дождя, низкие облака протащили свои последние клочья за горизонт, на восток, и появилось солнце. От Рима пошел пар. Струйки пара отрывались от камней мостовых и черепиц крыш. Воздух был пропитан влагой. Балконы, лоджии, окна покрылись пятнами плесени. Стояла невыносимая духота. В домах с маленькими детьми в перистилиях сушились многочисленные пеленки. Обувь требовалось очистить от налета, каждый свиток развернуть и тщательно проверить на наличие плесени, проветрить сундуки с одеждой и поставцы.

Но нашлась в этой зловонной сырости и утешительная сторона: начался обильный сезон грибов. Римляне, жадные до ароматных зонтиков, богатые и бедные, – все объедались грибами.

После двух восхитительных мокрых недель, которые мешали служанке Юлиллы найти Суллу и сунуть ему в тогу очередное письмо, он вновь начал получать послания от своей мучительницы. Его желание покинуть Рим все усиливалось. Однажды он понял, что если хотя бы на день не стряхнет с себя миазмы городского пара, то действительно сойдет с ума. Метробий отдыхал в Кумах со своим телохранителем Скилаксом, и Сулле тоже не хотелось проводить день отдыха в одиночестве. Поэтому он решил взять с собой на загородный пикник Клитумну и Никополис.

– Вставайте, девочки! – приказал он им на рассвете третьего дня хорошей погоды. – Наденьте свои лучшие тряпки, и я возьму вас на пикник!

«Девочки» посмотрели на него недовольно. Им не нравилось, что их пытаются вытащить из их хандры, из этой смятой коммунальной постели, хотя влажная ночь пропитала ее потом.

– Вам обеим необходим свежий воздух, – настаивал Сулла.

– Мы живем на Палатинском холме, где воздух и так хороший, – заявила Клитумна и отвернулась к стене.

– В данный момент воздух на Палатине не лучше, чем во всем городе, – воняет отходами и стиранным бельем! Ну вставайте же! Я нанял повозку, и мы отправимся в сторону Тибура – позавтракаем в лесу. Можно поймать одну-две рыбки, а можно и купить. А еще жирного кролика прямо из капкана. Вернемся домой до темноты и почувствуем себя немного счастливее.

– Не-е-ет, – жалобно протянула Клитумна.

Никополис колебалась:

– Ну...

Для Суллы этого было достаточно.

– Будьте готовы, я скоро вернусь, – сказал он и с наслаждением потянулся. – Как же я устал торчать взаперти в этом доме!

– Я тоже, – согласилась Никополис, вставая с постели.

Клитумна продолжала лежать, отвернувшись к стене, а Сулла отправился на кухню, чтобы приказать слугам приготовить все для пикника.

– Поедем, – опять позвал он Клитумну, надевая чистую тунику и зашнуровывая открытые сандалии. – (Она не ответила.) – Ну как знаешь. – Сулла направился к двери. – В таком случае увидимся вечером.

Она опять промолчала.

Таким образом, на пикник поехали только Никополис и Сулла, да еще большая корзина всякой снеди, которую успел собрать повар. У подножия Лестницы Кака их поджидала открытая двуколка. Сулла помог Никополис подняться на сиденье пассажира, а сам взобрался на место возницы.

– Поехали! – весело воскликнул он, подбирая вожжи.

Он чувствовал необыкновенную легкость, непривычное ощущение свободы пьянило. Он не жалел о том, что Клитумна отказалась ехать. Достаточно одной Никополис.

Мулы легко тронулись с места. Двуколка протарахтела по Марсову полю, где был расположен Большой цирк, и они выехали из города через Капенские ворота. Увы, сначала открывшийся перед ними вид был вовсе не интересен. Кольцевая дорога, по которой Сулла двинулся на восток, пересекала самые большие кладбища Рима. Надгробия, надгробия... Не внушительные мавзолеи и склепы богатых и знатных, обрамляющие главные магистрали, выходящие из города, а могильные камни простых людей. Каждый римлянин и грек, даже самый бедный, даже раб, мечтал оставить после себя приличный памятник – свидетельство о том, что и он когда-то жил на земле. По этой причине и бедные, и рабы были членами похоронных клубов и вносили каждый свободный грош в фонд этого клуба. За фондом хорошо присматривали. Воровство процветало в Риме, как и в любом другом месте обитания человека, но похоронные клубы так ревностно охранялись их членами, что управляющим ничего не оставалось, кроме как быть честными.

Перекресток был центром огромного Некрополя, раскинувшегося по всему Эсквилинскому полю. Там, среди священной лиственной рощи, стоял храм Венеры Либитины, богини мертвых. В подиуме храма хранились регистрационные книги, куда заносили имена умерших граждан Рима. Там же стояли сундуки с деньгами – то была плата за регистрацию покойников, умерших за несколько столетий. В результате храм оказался невероятно богат. Фонды принадлежали государству, но их никогда не трогали. Эта Венера правила мертвыми, а не живыми. Она распоряжалась прекращением детородной силы. Ее роща служила штабом римской гильдии владельцев похоронных бюро. За пределами территории храма Венеры Либитины находилось открытое пространство, где жгли погребальные костры, а дальше простиралось кладбище бедных – постоянно меняющаяся сеть траншей, наполненных телами, известью, землей. Редкие граждане или неграждане предпочитали быть захороненными прямо в земле, кроме евреев, которых закапывали в одной из секций Некрополя, и аристократов знаменитой фамилии Корнелиев, которых хоронили вдоль Аппиевой дороги. Таким образом, памятники превратили Эсквилинское поле в перенаселенный маленький каменный город, хранящий в основном урны с прахом, а не разлагающиеся тела. Никто не мог быть захоронен в священных границах Рима, даже самые великие.

Однако после того, как двуколка проехала под арками двух акведуков, по которым поднималась вода на холмы северо-восточной части города, вид изменился. Везде была возделанная земля: сначала огороды, овощи с которых продавались на римских рынках, за огородами начинались пастбища, а дальше расстились поля пшеницы.

Ливень почти размыл Тибуртинскую дорогу – плотный слой гравия, туфовой пыли и песка на камнях мостовой были смыты. Двое в двуколке веселились от всего сердца. Солнце светило жарко, но ветерок приятно освежал, а зонт Никополис был достаточно велик, чтобы скрыть белоснежную кожу Суллы от солнечных лучей. Мулы оказались очень послушными. Поскольку они хорошо реагировали на кнут, Сулла отпустил вожжи, и мулы сами с удовольствием побежали рысью.

Любимое место Суллы находилось совсем рядом с началом подъема к Тибуру. На некотором расстоянии от Рима начинался лес, раскинувшийся вплоть до Великой Скалы – самой высокой горы Италии. Этот лес пересекал дорогу по диагонали на протяжении почти мили, а

потом отступал в сторону от нее. Дорога доходила до плодородной долины реки Анио, притока Тибра.

На протяжении почти мили почва в лесу была твердая. Сулла свернул с большой дороги, направляя мулов по грунтовке, уходящей в лес. Грунтовка наконец закончилась.

– Вот мы и приехали! – объявил Сулла, спрыгнув с двуколки. Он обошел ее, чтобы помочь Никополис, которая вдруг сделалась серьезной и немного недовольной. – Я знаю, вид не очень привлекательный, но давай немного прогуляемся, и я покажу тебе место, ради которого стоило приехать.

Сначала он распряг мулов, спутал их, потом откатил двуколку с дороги под тень кустов, вынул корзину и поставил на плечо.

– Где ты научился обращаться с мулами и упряжью? – спросила Никополис, осторожно ступая среди деревьев следом за Суллой.

– Каждый, кто работал в римском порту, это умеет, – отозвался Сулла, не поворачиваясь. – Не торопись, нам недалеко.

Действительно, они хорошо провели время. Было начало сентября, когда двенадцать дневных часов длятся по шестьдесят пять минут. Они приехали на место за два часа до полудня.

– Это не дикий лес, – объяснил он. – В стародавние времена здешняя земля была распашана под пшеницу, но после того, как зерно начали завозить с Сицилии, Сардинии и из провинции Африка, крестьяне перебрались в Рим, и земля снова заросла лесом. Почва здесь бедная.

– Ты меня удивляешь, Луций Корнелий, – проговорила Никополис, стараясь не отстать от Суллы. – Как это получилось, что ты так много знаешь?

– Мне просто повезло. Запоминаю все, что слышу или читаю.

И тут они вышли на прелестную полянку, поросшую травой, усеянную поздними летними цветами – заросли розовых и белых ползучих роз, люпинов, тоже розовых и белых, на длинных стеблях. По поляне протекал ручей, довольно глубокий после прошедших дождей. Его дно было усеяно острыми камнями, которые разделяли его воды на глубокие тихие запруды и пенящиеся каскады. Солнце сверкало и отражалось на его поверхности, а кругом летали стрекозы и птицы.

– О, как красиво! – воскликнула Никополис.

– Я нашел это место в прошлом году, когда на несколько месяцев уехал из Рима, – сказал Сулла, снимая корзину с плеча и ставя ее в тень. – От моей повозки отвалилось колесо – как раз там, где дорога уходит в лес. Я вынужден был посадить Метробия на одного из мулов и послать его в Тибур за помощью. Ожидая его, я все здесь осмотрел.

Никополис не очень-то приятно было услышать, что презренный, противный Метробий первым увидел это восхитительное место. Однако она ничего не сказала – просто опустила на траву и стала смотреть, как Сулла вынимает из корзины большой бурдюк с вином. Он опустил бурдюк в ручей, между камнями, которые не позволяли ему уплыть, потом снял тунику и сандалии – все, что на нем было.

Настроение Суллы оставалось приподнятым, оно согревало его изнутри подобно тому, как солнце грело его кожу снаружи. Он потянулся, улыбнувшись, и оглядел поляну с нежностью, которая ничего общего не имела ни с Метробием, ни с Никополис. Просто он был доволен, что хотя бы ненадолго избавился от неприятностей и разочарований, которые то и дело случались в его жизни. Доволен местом, где мог сказать себе, что время остановилось, что политики не существует, люди не делятся на классы и денег еще не изобрели. Моментов настоящего счастья было так мало и так редко случались они на его жизненном пути, что он отчетливо помнил каждый из них. День, когда замысловатые каракули на листе бумаги вдруг обернулись понятными мыслями. Час, когда один очень добрый и заботливый человек показал ему, каким идеальным может быть акт любви. Ошеломляющее ощущение свободы после

смерти отца. И наконец, осознание того, что эта поляна в лесу была первым клочком земли, который он мог назвать своим собственным. Никому и в голову не приходило приехать сюда. Только ему. Вот и все моменты. Больше ничего. Счастья он не нашел ни в красоте, ни даже в самом процессе жизни. Счастье оказалось в овладении грамотой, в получении эротических удовольствий и в возможности никому не подчиняться. Еще – в недвижимости. Ибо эти вещи Сулла ценил, именно ими хотел обладать.

Очарованная, Никополис наблюдала за ним, не понимая, в чем источник его счастья. Она восхищалась белизной его тела, освещенного солнцем, – зрелище, никогда не виданное ею раньше. Огненное золото волос окутывало голову, грудь, пах.

Это было уж слишком – не устоять! Она тоже решила обнажиться: скинула легкую столу и тунику, длинный подол которой был просунут между ног и закреплен спереди. Солнечные лучи целовали ее кожу.

Они вошли в одну из глубоких запруд, ахнув от холода, и стояли в воде, пока не согрелись. Сулла играл ее сосками, вдруг затвердевшими. Потом они вышли из воды, упали на густую мягкую траву и занимались любовью, пока не обсохли. После этого они поели – хлеб, сыр, яйца вкрутую, крылышки цыпленка – и все это запили холодным вином. Никополис сплела венок из цветов для Суллы, потом для себя. И стала кататься по траве – от избытка радости и благодарности за то, что она жива и здорова.

– Как хорошо! – вздохнула она. – Клитумна не знает, чего лишается!

– Клитумна никогда не знает, чего она лишается, – заметил Сулла.

– Может быть, – лениво отозвалась Никополис. Сомнения опять зашевелились у нее в голове. – Ей не хватает Луция Стиха.

И стала тихонько напевать песенку об убийстве, пока не заметила вспыхнувший взгляд Суллы – он начинал сердиться. Если честно, она не верила, что Сулла как-то причастен к смерти Стиха. Но когда она в первый раз намекнула об этом, то заметила реакцию Суллы и продолжала дразнить его из пустого любопытства.

– Ну хватит! – Вскочив на ноги, она протянула руки Сулле, который продолжал лежать на траве, растянувшись во весь рост. – Вставай, лентяй, я хочу погулять в лесу, чтобы охладиться.

Он покорно поднялся, взял ее за руку и пошел с ней под кроны деревьев, где земля была покрыта опавшими листьями, теплыми после дневной порции солнечных лучей. Идти босиком по такому ковру было наслаждением!

И вдруг! Целая армия крошечных изящных грибов, каких Никополис никогда не видела, не тронутых ни червем, ни копытом животного. Белые толстые, мясистые шляпки на изящных тонких ножках, от которых исходил восхитительный аромат земли.

– О боги! – воскликнула она, упав на колени.

– Пошли, – поморщился Сулла.

– Нет, ну не будь такой врединой только потому, что сам не любишь грибов! Пожалуйста, Луций Корнелий, ну пожалуйста! Пойди к корзине и принеси мне какую-нибудь тряпку. Я наберу для ужина, – попросила Никополис.

– Они могут оказаться несъедобными, – сказал он, не двигаясь с места.

– Ерунда, конечно они съедобные! Посмотри! Внизу на шляпках нет пластинок, нет бахромы вокруг шляпок, нет пятен, и цвет не красный. И пахнут они великолепно. И ведь это не дуб? – Она подняла голову и посмотрела на дерево, под которым росли грибы.

Сулла глянул на листья, изрезанные глубокими зубцами, и увидел знак неотвратимой судьбы, указующий перст своей богини удачи.

– Нет, это не дуб, – подтвердил он.

– Ну тогда пожалуйста... – ластилась к нему Никополис.

– Хорошо, делай как знаешь, – вздохнул он.

И вся эта армия грибов исчезла. Никополис собрала их все до единого, завернула в салфетку, принесенную Суллой, и уложила свой клад на дно корзины, где он будет надежно укрыт от солнца.

– Не понимаю, почему вы с Клитумной не любите грибов, – сказала она, когда они снова сидели на двуколке, а мулы резво бежали по направлению к своим стойлам.

– Мне они никогда не нравились, – равнодушно отозвался Сулла.

– Мне больше достанется! – хихикнув, сказала она.

– И что в них такого особенного? – осведомился Сулла. – Сейчас можно купить целую тонну грибов на рынках, и совсем дешево.

– Но эти – мои, – пыталась она объяснить. – Это я нашла их, я увидела, что они очень хорошие, я собрала их. Те, что на рынках, – старые, червивые, дырявые, они полны пауков и еще боги знают чего. Мои будут вкуснее, обещаю.

И они действительно оказались вкуснее. Когда Никополис принесла их на кухню, повар взял их не без подозрения, но даже и он должен был признать, что они безупречны – и на глаз, и по запаху.

– Слегка поджарь их в масле! – распорядилась Никополис.

Случилось так, что в то утро раб, отвечающий за покупку овощей, тоже принес с рынка огромную корзину грибов – таких дешевых, что вся прислуга получила разрешение съесть их. Чем они и занимались – целый день. Поэтому ни у кого не появилось желания стащить несколько из хозяйской корзины. Повар жарил их, пока они не стали мягкими, потом выложил на блюдо, добавил молотого перца, сбрызнул соком лука и отослал в столовую для Никополис. Та жадно их съела – за день нагуляла аппетит. У Клитумны был очередной приступ дурного настроения. Она, конечно, пожалела, что отказалась поехать на пикник, но посылать слугу, чтобы догнать их, было уже поздно.

Вынужденная слушать в течение всего обеда хвалебные речи по поводу пикника, она отреагировала на все очень плохо и к концу дня объявила, что спать будет одна.

Через восемнадцать часов Никополис почувствовала боль в животе. Ее стало тошнить, но желудок не расстроился. Боль была несильная, бывала и сильнее. Потом вдруг она увидела в моче кровь и впала в панику.

Сразу же позвали докторов. Домашние в тревоге метались по дому. Клитумна послала слуг найти Суллу, который рано утром ушел, не сказав куда.

Когда пульс участился и давление упало, доктора помрачнели. У Никополис сделались судороги, дыхание замедлилось, стало поверхностным, началась фибрилляция сердца. Она впала в кому. Когда это случилось, никто даже не подумал о грибах.

– Почки отказали, – сказал Афинодор из Сицилии, теперь самый преуспевающий врач на Палатине.

Все согласились.

К тому времени, как Сулла прибежал домой, Никополис уже умерла от внутреннего кровотечения.

– Надо сделать вскрытие, – сказал Афинодор.

– Согласен, – ответил Сулла, ни словом не упомянув о грибах.

– А это заразно? – жалостно спросила Клитумна, сразу постаревшая, больная и жутко одинокая.

Все сказали, что нет.

Вскрытие подтвердило диагноз: почки и печень вздутые, переполненные кровью. Околосердечная сумка, внутренняя поверхность желудка, тонкий кишечник, ободочная кишка полны крови. Невинные с виду грибы хорошо сделали свое дело.

Сулла организовал похороны (Клитумна была слишком подавлена) и шел в процессии как самый близкий родственник, впереди звезд римских театров комедии и мимов. Их присутствие понравилось бы Никополис.

А когда Сулла возвратился домой после похорон, его ждал Гай Юлий Цезарь. Скинув темную траурную тогу, Сулла присоединился к Клитумне и ее гостю в гостиной. Он видел Гая Юлия Цезаря всего несколько раз и совсем его не знал. Станным показалось Сулле, что сенатор посетил Клитумну в связи со скоростижной смертью греческой проститутки, поэтому он держался настороже и был педантично корректен, когда его представляли.

– Привет тебе, Гай Юлий! – произнес он.

– Привет тебе, Луций Корнелий! – откликнулся Цезарь, тоже кланяясь.

Они не пожали друг другу рук, но когда Сулла сел, Цезарь сел тоже, явно успокоенный. Он повернулся к плачущей Клитумне:

– Дорогая моя, зачем здесь оставаться? Марция ждет тебя в нашем доме. Пусть твой управляющий проводит тебя к ней. Когда приходит горе, женщинам легче в компании друга друга.

Не сказав ни слова, Клитумна поднялась и засемила к выходу, а гость сунул руку в складки своей темной тоги и вынул небольшой свиток, который положил на стол:

– Луций Корнелий, твоя подруга Никополис давно уже попросила меня составить ее завещание и сохранить его у весталок. Госпожа Клитумна знает о его содержании, поэтому ей не обязательно слушать, как я буду его зачитывать.

– Да? – растерянно переспросил Сулла. Он не знал, что говорить дальше, поэтому молча сидел, тупо глядя на Цезаря.

Цезарь перешел к сути дела:

– Луций Корнелий, госпожа Никополис сделала тебя своим единственным наследником.

Лицо Суллы не дрогнуло.

– Вот как?

– Да.

– По справедливости, она просто обязана была это сделать, – очнувшись, заметил Сулла. – Но это не имеет значения. Она растратила все, что имела.

Цезарь пристально посмотрел на него:

– Нет, не растратила. Госпожа Никополис была вполне состоятельной женщиной.

– Ерунда! – воскликнул Сулла.

– Нет, это правда, Луций Корнелий, у нее было состояние. Она не владела каким-либо имуществом, однако являлась вдовой военного трибуна, который разбогател на трофеях. То, что он оставил ей, она вложила в дело. На сегодняшний день ее состояние составляет больше двухсот тысяч денариев.

Можно не сомневаться – шок у Суллы был настоящий. Что бы ни думал Цезарь о нем до настоящего момента, он знал, что сейчас перед ним человек, который понятия не имел об этой информации. Сулла сидел ошеломленный.

Потом он откинулся в кресле, закрыл лицо руками, задрожал весь, ахнул:

– Так много! Никополис!..

– Так много. Двести тысяч денариев. Или восемьсот тысяч сестерциев, если тебе так больше нравится. Состояние всадника.

Сулла опустил руки:

– О Никополис!

Цезарь встал, протянул руку. Сулла взял ее, изумленный.

– Нет, Луций Корнелий, не вставай, – сердечно проговорил Цезарь. – Дорогой друг, не могу сказать, как я рад за тебя. Трудно переносить боль в первые часы... Но я хотел бы, чтобы ты знал: всем сердцем я желал, чтобы однажды удача улыбнулась тебе и твое материальное

положение улучшилось. Утром я оглашу завещание. Встречаемся на Форуме во втором часу. У храма Весты. А сейчас разреши откланяться.

После того как Цезарь ушел, Сулла еще долго сидел не двигаясь. В доме было тихо, как в могиле Никополис. Клитумна, наверное, до сих пор в соседнем доме, у Марции, а слуги старались ходить неслышно.

Прошло уже часов шесть, когда он наконец поднялся, оцепеневший от неподвижности, и потянулся. Кровь начала циркулировать в венах, сердце загорелось.

– Луций Корнелий, наконец-то ты идешь к цели! – сказал он и засмеялся.

Тихий поначалу смех становился все громче и превратился наконец в крик, рев, вопль радости. Слуги пришли в ужас, заспорили между собой, кто из них осмелится войти в комнату к Сулле. Но прежде чем они решили этот вопрос, смех прекратился.

Клитумна постарела в одночасье. Хотя ей было только пятьдесят, смерть племянника ускорила процесс, а смерть дорогой подруги – и возлюбленной – завершила ее разрушение. Даже Сулле не удавалось выгнать ее из уныния. Ни мимы, ни фарс не могли ее выманить из дому. Нередкие гости, Скилак и Марсий, не способны были вызвать на ее лице улыбку.

Ей было страшно. Ее пугало то, как сужался вокруг нее мир, как быстро покидали ее близкие люди. Дряхлость подкралась к ней незаметно. Если теперь еще и Сулла оставит ее – а благодаря наследству Никополис он был наконец свободен, – она окажется совершенно одна. Такое будущее вызывало у нее ужас.

Вскоре после смерти Никополис она послала за Гаем Юлием Цезарем.

– Нельзя ничего оставлять уже умершим, – сказала она ему. – Поэтому я должна переделать завещание.

Завещание было изменено и вновь отдано на хранение весталкам.

Но Клитумна продолжала хандрить. Слезы текли из ее глаз, как струи дождя, когда-то не знающие покоя руки лежали на коленях пластами сырого теста. Все пребывали в тревоге, все понимали, что сделать ничего нельзя. Надо ждать. Время лечит. Если еще есть время.

А для Суллы его время настало.

Последнее послание Юлиллы гласило:

Я люблю тебя, хотя месяцы, а теперь уже и годы показали, насколько безответна моя любовь. Как мало значит для тебя моя судьба! В шоне мне исполнилось восемнадцать лет, и я уже должна бы быть замужем, но мне удалось отложить эту проклятую необходимость, вызвав болезнь. Я должна выйти за тебя, и только за тебя, мой ненаглядный, мой самый дорогой Луций Корнелий. Отец в растерянности. Он не может представить меня обществу как подходящую и желанную партию. Я же буду продолжать осуществлять свой план, пока ты не придешь ко мне и не скажешь, что хочешь взять меня в жены. Когда-то ты сказал, что я еще ребенок и эта моя детская любовь пройдет. Но тому уже почти два года. Я доказала, что моя любовь к тебе так же постоянна, как возвращение солнца каждой весной. Ее больше нет, твоей тощей гречанки, которую я ненавидела всеми фибрами своей души и желала ей смерти, смерти, смерти. Видишь, как действуют мои проклятия, Луций Корнелий? Почему тогда ты не понимаешь, что все равно не избежат тебе меня? Ни одно сердце не может быть так наполнено любовью, как мое, и не вызвать ответного чувства. Ты любишь меня, я знаю, что любишь. Сдавайся, Луций Корнелий, сдавайся. Приди ко мне, преклони колени у моего ложа боли и скорби, позволь мне положить твою голову себе на грудь, чтобы ты поцеловал меня. Не приговаривай меня к смерти! Оправдай меня, дай мне жизнь. Женись на мне.

Да, для Суллы наступило его время. Время покончить со многими вещами. Время избавиться от Клитумны, Юлиллы и всех прочих человеческих привязанностей, которые связывали его дух, тянули вниз и отбрасывали такие жуткие тени по углам его разума. Даже Метробий – и он тоже должен уйти.

Итак, в середине октября Сулла постучал в дверь дома Гая Юлия Цезаря в час, когда хозяин заведомо был дома. Он надеялся, что женщины находятся на своей половине. Гай Юлий Цезарь был не из тех отцов семейства, чтобы позволять своим женщинам толкаться среди его клиентов или друзей. Сулла не желал видеться с Юлией. Каждая его клеточка, все мысли, вся энергия должны быть сосредоточены исключительно на Гае Юлии Цезаре и на том, что он должен сказать ему, не вызвав при этом подозрения или недоверия.

Сулла уже виделся с Цезарем при оглашении завещания Никополис. Он вступил во владение завещанным так легко, без угрызений совести, что стал вдвойне осторожнее. Даже когда он представлялся цензорам Скавру и Друзу, все прошло гладко, как хорошо отрепетированная театральная постановка. Цезарь настоял на том, чтобы пойти с ним, и был гарантом подлинности документов, которые представлял цензорам для проверки. По завершении процедуры Марк Ливий Друз и Марк Эмилий Скавр – собственной персоной! – встали, протянули ему руки и искренне поздравили его. Это было как сон. Неужели он больше никогда не очнется от этого сна?

Так, без малейших ухищрений, незаметно, его знакомство с Гаем Юлием Цезарем переросло в нечто отдаленно напоминающее дружеские отношения.

В доме Цезаря он ни разу не был. Виделись они только на Форуме. Оба сына Цезаря находились в Африке со своим зятем Гаем Марием. За те несколько недель, что минули после смерти Никополис, Сулла познакомился с Марцией, так как та считала своей обязанностью навещать Клитумну. Нетрудно было заметить, что Марция краем глаза поглядывает на него. Сулла подозревал, у Клитумны не достало благоразумия промолчать о нескольких специфических отношениях между Суллой, ею и Никополис. Он очень хорошо знал, что Марция считала его опасно привлекательным, хотя и дала ему понять, что классифицировала его привлекательность где-то между зловещей красотой змеи и изяществом скорпиона.

Потому и беспокоился Сулла, когда стучал в дверь дома Гая Юлия Цезаря. Он не решался более откладывать следующую стадию своего плана. Необходимо действовать до того, как Клитумна оправится от потери. А для этого он должен быть уверен в Гае Юлии Цезаре.

Парень, дежуривший у двери, отворил сразу же и без колебаний впустил его. Сулла догадался, что внесен в список тех, кого Цезарь готов принять в любое время.

– Могу ли я видеть Гая Юлия? – спросил он.

– Да, Луций Корнелий. Подожди, прошу тебя, – сказал парень и поспешил в кабинет Цезаря.

Приготовившись ждать какое-то время, Сулла вошел в небольшой атрий, отметив изящную простоту этой ничем не украшенной комнаты. А вот Клитумна сумела сделать свой атрий похожим на переднюю гарема восточного властелина. И пока он подбирал в уме подходящее сравнение для атрия Цезаря, вошла Юлилла.

Долго ли она уговаривала привратника, чтобы он немедленно сообщил ей, когда придет Луций Корнелий? И сколько времени должно пройти, прежде чем слуга известит Цезаря о визите?

Эти два вопроса мелькнули в голове Суллы быстрее молнии. Увидев Юлиллу, он испытал настоящее потрясение.

Колени у него подкосились, он протянул руку, чтобы ухватиться за первый попавшийся предмет. Им оказался старинный кувшин из позолоченного серебра, стоявший на пристенном столике. Поскольку кувшин не был прикреплен к столу, от неосторожного движения он упал на пол с громким звоном. Закрыв лицо руками, Юлилла выбежала из комнаты.

Шум отозвался эхом, как в пещере прорицательницы Сивиллы Кумской, и всех поднял на ноги. Сулла стал белее снега. Его прошиб холодный пот от страха и боли. Ноги перестали его держать. Он соскользнул на пол и сидел так, сунув голову в колени и плотно закрыв глаза. Страшен был стоящий перед глазами образ скелета, обтянутого золотистой кожей Юлиллы.

Когда Цезарь и Марция подняли его на ноги и помогли ему дойти до кабинета, он возблагодарил богов за землистый цвет лица и синие губы, ибо являл собою вид действительно больного человека.

Глоток неразбавленного вина привел его в почти нормальное состояние. Вздохнув и смахнув рукой пот со лба, он смог наконец сесть на скамью. Понял ли кто-нибудь из них? И куда ушла Юлилла? Что сказать? Как поступить?

Цезарь был мрачен. Марция тоже.

– Извини, Гай Юлий, – сказал он, снова глотнув вина. – Обморок. Не знаю, что на меня нашло.

– Успокойся, Луций Корнелий, – сказал Цезарь. – Я знаю, что на тебя нашло. Ты увидел призрак.

Нет, он слишком умен, слишком проницателен, чтобы его можно было обмануть, по крайней мере так явно.

– Это была твоя младшая дочь? – спросил он.

– Да, – сказал Цезарь и кивком попросил жену выйти.

Та немедленно удалилась, ни взглядом, ни словом не выразив недовольства.

– Несколько лет назад я видел ее у портика Маргаритария среди ее друзей, – сказал Сулла. – И я подумал тогда, что она воплотила в себе все, чем должна быть римская девушка – всегда веселая, без тени вульгарности. А потом еще один раз – на Палатинском холме... в тот момент я испытывал боль – боль души... Ты понимаешь?

– Надеюсь, что понимаю, – произнес Цезарь.

– Она подумала, что я болен, и спросила, чем может помочь. Я обошелся с ней не слишком вежливо. Мне казалось, что ты не хотел бы, чтобы она знакомилась с такими, как я. Но она все не уходила, а я не мог быть чересчур грубым с ней. Знаешь ли, что она сделала?

Глаза Суллы стали странными. Зрачки расширились, стали огромными, а вокруг них – два кольца мертвенных серо-белых и два кольца зелено-черных. Глаза смотрели на Цезаря, как слепые, в них не было ничего человеческого.

– И что же она сделала? – мягко спросил Цезарь.

– Она сплела венок из трав и возложила его мне на голову! Мне! И я заметил... я заметил – нечто!

Наступила тишина. Ни один из собеседников не знал, как прервать ее. Она длилась несколько мгновений, в течение которых каждый старался собраться с мыслями, не зная, друг перед ним или враг. Никто не желал нарушить молчание первым.

– Ну так о чем ты хотел поговорить со мной, Луций Корнелий? – вздохнув, произнес наконец Цезарь.

Так он давал понять, что считает Суллу невиновным, что бы он ни думал о поведении своей дочери. И еще этим он хотел подчеркнуть, что больше не намерен говорить о дочери. Сулла, который подумывал предъявить письма Юлиллы, решил этого не делать.

Его первоначальная цель прихода к Цезарю казалась теперь очень далекой, почти нереальной. Но Сулла распрямил плечи, поднялся со скамьи, пересел в кресло клиента у стола Цезаря – и принял вид клиента.

– Клитумна, – сказал он. – Я хотел поговорить с тобой о ней. Может быть, о Клитумне следовало бы побеседовать с твоей супругой. Но лучше всего, конечно, сначала поговорить с тобой, Гай Юлий. Она совершенно не похожа на себя. Ну, об этом ты знаешь. Подавлена... Все время плачет... Ничем не интересуется. Такое поведение я не назвал бы нормальным. Даже если учесть постигшее нас горе. И я не знаю, что делать. – Он набрал в легкие побольше воздуха. – Я многим обязан ей, Гай Юлий. Да, она бедная, глупая, простая женщина, она не является украшением окружи. Но она была добра ко мне. Она хорошо относилась к моему отцу, хорошо относилась ко мне. И я не знаю, чем ей помочь.

Цезарь сидел откинувшись на спинку стула. Что-то в этой просьбе вызывало у него недоверие. В словах Суллы он не сомневался – он и сам видел Клитумну и часто слышал от Марции о ней. Нет, смущало его то, что Сулла пришел к нему за советом. Это не в характере Суллы, подумал Цезарь, который крепко сомневался в том, что Сулла не знает, как обращаться со своей мачехой, которая к тому же, как утверждала старая добрая палатинская сплетня, была его любовницей. Но заговорить об этом с гостем Гай Юлий не решался. Нежелание Цезаря верить грязным слухам нельзя было объяснить наивностью. Скорее, это была брезгливость, которая определяла его собственное поведение и отражалась на его вере в поведение других. Доказательства – это одно, а слухи – совсем другое. Но несмотря на все это, было что-то глубоко неискреннее в сегодняшнем поведении Суллы.

И вдруг Цезарь нашел ответ. Ни мгновения не думал он, что между Суллой и его младшей дочерью что-то было. Но для мужчины с характером Суллы упасть в обморок при виде истощенной девушки – невероятно! Потом – эта история с венком. Конечно, Цезарь понимал важность этого. Вероятно, они встречались очень мало и главным образом мимоходом. Но, решил Цезарь, между ними определенно что-то произошло. Не мелочь, не что-то дешевое, не мимолетное. Было – нечто. Нечто, за чем надо пристально проследить. Если между ними существует сильная привязанность – дело плохо. Юлилла должна выйти за человека, способного высоко держать голову в тех кругах, к которым принадлежал Цезарь.

Пока Цезарь обдумывал все это, Сулла тоже откинулся на спинку стула и дивился: что же сейчас происходит в голове Цезаря? Из-за Юлиллы беседа не пошла по заготовленному плану, даже отдаленно не соответствовала ему. Как он мог так себя не контролировать? Обморок! Он, Луций Корнелий Сулла! Выдал себя с головой! «Я показал себя уязвимым перед Гаем Юлием Цезарем, – подумал Сулла, – и мне это совсем не нравится».

– А у тебя есть какие-нибудь варианты? – спросил Цезарь.

Сулла нахмурился:

– Ну, у нее имеется вилла в Цирцеях. Я подумал, было бы неплохо, если бы удалось уговорить ее побыть там некоторое время, – ответил он.

– Зачем же тебе мой совет?

Сулла еще больше нахмурился. Он увидел перед собой пропасть и решил прыгнуть в нее.

– Ты прав, Гай Юлий. Зачем мне твой совет? Правда в том, что я попал между Сциллой и Харибдой. Я надеялся, что ты протянешь мне весло и спасешь меня.

– Каким образом я могу тебя спасти? Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, что Клитумна вполне способна покончить с собой, – сказал Сулла.

– О-о-о...

– Как мне предотвратить подобное несчастье? Вот проблема! Я мужчина, а после смерти Никополис ни в доме, ни среди родни Клитумны не осталось ни одной женщины. Даже среди служанок нет такой, к которой она была бы привязана. А женская дружба могла бы ей помочь! – Сулла наклонился вперед, увлекшись придуманной темой. – Сейчас Рим не место для нее, Гай Юлий! Но как я могу послать ее в Цирцеи без женщины, на которую можно положиться? Сейчас она не хочет меня видеть. Кроме того, у меня в Риме дела. Вот я и подумал: не согласится ли твоя супруга сопроводить Клитумну в Цирцеи и побыть там с ней несколько недель? Такое ее настроение продлится недолго, я уверен. Просто в данный момент она меня беспокоит. Вилла очень удобная, а Цирцеи – хороший город для здоровья в любое время года. И твоей жене тоже будет полезно подышать морским воздухом.

Цезарь явно расслабился, словно огромный груз вдруг свалился с его плеч.

– Понимаю, Луций Корнелий, понимаю. И понимаю лучше, чем ты думаешь. Моя жена действительно в последнее время стала для Клитумны важным человеком. К сожалению, я не могу отпустить ее. Ты видел Юлиллу. Тебе можно не объяснять, насколько ужасно наше положение. Моя жена нужна дома. Да и она не согласится...

Сулла оживился:

– А почему бы и Юлилле не поехать с ними в Цирцеи? Перемена обстановки может хорошо повлиять на нее!

Но Цезарь покачал головой:

– Нет, Луций Корнелий, боюсь, об этом не может быть и речи. Сам я до весны должен оставаться в Риме. Я не могу одобрить отъезд моей жены и дочери из Рима, если меня не будет с ними. Не потому, что я эгоист и отказываю им в удовольствии. Но я буду беспокоиться о них все то время, пока они далеко. Если бы Юлилла была здорова – другое дело. А так – нет.

– Я понимаю, Гай Юлий, и сочувствую тебе. – Сулла поднялся, чтобы уйти.

– Отправь Клитумну в Цирцеи, Луций Корнелий. С ней все будет хорошо. – Цезарь проводил гостя до выхода и сам открыл дверь.

– Благодарю тебя за то, что выдержал мою глупость, – сказал Сулла.

– Это было нетрудно. На самом деле я очень рад твоему визиту. Думаю, теперь я смогу справиться со своей дочерью. И признаюсь, ты мне еще больше понравился после событий этого утра, Луций Корнелий. Держи меня в курсе относительно Клитумны. – И, улыбнувшись, Цезарь протянул руку.

Как только дверь за Суллой закрылась, Цезарь сразу же направился к Юлилле. Та была в гостинной матери. Положив голову на руки, она безутешно рыдала. Когда Цезарь появился в дверях, Марция поднялась, приложив палец к губам. Вместе они вышли, оставив дочь плачущей.

– Гай Юлий, это ужасно, – сказала Марция сквозь зубы.

– Интересно, встречались ли они?

Смуглое лицо Марции вспыхнуло. Она с такой яростью замотала головой, что шпильки посыпались из ее аккуратно уложенных волос и пучок, наполовину распустившийся, свободно повис на затылке.

– Нет, они не встречались! Какой стыд! Какое унижение! – воскликнула она, ломая руки.

Цезарь рук не ломал, но кулаки сжал:

– Успокойся, жена, успокойся! Не так все плохо. Не хватало еще, чтобы ты заболела. А теперь расскажи мне все.

– Какой обман! Какая бестактность!

– Успокойся. Начни с начала.

– Он совершенно в этом не виноват. Это все она! Наша дочь, Гай Юлий, все эти два года позорила себя и свою семью... навязывала себя человеку, который не только не достоин вытереть грязь с ее обуви, но даже и не хочет ее! И более того, Гай Юлий, более того! Она пыталась привлечь его внимание голодовкой и таким способом возложить на него ответственность за то, к чему он не имеет отношения. Письма, Гай Юлий! Ее служанка отнесла ему сотни писем, в которых Сулла обвиняется в равнодушии и пренебрежении. Виня его в своей болезни, моля его о любви, наша дочь как сука стелилась перед ним!

Из глаз Марции хлынули слезы. Это были слезы разочарования, бешеной ярости.

– Успокойся, – повторил Цезарь. – Подожди, Марция, поплакать можешь потом. Я должен поговорить с Юлиллой, и ты должна мне помочь.

Марция вытерла слезы, и вместе они вернулись в гостиную.

Юлилла все еще рыдала. Она не заметила, что была в комнате не одна. Вздохнув, Цезарь сел в любимое кресло жены, пошарил в складках своей тоги и наконец вынул оттуда носовой платок.

– Вот, Юлилла, вытри нос и перестань реветь. Будь хорошей девочкой. – Он сунул платок ей в руку. – Слезы не помогут. Пора поговорить.

Слезы Юлиллы были вызваны в основном страхом, что все раскроется. Поэтому твердый, бесстрастный тон отцовского голоса помог ей успокоиться. Рывдания смолкли, она сидела опустив голову, икота сотрясала ее хрупкое тело.

– Ты голодала из-за Луция Корнелия Суллы. Это правда? – спросил отец, но она не ответила. – Юлилла, ты должна ответить на вопрос. Ты не получишь прощения, если будешь молчать. Причина всему этому – Луций Корнелий?

– Да, – прошептала она.

Голос Цезаря оставался сильным, решительным, ровным, но именно поэтому слова все глубже вонзались в Юлиллу. Обычно так он разговаривал с рабом, который сильно провинился перед ним. Никогда – со своей дочерью. До сегодняшнего дня.

– Ты хоть понимаешь, сколько боли, беспокойства ты доставила своей семье за последний год? Как мы устали от всего этого? Ты была центром, вокруг которого мы вращались. Не только я, но и твоя мать, твои братья и твоя сестра, наши преданные, достойные восхищения слуги, наши друзья, наши соседи! Ты нас чуть с ума не свела. И чего ради? Ты можешь сказать, чего ради?

– Нет, – чуть слышно прошептала она.

– Ерунда! Конечно ты знаешь! Ты играла с нами, Юлилла. Жестокая, эгоистичная игра, которую ты вела с терпением и умом, достойными лучшего применения. Ты влюбилась – в шестнадцать лет! – в человека, тебе не подходящего, – и ты знала это! В человека, которого я никогда бы не одобрил. В человека, который понимал это и поэтому не поощрял тебя. Но ты продолжала свой обман с таким коварством, так ловко манипулируя нами и эксплуатируя нас! У меня нет слов, Юлилла, – ровным голосом заключил Цезарь.

Дочь вздрогнула.

Жена вздрогнула.

– Кажется, я должен освежить твою память, дочь. Ты знаешь, кто я?

Юлилла молчала, опустив голову.

– Посмотри на меня!

Она подняла голову. Ввалившиеся глаза устремились на Цезаря, полные дикого ужаса.

– Нет, вижу, что ты не знаешь, кто я, – сказал Цезарь, словно вел спокойную беседу. – Поэтому, дочь моя, мне следует сообщить тебе. Я *paterfamilias*, абсолютный глава этого семейства. Слово мое – закон. Действия мои не оспариваются. Что бы я ни сделал, что бы ни сказал в пределах этой семьи, – это мое право. Никакой закон сената и народа Рима не стоит между мной и моей абсолютной властью над моими домашними. Если моя жена изменит мне, Юлилла, я могу убить ее своими руками, а могу приказать, чтобы это сделали другие. Если мой сын будет уличен в порочности или в какой-либо иной социальной пакости, я также имею право умертвить его. Если моя дочь нецеломудренна, Юлилла, я могу убить ее. Если любой член моей семьи преступает границы того, что я считаю приличным поведением, я могу убить его. Ты хорошо меня понимаешь, Юлилла?

Она не отрывала глаз от его лица.

– Да, – произнесла она.

– Мне горько и стыдно говорить тебе, дочь, что ты переступила границы того, что я считаю приличным. Ты сделала свою семью и слуг этого дома – и даже его *paterfamilias*! – своими жертвами. Своими марионетками. Своими игрушками. И ради чего? Ради потакания своим прихотям, ради личного удовлетворения, ради самого омерзительного из мотивов – ради себя одной.

– Но я люблю его, папа! – воскликнула она.

Цезарь пришел в бешенство:

– Любишь?! Да что ты знаешь об этом бесподобном чувстве, Юлилла? Как ты можешь пачкать слово «любовь» той примитивной имитацией, которую ты испытываешь? Разве это

любовь – превратить в сплошное страдание жизнь своего возлюбленного? Разве это любовь – принуждать любимого к тому, чего он не хочет, чего сам не просил? Разве все это означает любить, Юлилла?

– Наверное, нет, – прошептала она и добавила: – Но я думала, что это и есть любовь.

Взгляды ее родителей встретились над ее головой. В них были боль и горечь: они наконец поняли ограниченность Юлиллы и призрачность собственных иллюзий.

– Поверь мне, Юлилла, твои чувства заставили тебя поступать жалко, постыдно. Это не было любовью, – сказал Цезарь и встал. – Больше не будет никакого молока, никаких яиц, никакого меда. Ты будешь есть то, что ест твоя семья. Или не будешь есть вовсе. Мне безразлично. Как твой отец и как *paterfamilias*, я с самого твоего рождения относился к тебе с уважением, был добр, внимателен, терпелив. А ты даже не подумала ответить мне тем же. Я не отрекись от тебя. Я не убью тебя и не прикажу убить. Но с этого момента что бы ты ни сделала со своей жизнью – это твое личное дело. Ты причинила зло мне и моим близким, Юлилла. Может быть, еще более непростительно то, что ты причинила зло человеку, который ничего тебе не должен. Потом, когда на тебя не так страшно будет смотреть, я потребую, чтобы ты извинилась перед Луцием Корнелием Суллой. Я не требую, чтобы ты извинилась перед всеми нами, ибо ты потеряла нашу любовь и уважение, а это обесценивает всякие извинения.

И он вышел из комнаты.

Лицо Юлиллы сморщилось. Она инстинктивно повернулась к матери и попыталась прильнуть к ней. Но Марция отшатнулась, словно на дочери было отравленное платье.

– Отвратительно! – прошипела она. – И все это ради человека, недостойного лизать землю, по которой ходит Цезарь!

– О мама!

– Что – «о мама»? Ты хотела быть взрослой, Юлилла. Ты хотела быть женщиной, которой уже пора выходить замуж. Живи теперь с этим желанием.

И Марция тоже вышла из комнаты.

Несколько дней спустя Гай Юлий Цезарь написал письмо своему зятю:

Итак, с нашим злополучным семейственным делом наконец покончено. Хотелось бы мне сказать, что Юлилла получила хороший урок, но я очень сомневаюсь. Пройдут годы, и ты, Гай Марий, тоже испытаешь все эти пытки и столкнешься с дилеммами отцовства. Если бы я мог утешить тебя, сказав, что ты учишь мои ошибки!.. Но тебе это не удастся. Все дети разные, и их родители не похожи друг на друга. Где мы ошиблись с Юлиллой? Честно сказать, я не знаю. Я даже не знаю, ошибались ли мы вообще. Может быть, порок ее врожденный? Мне очень больно, и бедной Марции тоже. Она отвергает все попытки Юлиллы вновь подружиться с ней. Ребенок ужасно страдает. Я спрашиваю себя: следует ли нам сейчас сохранять расстояние между нами? И я решил, что следует. Любить-то мы ее любили, а вот к дисциплине не приучали. Чтобы из нее вышло что-то хорошее, она должна пострадать.

Справедливость заставила меня разыскать нашего соседа Луция Корнелия Суллу и принести пока общее наше извинение, а потом, когда Юлилла будет выглядеть получше, она лично извинится перед ним. Хотя он не хотел этого, я настоял, чтобы он вернул все письма Юлиллы. Я заставил Юлиллу сжечь их, но только после того, как она прочла каждое письмо мне и матери. Как ужасно быть жестоким со своей собственной кровью и плотью! Но я очень боюсь, что только самый язвительный урок может запасть в эгоистичное сердечко Юлиллы.

Довольно о Юлилле и ее махинациях. Есть более важные вещи. Я могу оказаться первым, кто сообщит эти новости в провинцию Африка, поскольку мне твердо обещали, что это письмо завтра утром будет отправлено быстрой почтой из Путеол. Марк Юний Силан был наголову разгромлен германцами. Убиты более тридцати тысяч человек, остальные настолько деморализованы и дезорганизованы, что разбрелись во все стороны. Силана это не слишком беспокоит. Точнее было бы сказать, что собственная жизнь ему значительно

дороже жизни его солдат. Он сам принес новость в Рим, но в такой сглаженной версии, что избежал общественного негодования. Когда же известно стало решительно все, до конца, шок оказался уже не таким сильным. Конечно, его цель – избежать обвинения в измене. Думаю, он преуспеет в этом. Если бы комиссии Мамилия поручили судить его, обвинение было бы возможно. Но суд в присутствии всего центуриата, со всеми этими устаревшими правилами и окостеневшими положениями, при таком количестве присяжных? Не стоит даже начинать – так чувствуют многие из нас.

Я слышу твой вопрос: «А как же германцы? Они что, все продолжают двигаться к побережью Срединного моря? Жители Массилии в панике собирают вещи?» Нет. Ты не поверишь! Уничтожив армию Силана, они быстро развернулись и устремились на север. Как можно иметь дело с таким загадочным, таким непредсказуемым врагом? Я скажу тебе, Гай Марий: нам страшно. Ибо они вернуться. Рано или поздно, но вернуться. А у нас даже нет стоящего командующего, чтобы противостоять им. Все вроде Марка Юния Силана. Как повелось в наши дни, больше всего погибло италийских союзников, хотя и римских солдат пало много. А сенат вынужден разбираться с настоящим потоком жалоб от марсов, самнитов и целого ряда других италийских народов.

Чтобы закончить на более оптимистичной ноте, скажу, что сейчас у нас идет шумная борьба с нашим уважаемым цензором Марком Эмилием Скавром. Другой цензор, Марк Ливий Друз, скоропостижно скончался три недели назад, что автоматически привело к окончанию срока полномочий Скавра. Сразу же после похорон сенат вызвал Скавра и предложил ему сложить с себя полномочия цензора, чтобы срок полномочий можно было официально закрыть согласно принятой церемонии. Но Скавр решительно отказался. (Отсюда – весь шум.)

«Я был выбран цензором не просто так! Как раз сейчас я занимаюсь заключением подрядов на выполнение моих строительных программ. Я не могу прекратить работу на данном этапе», – заявил он.

«Марк Эмилиий, Марк Эмилиий, не тебе это решать! – сказал Метелл Далматик, великий понтифик. – Закон гласит, что, когда один из цензоров умирает во время пребывания в этой должности, срок полномочий заканчивается и другой цензор должен немедленно выйти в отставку».

«А мне наплевать, что гласит закон! – ответил Скавр. – Я не могу снять с себя полномочия немедленно – и не буду этого делать».

Они просили, умоляли, кричали, спорили – все напрасно. Скавр вознамерился создать прецедент ротации с остающимся цензором. Они пытались уговорить его, и продолжалось это до тех пор, пока Скавр не потерял терпения.

«Да нарать мне на вас всех!» – крикнул он и вышел, схватив свои подряды и планы.

Великий понтифик еще раз созвал сенат и заставил его принять официальное постановление, призывающее Скавра к немедленной отставке. Несколько сенаторов пошли на Марсово поле и там нашли Скавра сидящим на подиуме храма Юпитера Статора. Это здание он выбрал для своей конторы, потому что оно находится рядом с портиком Метеллов, где снимают помещение большинство строителей-подрядчиков.

Теперь, как ты знаешь, я не сторонник Скавра. Он ловок, как Улисс, и отъявленный лгун, как Парис. Но как бы я хотел, чтобы ты взглядел, какой фарш он из них сделал! И кто! Безобразный, лысый, худющий недоросток – Скавр! Марция говорит, что во всем виноваты его красивые зеленые глаза, еще более красивая речь и его неподражаемое чувство юмора. Да, я признаю его своеобразное чувство юмора, но что-то не могу разглядеть красот его зрительного и голосового аппарата. Марция называет меня типичным мужиком, хотя я не понимаю, что она хочет этим сказать. Женщины прибегают к таким репликам, когда все прочие аргументы начинают хромать. Но ведь должна же быть какая-то скрытая логика его успеха? И – кто знает? – может быть, Марция и имеет право так говорить.

Так вот, на фоне величественного мраморного храма и великолепных конных статуй военачальников Александра Великого, которые Метелл Македонский выкрал из Пеллы, сидит он, этот напыщенный коротышка. Сидит таким победителем. Невероятно, но факт: лысый римский карлик затмевает коней, изваянных Лисиппом. Клянусь, каждый раз, когда я вижу Александровых военачальников на этих конях, мне так и кажется, что вот сейчас они сойдут со своих постаментов и умчатся прочь.

Но – к делу! Когда Скавр увидел делегацию, он отстранил подрядчиков и уселся, прямой как копье, в свое курульное кресло – тогда спадают изящными складками, одна нога выставлена вперед в классической позе.

«Ну?» – спросил он, обращаясь к великому понтифику, который должен был говорить от лица сената.

«Марк Эмилий, сенат принял официальное постановление, предписывающее тебе незамедлительно снять с себя полномочия цензора», – произнес этот несчастный.

«Я не сделаю этого», – сказал Скавр.

«Ты должен!» – проблеял Далматик.

«Ничего я не должен! – заявил Скавр и отвернулся, знаком подозвав подрядчиков. – Итак, о чем я говорил, когда нас так грубо прервали?»

Понтифик попытался снова:

«Марк Эмилий, пожалуйста!»

Но все, чего он добился, это: «Насрать мне на вас! Насрать, насрать!»

Сенат передал эту проблему народному собранию, тем самым переложив на простой народ ответственность за то, что его не касалось. Цензоров, как известно, избирают центуриатные комиции, а не трибутные. Однако плебеи созвали собрание, на котором обсудили позицию Скавра, и передали трибутным комициям, что те за последний год своего срока полномочий должны выполнить последнее поручение: тем или иным способом добиться отставки Марка Эмилия Скавра.

Итак, вчера, в девятый день декабря, все десять народных трибунов во главе с Гаем Мамилием Лиметаном направились к храму Юпитера Статора.

«Я уполномочен народом Рима, Марк Эмилий, сместить тебя с должности цензора», – сказал Мамилий.

«Так как народ не выбирал меня, Гай Мамилий, народ не может меня сместить», – ответил Скавр. Его безволосый череп сиял на солнце, как отполированное старое зимнее яблоко.

«Тем не менее, Марк Эмилий, народ – суверен, и народ говорит, что ты должен уйти», – сказал Мамилий.

«Я не уйду», – повторил Скавр.

«В таком случае, Марк Эмилий, я уполномочен народом арестовать тебя и держать в тюрьме до тех пор, пока ты официально не подашь в отставку».

«Только дотронься до меня, Гай Мамилий, и ты запоешь детским сопрано!» – воскликнул Скавр.

При этих словах Мамилий повернулся к толпе, естественно собравшейся поглазеть на спектакль, и крикнул:

«Народ Рима, призываю тебя в свидетели! Я накладываю вето на дальнейшую деятельность Марка Эмилия Скавра как цензора!»

Таким образом делу был положен конец. Скавр свернул подряды и отдал все своим служащим. Потом велел слуге сложить кресло из слоновой кости, встал и принялся отвечать поклоны на все стороны под аплодисменты толпы, которая обожает наблюдать столкновения между администраторами и всем сердцем любит Скавра за смелость и дерзость. Затем он величественно спустился со ступеней храма, проходя мимо Александровых полководцев,

похлопал чалого коня Пердикки, взял Мамилия под руку – и покинул поле битвы увенчанный лаврами победителя.

Цезарь вздохнул, откинулся на спинку стула и решил прокомментировать новости, которые Марий сообщал из римской провинции Африка. В войне против Югурты Метелл увяз в трясине противоречивых действий и плохого руководства армией. По крайней мере, такова была версия Мария. Она сильно не совпадала с содержанием докладов, регулярно присылаемых Метеллом сенату.

Вскоре ты услышишь, если еще не слышал, что сенат продлил срок командования Квинта Цецилия в провинции Африка. Я уверен, что это тебя не удивит. Думаю, взяв эту планку, Квинт Цецилий снова продвинется по военной лестнице. Раз сенат продлил срок его наместничества, он может быть уверен в том, что сохранит эту должность, пока не сочтет, что опасность, грозящая его провинции, миновала. Прозорливая тактика – бездействовать, пока не закончится срок консульства. Тогда уж точно ему воздадут полагающиеся почести.

Да, я согласен, что ваш начальник ужасно медлит. Лето почти закончилось, а он даже не начинал кампанию. Но в его рапортах говорится, что армию необходимо обучить более тщательно, и сенат верит ему. И я до сих пор не могу понять, почему он назначил тебя, пехотинца, командовать кавалерией. Использовать Публия Рутилия в качестве praefectus fabrum – начальника снабжения – точно такая же профанация таланта. Куда больше пользы принесет он на поле брани, нежели занимаясь снабжением и ремонтом. Однако это прерогатива полководца – использовать людей, как он пожелает.

Весь Рим радовался, когда пришла весть о взятии Ваги, хотя ты пишешь, что никакого штурма не было – город сдался сам. И – если ты простишь мое выступление в защиту Квинта Цецилия – я не понимаю, почему ты столь возмущен назначением Турпилия, его друга, начальником гарнизона в Ваге. Разве это так важно?

Твое описание битвы на реке Мутул произвело на меня куда большее впечатление, нежели версия, изложенная в сенаторских рапортах Квинта Цецилия. Это должно несколько утешить тебя в качестве компенсации за мой скептицизм. Уверяю тебя, что я на твоей стороне. Ты прав, когда говоришь Квинту Цецилию, что наилучший способ выиграть войну с Нумидией – захватить самого Югурту. Как и ты, я верю, что он источник силы сопротивления нумидийцев.

Сочувствую! Этот первый год был таким тяжелым для тебя! Да еще Квинт Цецилий, очевидно, решил, что может победить, не используя в полной мере таланты твои и Публия Рутилия. Через год тебе будет намного труднее стать консулом, если в предстоящей Нумидийской кампании у тебя не появится возможности блеснуть по-настоящему. Но я не жду, что ты безропотно подчинишься своему бездарному назначению. Я уверен, ты найдешь способ выдвинуться, несмотря на худшее, что может сделать Квинт Цецилий.

Закончу письмо еще одной новостью с Форума. Из-за потери армии Силана в Заальпийской Галлии сенат аннулировал один из последних действующих законов Гая Гракха, а именно тот, который ограничивал количество призывов на военную службу. Призывной возраст уже не определяется в семнадцать лет. И если человек отслужил десять лет и участвовал в шести кампаниях, это не избавляет его от нового призыва. Знамена времени. Риму практически не из кого набирать свои легионы.

Будь осторожен, береги себя. Напиши мне сразу, как только мои слабые попытки слегка оправдать Квинта Цецилия изгладятся из твоей памяти и ты сможешь думать обо мне без раздражения. Я все еще твой тесть и до сих пор очень хорошего мнения о тебе. Прощай.

Гай Юлий Цезарь решил, что это письмо стоило того, чтобы послать его скорой почтой. Оно полно новостей, хороших советов и поддержки. Гай Марий получит его еще до наступления нового года.

Лишь в середине декабря Сулла сопроводил Клитумну в Цирцеи, окружив ее заботой и нежностью. Хотя он беспокоился, что со временем настроение Клитумны может измениться и нарушить его планы, но судьба продолжала ему улыбаться: Клитумна оставалась в глубокой депрессии.

Как все виллы на побережье Кампании, вилла Клитумны была не слишком большой. И тем не менее она была намного больше дома на Палатине. Римляне, которые могли себе позволить иметь собственные загородные виллы, любили, чтобы было просторно. Построенная на вулканическом мысе, имеющая свой пляж, вилла располагалась южнее Цирцей. Соседей поблизости не было. Три года назад один из тех строителей, что часто навевались на побережье Кампании, построил ее за одну зиму. Как только Клитумна узнала, что строитель может провести водопровод, она не задумываясь купила дом. Так что на вилле имелась ванна.

Таким образом, первое, что сделала Клитумна после приезда, – приняла ванну. Потом пообедала, а затем они с Суллой пошли спать в разные комнаты. Он пробыл в Цирцеях только два дня, но посвятил все время мачехе. Та продолжала оставаться угрюмой, хотя и не хотела, чтобы Сулла уезжал.

– У меня для тебя сюрприз, – сказал он в день своего возвращения в Рим, когда они прогуливались на территории виллы рано утром.

Даже эти слова оставили ее равнодушной.

– Да? – переспросила она.

– Ты получишь его в первую ночь полнолуния, – продолжал он загадочно.

– Ночью? – спросила она чуть-чуть заинтересованно.

– Ночью – и в полнолуние! То есть при условии, что будет ясная ночь и ты сможешь увидеть полную луну.

Они стояли под высоким передним фасадом виллы, которая, как и большинство других, была построена на склоне холма. Владелец виллы мог сидеть на лоджии и любоваться видом. За узким фасадом находился сад-перистиль, а за садом располагалась собственно вилла. Конюшни размещались в цокольном этаже переднего фасада; над ним были устроены комнаты для конюхов.

Лужайка перед виллой, поросшая травой и кустами диких роз, со всех сторон была искусно окаймлена деревьями. Таким образом, она была скрыта от любопытных глаз случайных прохожих.

Сулла показал на большую группу солончаковых сосен и стреловидных кипарисов.

– Это секрет, Клитумна, – проговорил он горловым голосом.

Клитумна полагала, что это рычание служило знаком к продолжительному и особенно восхитительному занятию любовью.

– Какой секрет? – спросила она, заинтересовавшись еще больше.

– Если я скажу тебе, это уже не будет секретом, – прошептал он, покусывая ее ухо.

Она поежилась, оживилась немного.

– Этот секрет – тот же, что и сюрприз в ночь полнолуния?

– Да. Но ты должна держать все в тайне, включая и то, что я обещал тебе этот сюрприз. Клянешься?

– Клянусь!

– Ты должна незаметно выйти из дому в начале третьего часа темноты, на восьмой день, считая от этой ночи. Приходи сюда одна и спрячься в этих деревьях, – сказал Сулла, оглаживая ее бок.

Ее апатия исчезла.

– О-о-о-о! Это хороший сюрприз? – спросила она, взвизгнув на последнем слове.

– Это будет самый большой сюрприз в твоей жизни, – обещал Сулла. – И это не пустые посулы, дорогая. Но я категорически требую соблюдения двух условий.

Она по-детски сморщила нос и глуповато улыбнулась:

– Каких?

– Во-первых, никто не должен знать, даже малышка Вифи. Если кому-нибудь скажешь, твоим главным сюрпризом будет разочарование. И я очень-очень рассержусь. Ведь тебе не нравится, когда я очень-очень сержусь, правда, Клитумна?

Она вздрогнула:

– Нет, Луций Корнелий.

– Тогда сохрани нашу тайну. Награда тебя поразит. Абсолютно новое и совершенно незнакомое ощущение, – прошептал он. – На самом деле, если ты постарайся выглядеть особенно подавленной, будет даже лучше, обещаю тебе.

– Я буду хорошо себя вести, Луций Корнелий! – пообещала она горячо.

Он понимал, о чем она думает. Решила, что сюрпризом будет новый и восхитительный компаньон – женщина, привлекательная, бисексуальная, любительница поболтать, чтобы скоротать длинные дни между чудесными ночами. Но она слишком хорошо знала Суллу и понимала, что должна выполнить все его условия, иначе он отберет обещанный сюрприз. Может быть, оставит ее совсем одну – теперь, когда у него были деньги Никополис. Кроме того, никто не смел противиться Сулле, когда он говорил серьезно.

– Есть и второе условие, – сказал он.

Она прижалась к нему:

– Да, дорогой Луций?

– Если ночь не будет ясной, сюрприз не состоится. Поэтому следи за погодой. Если первая ночь влажная, подожди сухой.

– Понимаю, Луций Корнелий.

Итак, Сулла отбыл в Рим на нанятой двуколке, оставив Клитумну, преданно хранящую свой секрет и усердно пребывающую в глубокой депрессии. Даже Вифи, с которой Клитумна иногда спала, верила в безутешность своей хозяйки.

Приехав в Рим, Сулла призвал управляющего Клитумны. Он не уехал в Цирцеи, так как на вилле имелся свой управляющий, который в отсутствие хозяйки следил за порядком и очень умно обкрадывал ее. Впрочем, управляющий на Палатине поступал точно так же.

– Ямус, сколько слуг хозяйка оставила здесь? – поинтересовался Сулла. Он сидел за столом в кабинете и составлял какой-то список – лист пергамента лежал у него под рукой.

– Меня, двоих мужчин и двух женщин, мальчика для закупок на рынке, а также младшего повара, – доложил управляющий.

– Хорошо. Тебе предстоит нанять еще нескольких человек, потому что дня через четыре я собираюсь устроить праздник.

Сулла кинул список удивленному управляющему, который не знал, нужно ли ему протестовать. Госпожа Клитумна ничего не говорила ему ни о каком торжестве в ее отсутствие. А если он подчинится Сулле, то какие боги защитят его от гнева хозяйки, когда придут счета? Но Сулла его успокоил:

– Пирушку устраиваю я – я и буду платить. Тебя ждет большая награда при двух условиях: ты хорошо постарайся и поможешь мне устроить эту вечеринку и ничего не скажешь об этом госпоже Клитумне, когда она возвратится домой. Ясно?

– Абсолютно, Луций Корнелий, – сказал Ямус, лукавый раб, поднявшийся достаточно высоко, чтобы занять должность управляющего, и умевший отменно подправлять конторские книги.

Сам Сулла пошел нанимать танцоров, музыкантов, акробатов, певцов, фокусников, мимов и других артистов. Ибо этот праздник должен превзойти все былые, о нем заговорят по всему Палатину.

Напоследок Сулла зашел к Скилаксу, комедианту.

– Я хочу одолжить у тебя Метробия, – заявил он, с шумом вваливаясь в комнату, которую Скилакс обставил как гостиную, а не как кабинет. Это было обиталище сластолюбца – благоухающее ладаном и кассией, сплошь увешанное гобеленами, уставленное кушетками и пуфами.

Скилакс возмущенно выпрямился, глядя, как Сулла погружается в одну из кушеток, сразу объятый многочисленными подушками.

– Клянусь, Скилакс, ты нежен, как кремовый торт, и растлен, как сирийский властелин! – воскликнул Сулла. – Почему бы тебе не приобрести немного обычной мебели, набитой конским волосом? От твоей мебели всякий мужчина сразу начинает чувствовать себя так, словно угодил в объятия гигантской шлюхи! Уф!

– Мне награть на твой вкус, – прошепелявил Скилакс.

– Если одолжишь мне Метробия, можешь срать на что угодно.

– А пошему я должен... ты... ты, дикарь? – Скилакс пригладил руками свои тщательно уложенные золотистые локоны, захлопал длинными ресницами, накрашенными сурьмой, и вытаращил глаза.

– Потому что мальчик не твоя собственность, – ответил Сулла, пробуя ногой пуфик, чтобы узнать, такой ли он мягкий, как кушетка.

– Он мой, телом и душой! Но ш тех пор, как ты выкрал его у меня и ташкал за шобой по вшей Италии, он уже не тот, Луций Корнелий! Я не знаю, что ты шделал ш ним, но ты определенно ишпортил его!

Сулла ухмыльнулся:

– Ты хочешь сказать, что я сделал из него мужчину? Не хочет больше есть твое дерьмо, да? – С этими словами Сулла поднял голову и заорал: – Метробий!

Парень влетел в комнату, кинулся к Сулле и стал покрывать его лицо поцелуями.

Поверх черной головы Сулла открыл один глаз, посмотрел на Скилакса и приподнял одну бровь.

– Сдавайся, Скилакс, твой мальчишка любит меня больше, – сказал он и подтвердил это, приподняв подол туники мальчика, чтобы видна была эрекция.

Скилакс разразился слезами, размазав сурьму по лицу.

– Пойдем, Метробий! – Сулла с трудом поднялся с кушетки. У двери он обернулся и бросил сложенный листок бумаги рыдающему Скилаксу. – Вечеринка в доме Клитумны через четыре дня. Это будет самая грандиозная вечеринка, так что прекращай хандрить и приходи. Если придешь, получишь назад своего Метробия.

Приглашены были все, даже Геркулес Атлант, считавшийся самым сильным человеком в мире. Он выступал на ярмарках и праздниках по всей Италии. В изъеденной молью львиной шкуре, с огромной палицей в руке, Геркулес Атлант был вроде неперемного атрибута города. Однако его редко звали на пиры, потому что стоило ему выпить вина – и он становился очень агрессивным и злым.

– Ты с ума сошел – пригласить этого буйвола! – воскликнул Метробий.

Играя блестящими кудрями Суллы, он перегнулся через его плечо, чтобы взглянуть на список гостей.

Одной из перемен в Метробии, явившейся результатом его путешествия с Суллой, стала грамотность. Сулла научил парня читать и писать. Преподав мальчику все, что знал сам, от

актерской игры до гомосексуализма, Скилакс был слишком хитер, чтобы открыть ему секреты грамоты. Старый комедиант опасался, что Метробий станет слишком независимым.

– Геркулес Атлант – мой друг, – заявил Сулла, целуя по очереди все пальцы мальчика. Это доставляло ему куда большее удовольствие, чем целовать пальцы Клитумны.

– Но он же становится сумасшедшим, когда напьется! – запротестовал Метробий. – Он разнесет этот дом, а заодно порвет на куски двух-трех гостей! Найми его для показа, но не делай гостем!

– Не могу, – спокойно ответил Сулла.

Он поднял руку и, притянув Метробия через плечо, усадил его к себе на колени. Метробий обвил руками шею Суллы и подставил лицо для поцелуя. Сулла стал целовать его веки – медленно и очень нежно.

– Луций Корнелий, почему ты не хочешь, чтобы я жил у тебя? – вздохнув, спросил Метробий, устраиваясь в объятиях Суллы поудобнее.

Поцелуи прекратились. Сулла нахмурился.

– Тебе будет лучше со Скилаксом, – резко произнес он.

Огромные черные глаза Метробия, полные любви, стали еще больше.

– Но это не так! Нет! Подарки, уроки актерского мастерства, деньги – это ничего не значит для меня, Луций Корнелий! Мне лучше с тобой, пусть даже мы будем бедными!

– Заманчивое предложение. Я принял бы его мгновенно, если бы хотел остаться бедным, – сказал Сулла, держа мальчика на коленях, словно укачивая. – Но бедность больше не входит в мои планы. Теперь у меня есть деньги Никополис. Сейчас я занят тем, что приумножаю их. И однажды у меня их будет столько, что это откроет передо мной возможность войти в сенат.

Метробий выпрямился на коленях Суллы:

– В сенат? – Повернувшись, он пристально посмотрел в лицо Суллы. – Но ты ведь не можешь войти в сенат, Луций Корнелий! Твои предки были такие же рабы, как я!

– Нет, – произнес Сулла, также глядя в глаза Метробию. – Я патриций из рода Корнелиев. Мое место – в сенате.

– Не верю!

– Это правда, – сказал Сулла серьезно. – Поэтому я и не могу принять твое предложение, как бы заманчиво оно ни было. Когда я получу надлежащий ценз для сената, то стану образцом благопристойности. Никаких актеров, никаких мимов и никаких сладких мальчиков. – Он хлопнул Метробия по спине и прижал его к груди. – А теперь – к списку, малыш, и перестань ерзать! Ты меня отвлекаешь. Геркулес Атлант будет присутствовать как гость и как актер. Это решено.

Геркулес Атлант был среди первых прибывших гостей. Известие о пирушке, конечно, разнеслось сразу же на всю улицу, и соседи заранее приготовились выдержать целую ночь хохота, выкриков, громкой музыки и невообразимого грохота. Как обычно, праздник был костюмированный. Сулла вырядился отсутствующей Клитумной: шали с кистями, кольца, рыжий парик, завитый в кудри, похожие на сосиски. Он необыкновенно точно имитировал ее хихиканье и громкий смех, похожий на ржание. Поскольку гости хорошо знали хозяйку, Сулла сорвал аплодисменты.

Метробий опять надел крылья, но в этот вечер он был Икаром, а не Купидоном. Он искусно опалил по краям огромные перья, так что крылья выглядели наполовину сгоревшими. Скилакс нарядился Минервой. Эту суровую богиню с мальчишескими ухватками он умудрился сделать похожей на старую раскрашенную шлюху. Когда Скилакс увидел, как Метробий ластится к Сулле, то напился и совершенно позабыл, что надо делать со щитом, прялкой, чучелом совы и копьем. В конце концов он запутался во всех этих атрибутах, повалился в угол и безутешно обливался там слезами, пока не уснул.

Поэтому Скилаксу не довелось увидеть всю вечеринку. Не слышал он певцов, которые начали с прекрасных мелодий и потрясающих трелей, а закончили песенками вроде:

С мельником дочь свою старый застукал отец
В час, когда те занимались ночной молотьбою.
– Полно! – промолвил старик сокрушителю хлебных колосьев. –
Если не женишься ты – косточки перемелю!

Они были значительно популярнее среди гостей, нежели изысканные камни. По крайней мере, тут гости знали слова и могли подпевать.

Были танцоры, которые с изящным артистизмом раздевались и демонстрировали бритые лобки. Были дрессированные собачки, которые танцевали ничуть не хуже людей, только не так похотливо. И конечно же, знаменитое совокупление девушки и ослика из Антиохии – очень популярный номер среди зрителей, мужскую половину которых несколько утешал размер ослиного «достоинства».

Последним выступал Геркулес Атлант – как раз в тот момент, когда гости разделились на тех, кто был слишком пьян, чтобы интересоваться сексом, и тех, которые упились до полного безразличия ко всему. Гуляки собрались в колоннаде вокруг перистиля, а в середине на прочном возвышении стоял Геркулес Атлант. Согнув несколько железных брусьев и переломив, как прутья, несколько толстых бревен, этот силач наконец разогрелся. Он подхватил полдюжины визжащих женщин, перекинул пару через плечо, поставил третью на голову, двух взял под мышки. Потом он поднял пару наковален и стал кричать с ужасной мощью, страшнее, чем лев на арене. Ему было очень весело, потому что вино рекой лилось в его горло, а способность Геркулеса Атланта пить была так же феноменальна, как и его сила. Единственное, что внушало тревогу, – чем больше наковален он брал, тем страшнее становилось девушкам. Наконец их радостные крики превратились в вопли дикого ужаса.

Сулла вышел на середину сада и вежливо похлопал Геркулеса Атланта по колену.

– Хватит, старина, отпусти девчонок, – произнес он самым дружелюбным тоном. – Ты раздавишь их этими железками.

Геркулес Атлант сразу же освободил женщин, но вместо них схватил Суллу. Его вспыльчивый характер уже вырвался на волю.

– Не указывай, что мне делать! – рявкнул он, вертя Суллу над головой, как жрец Изиды – свой жезл. Парик, шали, драпировки каскадом посыпались с Суллы.

Одних гостей охватила паника, другие решили помочь – выбежали в сад и стали умолять сумасшедшего силача отпустить Суллу. Но Геркулес Атлант сунул Суллу под левую руку легко, как пакет, и с ним вместе покинул праздник. Остановить его было невозможно. Пробираясь среди тел, окруживших его, словно стая комаров, силач так ударил в лицо привратника, что тот пролетел пол-атрия. После этого Геркулес Атлант исчез на улице, все еще держа Суллу под мышкой.

Наверху лестницы к дому весталок он остановился.

– Все правильно? Я все сделал, как надо, Луций Корнелий? – спросил он, осторожно ставя Суллу на землю.

– Идеально, – похвалил Сулла, слегка пошатываясь. У него кружилась голова. – Пошли, я провожу тебя домой.

– Не обязательно, – возразил Геркулес Атлант, подтягивая львиную шкуру, и стал спускаться по лестнице. – Вот сейчас я перепрыгну через две, через три ступеньки – и буду уже далеко, Луций Корнелий. Смотри, какая полная луна!

– Я настаиваю, – сказал Сулла, догоняя его.

– Ну как знаешь, – пожал плечами Геркулес Атлант.

– Я хочу заплатить тебе без свидетелей. Не буду же я расплачиваться с тобой посреди Форума, – объяснил Сулла.

– Да, и правда! – Геркулес Атлант хлопнул себя по лбу. – Я и забыл, что ты мне еще не заплатил. Тогда пойдем.

Он жил в четырех комнатах на третьем этаже отдельно стоящего дома, на окраине Субуры, в красивой местности. Войдя, Сулла сразу заметил, что рабы, воспользовавшись случаем, взяли выходной. Без сомнения, эти бездельники сочли, что когда хозяин вернется, то будет не в состоянии пересчитывать их по головам. Не было заметно в доме и следов пребывания женщины. Но на всякий случай Сулла решил проверить.

– Жены дома нет? – поинтересовался он.

Геркулес Атлант плюнул:

– Женщины! Я их ненавижу!

Они сели за стол, на котором стоял кувшин с вином и несколько чаш. Сулла извлек из матерчатого пояса толстый кошелек. Геркулес Атлант стал наливать вино в чаши, а в это время Сулла развязал туго затянутый кошелек, ловко спрятав в ладони бумажный пакетик, который вынул оттуда же. На стол каскадом посыпались блестящие серебряные монеты. Три или четыре покатались по столу и со звоном упали на пол.

– Эй! – крикнул Геркулес Атлант, становясь на четвереньки в поисках упавших монет.

Пока он ползал по полу, Сулла развернул пакетик и высыпал белый порошок в чашу, стоящую подальше от него. Пальцем он быстро размешал вино. Наконец Геркулес Атлант поднялся с четверенек и сел.

– Будь здоров! – Сулла взял чашу, стоящую ближе к нему, и слегка наклонил ее в сторону силача самым дружеским образом.

– Будь здоров – и спасибо за потрясающий вечер! – отозвался Геркулес Атлант, запрокинул голову и залпом осушил чашу. После этого он налил себе еще вина и выпил, не переводя духа.

Сулла встал, пододвинул свою чашу под руку силача, другую у него забрал и спрятал в складках туники.

– На память, – сказал он. – Доброй ночи.

И спокойно вышел.

Дом спал, открытая бетонная дорожка вокруг центрального двора, огороженного, чтобы мусор не попадал в небольшой родничок, была пустынна. Быстро и бесшумно Сулла пробежал три пролета лестницы и незамеченным выскочил на улицу. Выбросил похищенную чашу в сточную канаву. Услышал всплеск далеко внизу. Бросил вслед чаше бумажку. Возле родника Ютурны у подножия лестницы к дому весталок он остановился, погрузил в воду руки по локоть и мыл их, мыл, мыл... Ну вот! Теперь на коже не должно остаться ни крупинки того порошка, который мог пристать, когда он разворачивал пакетик и размешивал в чаше вино...

На пирушку Сулла не вернулся. Он обошел Палатин и направился по Новой дороге в сторону Капенских ворот. Выйдя из города, он пошел в одну из конюшен, где давали напрокат лошадей и экипажи. В не многих римских домах держали мулов и лошадей. Дешевле и проще было нанять.

Конюшня, которую он выбрал, была приличной, пользовалась хорошей репутацией, но вот охраняли ее плохо. Единственный конюх крепко спал на куче соломы. Сулла стукнул его по затылку, чтобы тот спал крепче, и не торопясь осмотрелся в конюшне. Он нашел сильного на вид, дружелюбного мула. Никогда раньше не седлавший мулов, Сулла провозился некоторое время, пока не сообразил, как это делается. Но видимо, слишком сильно затянул подпругу – мул тяжело задышал. Поэтому Сулла терпеливо подождал, чтобы убедиться, что с ребрами животного все в порядке. Потом вскочил в седло и несильно ткнул мула в бока.

Новичок в верховой езде, Сулла тем не менее не боялся ни лошадей, ни мулов. Четыре выступа – на каждом углу седла – обеспечивали седоку устойчивость, – конечно, если животное не брыкается. В этом отношении мулы покорнее лошадей. Единственную узду, которую ему удалось убедить мула принять, был простой трензель. Мул спокойно жевал его.

Итак, Сулла направил мула по залитой лунным светом Аппиевой дороге, уверенный, что до утра будет уже далеко. Сейчас было около полуночи.

Без привычки поездка верхом утомительна. Одно дело – ехать легким шагом рядом с носилками Клитумны, совсем другое – торопливая тряска по дороге. Ноги, свисающие с боков мула без опоры, вскоре стали невыносимо болеть, ягоды все время находились в движении, мошонка ощущала малейший толчок. Однако мул оказался довольно резвым, и еще до рассвета Сулла уже достиг Трипонтия.

Далее он свернул с Аппиевой дороги и поехал по бездорожью в сторону побережья. Там также имелось несколько мощеных дорог, пересекающих топи Помптинских болот. Так было короче и менее людно, чем ехать по Аппиевой дороге до Таррацины, а потом поворачивать назад, на север, – до Цирцей.

Углубившись миль на десять в лес, Сулла остановился. Земля была сухая и твердая. В воздухе – никаких mosquitos. Привязав мула на длинную веревку, которую предусмотрительно прихватил в конюшне, Сулла снял седло, лег на него, как на подушку, под сосной и провалился в сон.

Переждав десять часов дневного света, напившись сам и напоив мула в ближайшем ручье, Сулла отправился дальше в путь. Скрытый от случайных глаз накидкой с капюшоном, он держался теперь в седле намного ловчее, чем раньше, несмотря на жуткую боль в позвоночнике и болезненную чувствительность крестца. До сих пор он ничего не ел, но голода не чувствовал. Мул же пощипал травы и был вполне доволен и свеж.

С наступлением сумерек Сулла достиг мыса, на котором стояла вилла Клитумны, и спешил с большим облегчением. Снова снял с мула седло и уздечку, снова привязал его на длинную веревку, чтобы он мог поспать. Но на этот раз оставил его отдыхать в одиночестве.

Сулле по-прежнему везло. Ночь стояла великолепная – тихая и звездная, ни облачка на холодном небосводе цвета индиго. На исходе второго часа ночи далеко на востоке над холмами взошла луна и медленно залила ландшафт своим загадочным светом. Свет этот давал Сулле возможность видеть все, самому оставаясь невидимым. Ощущение собственной неприкосновенности распирало грудь Суллы, гнало прочь усталость и боль, разгоняло холодную кровь и веселило мысли. Он богат, он удачлив. Все идет превосходно, и так будет и дальше. А это означает, что отныне он может жить спокойно в полном благополучии. Он может по-настоящему радоваться.

Когда неожиданно представился случай избавиться от Никополис, у него не было времени, чтобы порадоваться этому. Времени хватило лишь на то, чтобы быстро принять решение и потом терпеливо ждать. Во время путешествия с Метробием исследования открыли ему существование особого ядовитого гриба, совершенно безвредного на вид. Однако Никополис сама выбрала способ ухода из жизни, Сулла лишь выступил в роли катализатора. Это судьба привела ее туда, под то дерево. И его удача. А сегодня он пришел сам. Тщательно все обдумав. И удача снова ему поможет. А страх – чего ему бояться?

Клитумна – там, ожидает обещанного сюрприза в тени сосен. Явных признаков нетерпения еще не проявляет, но уже близко к этому. Однако Сулла не сразу обнаружил свое присутствие. Сначала он убедился, что она никого с собой не привела. Да, она была одна. Даже в пустых конюшнях и комнатах под лоджией – никого.

Он приближался к ней, намеренно шумя, чтобы подготовить ее к встрече. Поэтому, видя, как он появляется из темноты, она уже заранее знала, что это идет он, и протянула к нему руки.

– Все так, как ты говорил! – прошептала она, с тихим смехом уткнувшись ему в грудь. – А сюрприз? Где мой сюрприз?

– Может быть, сначала поцелуй? – спросил он.

Его зубы казались белее кожи – таким странным был лунный свет, такими фантастическими были его чары.

Изголодавшаяся Клитумна жадно подставила ему губы. Она стояла, прильнув к его лицу, привстав на цыпочки, когда он сломал ей шею. Это оказалось так просто. Хруст... Наверное, она так и не осознала случившегося. Когда одной рукой придерживая ее, другой он резко откинул назад ее голову, в глазах мачехи не отразилось испуга. Движение было мгновенным, как удар. Легким. Лишь хруст. Резкий, отчетливый звук. Он отпустил ее, ожидая, что сейчас она сразу рухнет на землю, но она, наоборот, даже чуть привстала на пальцах и начала танцевать для него. Подбоченясь, с откинутой назад головой, она быстро перебирала ногами, потом завертелась, быстрее, быстрее... и – упала бесформенной массой, безобразной, неуклюжей. Сулла почувствовал едкий запах мочи, а потом еще более тяжелый запах кала.

Он не закричал, не отскочил. Его это невероятно радовало. Пока она танцевала перед ним, он смотрел как замороженный, а когда она повалилась, долго еще с омерзением глядел на нее.

– Да, Клитумна, умерла ты не как знатная женщина, – только и сказал он.

Надо было ее поднять, даже рискуя перепачкаться и потом умереть. Тело нельзя тащить волоком, на траве не должно быть никаких следов. Для этого Сулле и требовалась светлая ночь. Поэтому он поднял женщину и немного пронес к вершине утеса, плотно обмотав тело подолом, чтобы на траве не осталось фекалий.

Он заранее определил подходящее место и отметил его белым камнем еще несколько дней назад, когда привозил Клитумну на виллу. Мышцы его напряглись. Наконец-то он навсегда избавится от нее.

Он сбросил Клитумну с утеса. Она полетела вниз, как прозрачная птица, и распласталась внизу бесформенной массой, которую вряд ли смогут смыть морские волны – разве что в сильный шторм. Было абсолютно необходимо, чтобы тело нашли. Сулла не хотел неопределенности в наследовании имущества.

Еще на рассвете он привязал мула возле ручья. Прежде чем напоить его, Сулла вошел в воду – прямо в тунике – и смыл с себя последние следы своей мачехи Клитумны. Оставалось еще одно неотложное дело, и Сулла занялся им, как только вышел из воды. На его поясе в ножнах висел маленький кинжал. Сулла сделал небольшой надрез с левой стороны лба, чуть ниже линии волос. Сразу обильно потекла кровь. Но это – лишь начало. Рана не должна выглядеть аккуратной. Поэтому Сулла взял пальцами за края разреза и стал растягивать, пока не разорвал их, значительно увеличив рану. Кровь полила ручьем, капая на грязную маскарадную одежду и расплываясь по мокрой ткани выразительными подтеками. Ну вот! Теперь хорошо! Из пояса он вынул заранее приготовленную прокладку из белой ткани и плотно прижал ее к разрезу, крепко привязав матерчатой лентой. Кровь попала в левый глаз, он небрежно смахнул ее рукой.

Всю ночь он ехал, безжалостно понукая животное, когда оно замедляло бег. Мул очень устал. Но понимал, что бежит домой, в свою конюшню, и, как все ему подобные, был добродушнее и выносливее, чем лошадь. И Сулла ему нравился. Ему, более привыкшему к боли подгубного ремня, нравился вкус уздечки. Ему нравилось молчание хозяина, его миролюбие. Поэтому ради него он бежал рысцой, легким галопом, переходил на шаг, потом, немного отдохнув, опять набирал темп. Пар поднимался от его косматой шерсти. Мул ничего не знал о женщине, лежащей на камнях со сломанной шеей. Для него Сулла был добрым человеком.

За милю до конюшен Сулла спешился и, сняв с мула веревку, забросил ее в кусты. Потом он шлепнул животное по крестцу и направил его в сторону конюшен, уверенный, что тот найдет дорогу. Но когда Сулла с трудом поплелся к Капенским воротам, мул последовал за ним. Сулле пришлось отгонять его камнями. Мул понял намек, махнул хвостом – и пошел прочь.

Закутанный в накидку с капюшоном, Сулла вошел в Рим как раз в тот момент, когда восточный край неба порозовел. За девять часов, в каждом из которых было по семьдесят четыре минуты, он доехал от Цирцей до Рима, что было подвигом для уставшего мула и человека, впервые севшего в седло.

Лестница Кака вела от Большого цирка к Гермалу на Палатине. Она была окружена наисвященной землей – там обитал дух первоначального города Ромула. Небольшая пещера да родник, бьющий из камня, – вот где волчица выкормила близнецов Ромула и Рема. Сулле это место показалось подходящим, чтобы спрятать свои вещи. Накидку с капюшоном и повязку с головы он тщательно засунул в полое дерево за статуей духа местности. Рана сразу же стала кровоточить, но теперь кровь сочилась медленно.

Ранние прохожие были потрясены, увидев пропавшего Суллу, с трудом бредущего в окровавленной женской тунике, такого грязного и покалеченного.

В доме Клитумны все были на ногах. Слуги не ложились с тех пор, как Геркулес Атлант в бешенстве покинул дом – почти тридцать два часа тому назад. Когда привратник впустил Суллу, похожего на призрак, слуги кинулись к нему со всех сторон, чтобы оказать помощь. Его вымыли, уложили в постель. Вызвали не кого-то, а самого Афинодора-сицилийца, чтобы тот осмотрел рану на голове хозяина. И Юлий Цезарь пришел спросить, что случилось с соседом, потому что весь Палатин разыскивал его.

– Расскажи мне, что можешь, – сказал Цезарь, садясь у ложа.

Сулла выглядел очень убедительно. Синева вокруг губ, бесцветная кожа блее, чем обычно, усталые глаза покраснели и воспалились.

– Глупо, – невнятно произнес он. – Не стоило связываться с Геркулесом. Я крепкий, могу постоять за себя. Но уж не думал, что человек может быть так силен! Я полагал, он только даст представление – и все. Но он напился и... просто унес меня с собой, как куль! Я ничего не мог поделать, не мог даже остановить его! Он отпустил меня – потом, но, наверное, перед этим ударил. Я попал в какой-то переулочек в Субуре и провалялся там, должно быть, целый день. Ты ведь знаешь, что такое Субура! Никто даже не пытался мне помочь. Когда я смог встать на ноги, то пришел домой. Вот и все, Гай Юлий.

– Тебе очень везет, молодой человек! – сказал Цезарь сквозь зубы. – Если бы Геркулес Атлант принес тебя к себе домой, ты мог бы разделить его участь.

– Его участь?

– Твой управляющий пришел ко мне вчера, когда ты не вернулся домой, и спросил, что ему делать. Услышав от него всю историю, я нанял гладиаторов и отправился с ними к Геркулесу Атланту. Мы обнаружили там следы настоящей бойни. По какой-то причине Геркулес Атлант превратил в щепки всю мебель, кулаками пробил в стенах огромные дыры. Он так напугал других жильцов, что они все разбежались. Сам он лежал посреди комнаты – мертвый. Я лично считаю, что у него случилось кровоизлияние в мозг и он от боли сошел с ума. Или же, возможно, кто-то отравил его. – Выражение безразличия появилось на лице Цезаря и тотчас исчезло. – Умирая, он учинил этот разгром. Похоже, первыми его обнаружили слуги, но они исчезли до моего прихода. Поскольку мы не нашли никаких денег, думаю, слуги забрали все, что смогли, и убежали. Ведь ты заплатил ему за выступление?

Сулла закрыл глаза. Притворяться усталым ему не требовалось.

– Я заплатил ему заранее, Гай Юлий, поэтому не могу сказать, были ли у него в доме деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.